923 B26 M2263396
Вегнер М. Предки Пушкина
1937

ПРЕДКИ

ПУШКИНА

M 2263396

СРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
П

Инвентаризация
1947 г.
923
В 26

М. ВЕГНЕР

Инв. № 16048

ПРЕДКИ ПУШКИНА

БИБЛИОТЕКА
Основной фонд
Омского ДКА
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 3781
6-го ОТД Б-НА
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 1254
6-го ОТД Б-НА
БИБЛИОТЕКА
ОБЛАСТНОЙ ПРОФСОЮЗНОЙ
Омского ДКА

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»
1937

М 2263396
Омская областная
научная библиотека
им. А.С. Пушкина

14261
БИБЛИОТЕКА
им. ...НЗЕ
Омского ДКА
3041
инв. 2006г.
БУ «Областной дом ветеранов труда»
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 13818
644099, г. Омск, ул. Партизанская, 12

Худ. Литвак.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хорошо известно, что Пушкин проявлял чрезвычайно сильный интерес к родной истории. Ей посвящены «Борис Годунов», «Капитанская дочка», неоконченный «Арап Петра Великого», некоторые поэмы («Полтава», «Медный всадник»), ряд стихотворений. Историзмом насыщены многие другие его произведения. Занялся он и настоящей исторической работой, написав «Историю Пугачева». В последние годы своей жизни он работал над «Историей Петра I» и довольно ревностно собирал материалы по архивам.

С этим интересом к истории России у Пушкина сочетался весьма живой интерес к его предкам. Одного из своих прадедов он сделал героем исторического романа («Арап Петра Великого»). В 1830 году, в качестве начала предположенных записок о своей жизни, он написал небольшую статью «Родословная Пушкиных и Ганнибалов». В бумагах Пушкина оказался черновик еще одной статьи, посвященной предкам и также написанной в 1830 году. В том же году написано известное стихотворение «Моя родословная». Поэт со-

бирал сохранившиеся семейные предания; собирал и фамильные бумаги. По недавно сделанным публикациям можно установить, что в пушкинском архиве, оставшемся после его смерти, оказались и такие семейные документы и справки, которые к тому времени давно уже утратили какое-либо практическое, деловое значение, но представляли интерес исторический.

Пушкин писал с гордостью, что происходит «от предков, коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей».

Возражая подлым полицейским доносчикам Булгарпным, которые обвиняли его в дворянской спеси, он писал: «Но что есть общего между привязанностью лорда к своим феодальным преимуществам и бескорыстным уважением к своим предкам, коих минувшая знаменитость не может доставить нам ни чинов, ни покровительства». Он издевался над теми людьми, которые «более дорожат звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества». Для Пушкина история предков сливалась с историей русского народа, притом такой, в которой общий исторический процесс проявлялся с особенною конкретностью и картинностью.

Не для того мы интересуемся предками Пушкина, чтобы гадать, в кого из них он пошел и от кого какие черты унаследовал. Пушкин, величайший сын русского народа, великий русский поэт, органически-тесно был связан со своим народом, со своею страною, а с историей ее — через

своих предков. Он остро ощущал эту свою кровную связь — здесь корень и истинная суть его гордости «шестисотлетним дворянством».

Историки и литературоведы уже с пятидесятых годов стали продолжать работу Пушкина по собиранию сведений об его предках. К настоящему времени накопился весьма порядочный, но сильно разрозненный материал. При этом обнаружилось, что в некоторых частях, относящихся, главным образом, к устным семейным преданиям, Пушкин находился во власти неверных представлений. Очень многого о своих предках он совсем не знал. Мы в этом отношении гораздо счастливее его, хотя и нам приходится сожалеть о разных досадных пробелах. Однако и накопленный материал достаточно богат и интересен. Он разбросан по многочисленным публикациям, частью весьма старым; некоторые довольно важные части его не попадали еще в поле зрения пушкинистов.

Последнюю сводку всех изысканий о предках Пушкина сделал в 1907 году Б. Л. Модзалевский для венгеровского издания сочинений поэта в статье «Род Пушкина». Работа носит итоговый характер по отношению к многочисленным прежним исследованиям, не говоря уже о собственных разысканиях Модзалевского. Но его труд не дает удовлетворения. Этот очерк чрезмерно сжат (24 стр.), и сжатость эта достигнута путем опущения значительной части имевшегося уже тогда материала, подчас весьма ценного и важ-

ного. Несмотря на краткость своего очерка, автор уделил сравнительно много места тому, что не имеет сколько-нибудь близкого отношения к биографии Пушкина (например, подробности о некоторых очень отдаленных боковых родичах поэта). Зато чрезмерно сжал тот период в истории предков Пушкина, который всего ближе к нашему поэту, а потому представляет для нас наибольший интерес. Очень серьезным недостатком статьи Модзалевского, как и всех прочих работ на ту же тему, мы считаем игнорирование ближайших женских линий (Ржевских, Головиных, Чичериных и др.). Оно не может быть ничем оправдано. В истории нашего поэта эти линии не менее важны, чем роды Пушкиных и Ганнибалов. Наконец, со времени очерка Модзалевского протекло уже почти тридцать лет. За это время наши сведения о предках Пушкина значительно пополнились.

Таковы мотивы, которые побуждают нас предложить вниманию читателей новую историю этих предков.

При составлении настоящих очерков мы стремились сделать их интересными для возможно более широкого круга читателей. Мы стремились к возможной точности и соответствию действительности, как она раскрывается из источников. Но мы затруднились каждый пункт нашего изложения подтверждать соответствующими ссылками, – иначе пришлось бы нашу работу загромоздить слишком большим количеством подобных

ссылок. Они представлялись нам не столь важными, так как в соответствующих местах очерков даны подробные общие обзоры источников с их характеристикой. Те немногие ссылки, которые представлялись нам необходимыми, отнесены в примечания.

Мы будем благодарны, если пробелы и ошибки в нашей работе будут нам указаны.

I

ПРАДЕД АБРАМ ПЕТРОВИЧ ГАННИБАЛ

1

В наружности Пушкина бросались в глаза черты, которые казались «африканскими». Нет ничего удивительного в том, что среди предков Пушкина были иностранцы: очень многие русские роды вели свое начало от татар, немцев и иных, самых различных национальностей. Но, вероятно, нет ни одного русского дворянского гнезда, которое бы пошло от африканца, каким был один из прадедов Пушкина со стороны матери — Абрам Петрович Ганнибал. При дворах государей и в аристократических домах издавна было в моде держать арапчат, арапов и арапок. Но никто не помнил случая, чтобы арап — таким считали прадеда Пушкина — достиг высоких степеней, стал крупным помещиком, каким был Ганнибал, биография которого сбивается на

занимательный, авантюрный роман. Недаром поэт увлекся своим прадедом и сделал его героем повести «Арап Петра Великого». Интерес к Ганнибалу усиливался тем, что, как казалось всем, в том числе и самому поэту, этот-то оригинальный предок будто бы повлиял на природу своего гениального правнука. Но и без такого сходства Ганнибал интересен как яркий представитель петровской и послепетровской эпохи. О нем Пушкин рассказывает в «Родословной Пушкиных и Ганнибалов» и упоминает в ряде других произведений. В бумагах поэта оказалась немецкая биография Абрама Петровича, составленная, несомненно, лицом, близким к нему, относившимся с почтением к его памяти и пользовавшимся сведениями, повидимому, из первых рук, т. е. от самого Ганнибала. В тех же бумагах оказался и перевод этой биографии, перевод тяжелый, малограмотный, сделанный, очевидно, лицом, плохо владевшим русским языком. Этим переводом (о нем см. примечания) мы пользуемся в настоящем очерке.

После смерти Пушкина интерес к Ганнибалу не угасал. Накопилось и разыскано много новых материалов. Они обнаружили недостаточность в некоторых отношениях тех сведений, которыми располагал поэт. Первым по времени биографом А. П. Ган-

нибала был Гельбиг, советник саксонского посольства при петербургском дворе, в 1787 году написавший по-немецки книжку о русских фаворитах и людях, которых «случай» поднялна социальные верхи. Здесь, впрочем, о Ганнибале дана только очень короткая справка. В 1836 году Бантыш-Каменский, в своем «Словаре достопамятных людей Русской земли», поместил короткую биографию Ганнибала. Автор говорит, что при составлении ее пользовался, между прочим, «словесным преданием», переданным ему А. С. Пушкиным. О годах учения Абрама Петровича кое-что ценное сообщил П. П. Пекарский в 1862 году. В 1864 году М. Н. Лонгинов составил хронологическую канву истории Ганнибалов. Некоторые из его дат неверны. Яркую характеристику Ганнибалов дал в 1874 году Анненков в своей второй книге о Пушкине «Пушкин в Александровскую эпоху». При популярности этой книги данная в ней характеристика получила большое распространение, а между тем она едва ли верна — Анненков многого не знал, а частью следовал сомнительному источнику. Подробную биографию Абрама Петровича разработал впервые М. Д. Хмыров в 1873 году. Печальную историю первой жены Ганнибала рассказал С. И. Опатович.

Связанным с Ганнибалом антрополоти-

ческим вопросам и в частности изучению наследственного воздействия африканца на своего знаменитого правнука посвятил большую статью в 1899 году известный тогда антрополог и географ Д. Н. Анучин. Некоторые частные вопросы разъяснены им с большою обстоятельностью, а собранный им материал в некоторых отношениях интересен. Но вся его статья в целом для нас совершенно неприемлема. Анучин исходил из таких взглядов, из которых впоследствии махровым цветом распустились современные фашистские расовые теории, теории в корне антинаучные и глубоко вредные.

И после Анучина продолжалось собирание архивных материалов об Абраме Петровиче. С. Н. Шубинский рассказал историю кружка княгини А. П. Волконской, в котором одно время участвовал Ганнибал; с этим связана ссылка его в Сибирь. Последний общий очерк истории Ганнибала сделал Б. Л. Модзалевский в 1907 году в статье «Род Пушкина». Но в обрисовке прадеда Пушкина Модзалевский оказался чрезвычайно скуп (3—4 стр.), ограничившись почти одной хронологической канвой. Сверх того, автор вместо критического отношения к работам предшествующих биографов послушно следовал за ними и тем только укрепил некоторые сомнительные

традиции, удерживающиеся доселе в пушкинской литературе (например, в отношении истории первого брака Ганнибала, его характеристики и некоторые другие). После статьи Модзалевского одна из далеких потомков Абрама Петровича, Анна Семеновна Ганнибал, опубликовала ряд новых интересных материалов по истории ее предков.

Таковы главнейшие источники для построения биографии Абрама Петровича. Наиболее обстоятельною и полною остается до сих пор работа Хмырова. Но за протекшие 60 лет она сильно устарела.

2

В прошении 1742 года в Сенат о выдаче дворянского герба Ганнибал писал: «Родом я из Африки, тамошнего знатного дворянства. Родился во владении отца моего, в городе Лагоне, который и кроме того имел под собою еще два города. В 1706 г. я выехал в Россию из Царяграда, при графе Савве Владиславиче, волею своею, в малых летах, и привезен в Москву...»

В переводе немецкой биографии Ганнибала, сохранившемся в бумагах Пушкина, происхождение и детство его прадеда изображены следующим образом: «Родом был африканский арап, из Абиссинии, сын в

тогдашние времена сильного владельца в Абиссинии, столь гордого своим происхождением, что выводил оное прямо от Аннибала [знаменитый карфагенский полководец 3—2 веков до нашей эры, нанесший римлянам несколько значительных поражений]. Сей владелец был вассалом Оттоманской Империи в конце прошлого столетия [т. е. XVII века], взбунтовавшийся против турецкого правления вместе со многими другими князьями, утесненными налогами. После многих жарких битв сила победила. И сей Ганнибал 8 лет, как меньшой сын владельца, вместе с другими знатными юношами был отвезен в залог в Константинополь. Жребий сей должен был миновать отрока, но мать его была последняя из 30 жен африканского владельца. Прочие княгини, поддержанные своими связями, через интриги родственников, обманом посадили его на корабль, назначенный для отвоза залогов. Сестра его, единственная, любимая, старее его несколькими годами, имела довольно духа, чтобы бороться за него — она уступила силе, проводила его до лодки, надеясь просьбами его избавить или искупить жертвою всех своих драгоценностей. Но видя, что все ее старания были тщетны, бросилась она в море и утонула. В самой глубокой старости его текли слезы при воспоминании любви и дружбы — и всегда

живо и ново представлялась ему сия картина. Вскоре после привезен был Аннибал в Константинополь и вместе с другими юношами принят в сераль султана, где пробыл год и несколько месяцев. Петр имел горесть видеть, что подданные его упорствовали просвещению. Желая показать им пример над совершенно чуждою породою людей, писал к своему посланнику Шепелеву, чтобы он прислал ему арапчика с хорошими способностями. Сей за одно с визирем с немалою опасностью прислал ему трех. Между тем один из его братьев наследовал их престарелому отцу... [Впоследствии] брат его, полагая его в Константинополе и, вероятно, побужденный к тому матерью сего последнего, послал братьев для искупления сего нового Иосифа. Они приехали в Петербург, но, к сожалению двух братьев, простившихся навеки, [Петр] его не отпустил. Впоследствии старик хотел возобновить требование на африканское владение, но Иван Абрамович Ганнибал [старший сын] отсоветовал ему сию странную мысль, говоря «для княжеского звания нужно и царское богатство», и старый арап с ним согласился».

По семейным преданиям брат, приехавший к Петру за Ганнибалом, предлагал за него выкуп, но царь не согласился возвратить арапа. «До глубокой старости Аннибал

Омская областная

помнил еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьев, из коих он был меньшой; помнил, как их водили к отцу с руками, связанными за спину, между тем как он один был свободен и плавал под фонтанами отеческого дома; помнил также любимую сестру Лагань, плывшую издали за кораблем, на котором он удалялся».

Сам Ганнибал считал себя арапом, т. е. негром. Таким считали его в России все его современники и его потомки, включая и нашего поэта. Негром считала его на протяжении многих десятилетий и наша литература. После исследований Анучина загадочное происхождение Ганнибала представляется вполне разъясненным. Это был не негр и не араб (житель Аравии, аравитянин), а абиссинец. Отец Ганнибала был владетельным князем в северной Абиссинии (т. е. в восточной Африке, к югу от Египета, в той части Абиссинии, которая еще в конце XIX века отошла к Италии, образовав ее колонию Эритрею) и имел резиденцию на абиссинском плоскогорьи, в Логоне, на берегу реки Мареба. Есть даже основание думать, что это был князь приморской области, имевший своею столицею, в конце XVII века, Добарву или Дебароа, которая могла называться также по имени всего округа и Логон. Дебароа была тогда городом с видными каменными

постройками, и живший в ней князь, надо полагать, был сравнительно богатым владетелем. У этого князя была большая семья, много жен и детей, целый сераль, как и у позднейших князей той же области. Прадед Пушкина, Ибрагим, был одним из младших сыновей этого князя, находившегося уже в преклонных летах, и родился в 1697—1698 годах. В период детства Ибрагима Абиссинии пришлось выдерживать один из очередных натисков турок-османов, которые еще с XVI века начали свои беспрерывные нападения на Абиссинию. Ибрагим пользовался, повидимому, особенною любовью своего отца, что могло вызвать зависть в старших братьях от других жен, и они нашли случай от него избавиться. Необходимо было уплатить туркам дань или представить заложников. Братья воспользовались, вероятно, этим обстоятельством и обманным образом доставили Ибрагима туркам, которые отвезли его в Константинополь и как мальчика княжеского происхождения представили во дворец к султану. Здесь он прожил с небольшим год. В это время Петр Великий приказал русскому посланнику в Константинополе — им был тогда думный дьяк Е. И. Украинцев — достать для него нескольких способных мальчиков-арапов. Посланник с большим трудом исполнил поручение царя, и Ибрагим в

1706 году привезен был в Москву графом Саввою Рагузинским и доставлен прямо к Петру Великому. По одним источникам, Ганнибал был выкраден из сераля при содействии султанского визиря; по показанию же его самого, он в Россию «выехал волею своею». Судя по рассказам его сыновей, верным представляется первое.

Обычай пользоваться «арапами», неграми в качестве рабов и слуг ведет свое происхождение с глубокой древности. В XVIII веке в Германии не было почти ни одного короля или владетельного герцога, который бы не имел в своем штате одного или нескольких «арапов». В Россию мода эта стала проникать еще в конце XVII века; есть известия, что один арап был уже у боярина А. С. Матвеева. Петр, подражая иностранным владетелям, неоднократно выписывал к себе арапов. Некоторые из них, подобно нашему герою, также назывались Абрамами.

Загадочным происхождением Ганнибала пользовались впоследствии, чтобы уязвить Пушкина. На один из таких выпадов поэт ответил (в «Моей родословной» 1830 г.):

Решил Фиглярин [Булгарин], сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкипера попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двигнулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.
Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб...

3

В немецкой биографии Ганнибала говорится, что «император был чрезвычайно доволен [присылкою арапчонка] и принялся с большим вниманием за его воспитание, придерживаясь главной своей мысли [преодолеть упорство своих подданных просвещению]. Петр, по своей прозорливости увидев тотчас расположение детей [Аннибала], как живого, смелого, назначил в военную службу. Ганнибал, неразлучный с императором, спал то в его кабинете, то в его токарне, и вскоре потом сделался тайным секретарем своего императора. Государь имел всегда над своею постелью аспидную доску... Государь писал ночью приходившие ему мысли, а Аннибал утром переписывал и рассылал по разным коллегиям. Государь, будучи день ото дня более убежден дарованиями сего юноши и

под собственным своим надзором дал ему лучших учителей — особенно математиков. Сии занятия продолжались беспрерывно, в самых трудах и походах императора до 1707 г., где он в Польше крещен государем и королевою польскою, супругою Августа II. Он получил имя Петра, но, имев уже привычку называться Ибрагимом, с позволения Петра подписывался везде Ибрагимом, хотя в книге свидетельства церковного назван Петром, а как император заступал ему место отца — Петром Петровичем».

Действительно, в 1707 году, в бытность царя в Вильне, Ибраим был крещен в православие, причем сам царь был его восприемником — от него он и получил свое отчество, а крестною матерью была жена польского короля. Ибрагиму дали имя «Петра». По семейным преданиям Пушкин сообщает, что так как мальчик «плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом». Имя Абрама выбрано, вероятно, по созвучию с Ибрагимом. В течение многих лет Ганнибал и сам подписывался и именовался в официальных бумагах и в частных письмах «Абрам Петров». Фамилию же Ганнибала он принял много позднее, в 30-х годах.

Во всяком случае любимец царя был сначала весьма незначителен. На первых

порах он исполнял обязанности слуги. В одном документе 1709 года значится; «Декабря в 20 день, по приказу, деланы кафтаны: Якиму Карле и Абраму арапу, к празднику рождества христова, с камзолы и штаны. Куплено сукна красного обоим по осьми аршин, по два рубли по шестнадцати алтын по четыре деньги аршин; им же пуговиц медных» и т. д.

В дальнейшем Петр заметил, вероятно, способности в Абраме и дал ему образование. Во всяком случае до 1717 года Абрам, по свидетельству формулярного списка его, «был при всех тех походах и баталиях, при которых его величество своей особой присутствовать соизволил». Он был неотлучно при царе, неся при нем обязанность камердинера, денщика и секретаря. По преданию, Абрам отличался особенною чуткостью. Не проходило ночи, чтобы Петр не разбудил его, а иногда и не один раз. «Арап», — кричал Петр, — и арап тотчас же откликался: «Чего изволите?» — «Подай огня и доску». Арап подавал грифельную доску, висевшую над постелью царя. Петр записывал, что ему приходило на мысль, и отпускал Абрама: «Повесь и поди спать».

По поводу Абрама ходило немало анекдотов, например, следующий: хирург Лесток и камергер Монсон, заметив царского шута

Тюринова, крепко спавшего на палубе, сыграли с ним шутку — присмолили ему к груди его длинную бороду. Проснувшись, шут завопил и разбудил царя. Петр вскочил взбешенный, схватил канат и бросился на крики. Шалуны, услыхав его шаги, попрятались. Первым попался царю на глаза Абрам и был отхлестан не на шутку. За обедом Лесток и Жонсон, глядя на несчастного Абрама, не могли удержаться от смеха. Петр узнал, чему они ухмыляются, сам расхохотался и сказал арапу: «Я поколотил тебя напрасно; зато, если в чем-нибудь провинишься, напомни мне, чтобы тебя простить». Таких случаев представлялось будто бы немало, и «Абрам долго пользовался терпением царя».

Привычка Петра к своему крестнику, усиливаясь со временем, побудила царя, носившего звание капитана бомбардирской роты Преображенского полка, записать в ту же роту и Абрама, на первый раз — барабанщиком. Бомбардирская рота считалась наиболее привилегированною частью этого знаменитого полка.

4

Перед 1717 годом Абрам служил где-то в гарнизоне. Отправляясь в свое второе

заграничное путешествие, Петр взял Абрама с собой. В бытность в Париже царь оставил его во Франции для изучения инженерных наук. Другой молодой человек, Алексей Юров, был оставлен там же для обучения в науках и делах гражданских и политических. Ганнибал вспоминал потом, что царь, «по отъезде своем изволил нам с Алексеем Юровым из уст своих сказать, что ежели будем моты или в тюрьму попадем [за долги], то бы нам не иметь никакой милости от его величества для нашей выкупки, потом изволил сказать, ежели мы будем прилежно учиться, также чтобы иметь доброе житье, то я вас не оставлю».

Тем не менее положение наших школьников за границей было в то время печальным. О них частенько забывали. Ученикам отпускали порою мало денег, да и те запаздывали. Деньги пересылались какими-то сложными путями, и при промене ученики много теряли. Ученики неоднократно писали и царю, и кабинет-секретарю Макарову, который, в качестве заведывавшего царской канцелярией, был особенно близок к Петру Великому. Конон Зотов, находившийся за границей по разным поручениям и пользовавшийся большим доверием царя, не раз доносил через Макарова о наших заграничных учениках. Так, в 1717 году он писал о русских гар-

демаринах, отданных во французскую службу для обучения морскому делу: «Приняли их в гардемарины весьма ласково и охотно; только прискорбна душа моя даже до смерти, смотря на их нищету... для чести государевой, я от всей ревности роздал парик, кафтан, рубахи, башмаки и деньги. Желал бы сам быть палачем и четвертовать того, который на смех вас обнадеживал, что здесь гардемаринам хорошее жалованье и мундир и квартиры. На день им идет по 12 коп. только, и больше нет ни мундиру, ни квартир. Так мне прискорбно, что легче бы было видеть смерть перед глазами моими, нежели срамоту такую нашему отечеству, и лучше бы их перебить, что поросят, нежели ими срамиться и их здесь с голоду морить. Многие хотят в холопы идти, только я их стращаю жестоким наказанием, истинно против своей совести, ибо знаю, что худо умирать с голоду. Надобно одноконечно им присылать по 300 ефимков в год хотя из казны».

Парижские ученики беспрестанно жаловались на свое бедственное положение. Расплываясь в верноподданнических чувствах и придумывая самые затейливые обороты, чтобы их выразить, Абрам не переставал слезно умолять об улучшении своего положения. То он жаловался, что «на плечах ни кафтана, ни рубахи почи-

тай нет», что нечем платить учителям; то указывал, что на присылаемые стипендии «не токмо пропитаться, ни от долгов себя защитить невозможно». И жалобы подобного рода повторялись много раз с упорною настойчивостью (образцы этих писем см. в примечаниях).

Абрам старался выучиться основательно инженерному делу. Он решился даже записаться во французскую службу волонтером, чтобы открыть себе хорошую учебную дорогу. В 1719 году участвовал в войне французов с испанцами, причем был ранен в голову и взят в плен. Из-за этой раны он впоследствии страдал головными болями. В 1720 году по мысли знаменитого инженера Вобана была открыта для «молодых инженеров» военная школа (инженерная и артиллерийская) в Меце, в 100 милях от Парижа. В школу из иностранцев принимали только тех, кто вступит во французскую службу. Абрам «оную оказию профитовал» [использовал] и собственно для этой цели — для «лучшего ученья»— определился «волентиром инженерским». Он оказал такие успехи, что уже в начале 1722 года был произведен в поручики французской службы. Он поступил в названную школу и обучался в ней.

В январе 1722 года русский посланник в Париже кн. В. Л. Долгоруков объявил учени-

кам, посланным во Францию, указ царя возвратиться в Россию весною того же года. Ганнибал стал забрасывать письмами кабинет-секретаря Макарова. Ганнибалу предложили возвратиться в Петербург морем. 5 февраля он писал: «Прошу вас, моего государя, доложить имп. в-ву, что я не морской человечек; вы сами, мой государь, изволите ведать, как я был на море храбр, а ноне пуще отвык. Моя смерть будет, ежели не покажут надо мною милосердие божеское, понеже светлейший князь [Долгоруков] сказал, что морем ехать всем. Ежели имп. в-во ничего не пожалует, чем бы нам доехать в Петербург сухим путем, то рад и готов пешком итти... Прошу христа ради и богородицы, чтобы морем не ехать...»

Абрам просил также оставить его во Франции еще на один год. Он указывал, что с большим трудом открыл себе доступ в запретную для иностранцев инженерную школу и в ней еще не доучился; что ученики сделали сами без мастеров «город для учения атаков разных, также и для подкопов». Посол кн. Долгоруков поддерживал просьбу Абрама: «держав их столько лет в здешних краях и понещи убыток, а выслать их недоучась, они будут ни ученики, ни мастеры, только напрасно пропадет убыток, который от них понесен, того

для не повелит ли его имп. в-во дать им время те их науки здесь окончать, как Абрам мне сказал, что еще нужно от сего времени еще год жить, чтобы гораздо видеть практику». Но материальной поддержки ученикам он не оказывал. Он и сам хлопотал о высылке причитающегося ему содержания. Не получая ответа на свои письма, Абрам вновь умолял Макарова о высылке денег, и эту мольбу пришлось ему повторить еще несколько раз.

В апреле Абрам получил, наконец, деньги и повеление ехать в Петербург с кн. Долгоруковым и во второй половине 1722 года или в начале 1723 года, после 5—6-летнего обучения во Франции возвратился в северную столицу.

По поводу французского периода жизни Абрама Петровича в немецкой его биографии читаем: «Петр с удовольствием видел успехи своего ученика и для усовершенствования в науках послал его с рекомендательными письмами и с хорошим пенсионом к регенту [правившему Францией за малолетством короля], который поместил его в военную школу, где он окончил курс математической науки под руководством Бельора, выпущен оттуда офицером артиллерии, был во всех походах, был употреблен в копании мин, ранен в голову в одном подземном сражении и взят в плен.

Петр I не спускал с него глаз и слышал часто свидетельства о его прилежании, способностях и хорошем поведении и лет через 6 вызвал его в Россию. Но просвещение, роскошь и самый климат Франции остановило молодого арапа — и для того он отлагал свое возвращение, то под предлогом болезни, то неокончания наук. Петр угадал причину сию и писал регенту, что он Аннибала принуждать никак не намерен вступить в свою службу, что он совершенно свободен и что предоставляет он все его совести. Герцог показал Аннибалу сие письмо. Аннибал немедленно оставил службу, благодарив французов за их ласки и честь. Государь поехал к нему навстречу с Екатериной до 27 версты, до Красного села...»

«В «Родословной Пушкиных и Ганнибалов» Пушкин пишет, что Ганнибал «послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу, во время испанской войны был в голову ранен в одном подземном сражении (сказано в рукописной его биографии) и возвратился в Париж, где долгое время жил в рассеянии большого света. Петр I неоднократно призывал его к себе, но Ганнибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами. Наконец, государь написал ему, что он

неволить его не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или остаться во Франции, но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Тронутый Ганнибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уже отыскать».

Наконец, в романе «Арап Петра Великого» Пушкин изобразил Абрама вращающимся во Франции в высшем свете, привлекающим в качестве «редкого зверя» «сладостное внимание женщин», вступившим в связь с какой-то графиней и т. д. Эта связь будто и удерживала Абрама в Париже.

Между этими рассказами о связях Абрама Петровича в кругах парижской аристократии и приведенными выше его письмами к царю и Макарову, по которым Ганнибал представляется голодным оборванцем, получается большая невязка. Устранить ее придется, ослабив и эти рассказы, и эти письма. Об острой нужде писал в Петербург не только Абрам, но и посторонние люди, например, Конон Зотов. Нет никакого сомнения, что заграничным царским ученикам приходилось порой очень туго. Но для нас все-таки неясно, имела ли

место только неаккуратная высылка стипендий или они были малы. Нам известно, что из Парижа Абрам Петрович вывез очень порядочную библиотеку, около 400 томов, которая во всяком случае стоила немалых денег. Стало быть, деньги были. Поэтому в письмах Ганнибала придется некоторую долю отнести насчет того вымогательства, которое широко практиковалось в дворцовых кругах.

Та немецкая биография, на которую опирался Пушкин, несомненно сильно приукрашена. Едва ли Петр, да еще с Екатериной, выехал навстречу Ганнибалу. Едва ли Ганнибал вращался в высшем обществе. Вполне вероятно, что в Париже его удерживали не одни научные занятия. Совершенно несомненно, что в Париже Абрам Петрович получил солидную специальную подготовку и порядочную общую. У него пробудился интерес и вкус к цивилизации, о чем свидетельствует вывезенная им библиотека. В ней мы находим, помимо книг технических и математических, немало сочинений географических, исторических, философских, политических и литературных, свидетельствующих об углубленности и разнообразии умственных интересов Ганнибала.

5

Не вполне ясно, куда назначили Абрама Петровича по возвращении в Петербург. По одним сведениям, он был направлен на инженерные работы в Кронштадт; по другим — вступил в исполнение своих прежних обязанностей при государе, получив в свое заведывание весь кабинет царя, в котором находились чертежи, проекты разных сооружений и библиотека. Во Франции Ганнибал дослужился до чина капитана. В России его определили поручиком в бомбардирскую роту Преображенского полка и, кажется, вскоре возложили на него педагогические обязанности. По крайней мера указ царя от 4 февраля 1724 года гласит: «Абраму (арапу), который во Франции служил капитаном и привез свидетельство, того ради определить его поручиком в бомбардирскую роту к инженерам, которых из молодых в кондукторы надлежит собрать корпорельство из наших полков и их детей, которые тому обучаются». Во всяком случае есть известие, что Абраму поручено было, между прочим, учить молодых солдат, из дворян, математическим наукам. Известный мемуарист XVIII века А. Т. Болотов рассказывает: «У дяди моего нашел я также и несколько математических книг, печатных и скорописных,

а особливо была у него прекрасная геометрия и фортификация, писанная и черченная самим им в молодости, когда он учился наукам сим у Ганнибала». Привлекали Абрама Петровича и к переводам. Поручая Конону Зотову перевод двух книг с французского на русский, Петр писал ему: «А буде вы из тех книг, которых не изволите знать терминов, то извольте согласиться с Абрамом Петровым».

В немецкой биографии Абрама Петровича сказано, что он «перед смертью Петра (в 1725 г.) послан был для поправки укреплений в Ригу, при чем государь пожаловал ему 2000 червонцев голландских... После его смерти возвратился он в Петербург, оплакивая с верными слугами отечества потерю государя».

В 1725 году умер покровитель Абрама император Петр, и Россия вступила в долгую полосу дворцовых переворотов.

Отец Петра Великого, Алексей Михайлович, царствовал в силу укоренившегося русского обычая, по которому за смертью царя престол переходил к его старшему сыну. На этом же основании после Алексея Михайловича царствовал его старший сын Федор Алексеевич. Он прожил недолго и умер, не оставив потомства. Очередь наступила за следующим сыном царя Алексея — слабым здоровьем и убогим Иоан-

ном; третьим был Петр. Оба происходили от разных матерей, так что за каждым стояла своя родня. В результате тяжелой дворцовой борьбы, в которую были вмешаны стрелецкие полки, установилось двоевластие: царями стали Иоанн и Петр вместе. Иоанн Алексеевич скоро умер. Сыновей у него не было, но остались дочери, в том числе Анна. Петр стал единодержавным монархом и впоследствии сменил традиционный титул царя на императора всероссийского. Был женат дважды. С первой женой, Евдокией Федоровной Лопухиной, он разошелся, заточив ее в монастырь. От нее имел сына Алексея Петровича. Этот сын как противник петровских реформ был отцом казнен. Но после него осталось потомство: сын Петр Алексеевич и дочь Наталья. Вторым браком царь Петр был женат на Екатерине Алексеевне, весьма низкого происхождения. С нею он сожительствовал еще до формального брака и до брака же прижил от нее двух дочерей, в том числе Елизавету. После смерти Петра положение осложнилось тем, что Петр Великий отменил стародавний порядок престолонаследия и установил, что царствующий государь назначает себе наследника по своему усмотрению,— но сам Петр преемника себе назначить не успел. Наиболее влиятельные дворцовые круги возвели на

престол вторую жену умершего императора, Екатерину Алексеевну, а наследником был назначен великий князь Петр Алексеевич — внук Петра Великого по его злополучному сыну.

Императрица продолжала дело своего мужа, опиралась на его ближайших сотрудников и поддерживала их. Ганнибал был приглашен преподавать математические науки наследнику престола. В 1726 году он поднес императрице сочиненную им книгу по инженерному искусству и просил, чтобы она «призрела его, иностранца, воспитанного от самого младенчества при доме его величества 22 года, дабы он мог иметь без нужды пропитание», прибавляя, что «вашему вел-ву известно, что я не имею по бозе иного прибежища, кроме вашего имп. в-ва». В том же 1726 году Абрам Петрович продал часть своих книг в царскую библиотеку. Но около 300 томов у него все-таки осталось.

Между тем, время наступило весьма тревожное. В дворцовых кругах боролись за влияние, за власть. При императрице первенствующую роль играл князь Меншиков. Положение его было непрочным. Он имел много врагов, недоброжелателей и завистников. Абрам Петрович ввязался в дворцовые интриги. Он вошел в кружок

княгини А. П. Волконской, рожденной Бестужевой, гоф-дамы императрицы. Волконская была женщина умная, честолюбивая и с друзьями своими принимала большое участие в придворных интригах. Дружеский кружок ее составляли придворные: ее братья Бестужевы, один из которых, Алексей Петрович, был тогда нашим посланником в Дании; Иван Антонович Черкасов, возведенный Екатериною из подьячих в кабинет-секретари, на место Макарова; А. Б. Бутурлин, близкий человек к царевне Елизавете Петровне (дочери Петра I от Екатерины); Е. И. Пашков, член военной коллегии; С. А. Маврин, бывший паж и камер-юнкер императрицы, теперь камергер и заведывавший воспитанием наследника престола. К ним присоединился и Абрам Петрович. Весь этот кружок давно и близко знакомых между собою людей, людей невидных и малознатных, стремился подняться наверх, опираясь на наследника престола и на царевну Елизавету Петровну. Здесь каждый по-своему ненавидел Меншикова. Таким образом, дружеский кружок был в то же время и политическим. Все члены его строили козни ненавистному временщику и, между прочим, связались с цесарским (австрийским) посланником, графом Рабутиным. Каждый из членов имел свое прозвище.

Абрам Петрович принимал в кружке, повидимому, деятельное участие, был в нем чем-то вроде секретаря и сдружился с гр. Рабутиным. Но планы друзей были вскоре разрушены Меншиковым, и члены кружка пострадали за сношение с иностранным послом и интриги; прежде всего кн. Волконская и Абрам Петрович.

6

6 мая 1727 года умерла императрица и на престол вступил юный, еще далекий от совершеннолетия Петр II Алексеевич, а уже 8 мая от кн. Волконской были отобраны все письма и бумаги, и ей самой приказали выехать в Москву или в свою деревню. В тот же день Абрам Петрович получил указ из Военной коллегии отправиться немедленно в Казань «осмотреть тамошнюю крепость, каким образом починить ее или вновь сделать цитадель, тому учинить план в проекте, и, осмотря ее, в военную коллегию отписать по почте, к которому числу тот план в проекте поспеть может». Поручение в сущности было лестное для молодого инженера. Но, вероятно, Абрам Петрович сразу понял, в чем тут дело. Письма и бумаги, найденные у кн. Волконской, ничего не объясни-

ли Меншикову. Улик не было. Но подозрительный временщик решил застраховать себя от противников. Маврин получил приказ отправиться в Тобольск на службу. Черкасов был разжалован из кабинет-секретарей в обер-секретари Синода и получил поручение ехать в Москву и описать там патриаршую ризницу.

Из членов кружка пострадал на первых порах больше всех Абрам Петрович. Из имеющихся источников не видно, почему так случилось. С. Н. Шубинский ищет причин в том, что Абрам знал Меншикова коротко и давно, знал все его пороки и грехи, будучи до 1716 года постоянно и неотлучно при Петре: на глазах Ганнибала совершилось превращение «Алексашки» в светлейшего князя; ему были известны отношения Меншикова к Екатерине, его исключительные злоупотребления. Абрам был Меншикову неудобен из-за своей чрезмерной осведомленности.

Такое объяснение не вполне убеждает. То, что знал Абрам, знали при дворе все. Возможно, что установившаяся у Абрама близость с австрийским послом вызывала особую подозрительность Меншикова. Возможно, что Меншиков опасался влияния Ганнибала на юного императора, которого он обучал математике.

28 мая Абраму послано от Меншикова

новое предписание — ехать без промедления в Тобольск для построения там крепости. Из Казани Абрам Петрович написал кн. Волконской письмо (от 27 июня): «Государыня моя княгиня А. П. [Аграфена Петровна]. Доношу вам, что я еще получил ордер из Петербурга от кн. М., при сем к вам копию посылаю, и сего числа в Сибирь и город Тобольск отъезжаю; может быть, еще там получу третий ордер, куда далее ехать; как изволят, я всюду готов ехать без всякой печали, кроме того, что меня лишили моих друзей, а что без всякой вины, тому радуюся, прошу вас, мою гос-ню, чтоб отписать как-нибудь поскорее к Ивану Антоновичу Черкасову, чтоб прислал ко мне в Сибирь поскорее деньги, которые я у него оставил, понеже имею великую нужду; пожалуй, не оставь моего прошения по своей ко мне милости; при том вас, государыню, прошу сделать мое дело, о чем прежде вас прашивал, на что вы мне милостиво обещали,— такожде получили ли вы от меня письмо, которое я к вам писал чрез г. Томас [? Тамес или Тамсен], который содержит мануфактуру полотняную под Девичьим, квартира на дворе бывшего Абрама Лопухина, чрез которого я и сие посылаю; пожалуй, гос-ня моя, не оставь меня в своей милости и не забудь все вышеписанные прошения, по-

неже может быть, что я в последнее имею честь к вам писать, что меня зашлют в какие пустые места, чтоб там уморить; такожде прошу в последний раз, чтоб дать знать нашим друзьям, которые в Петербурге и в других местах, что я послан в Сибирь, в Тобольск город, чтобы они сведомы были; особливо вас прошу, как возможно, чтоб послать как ни есть копию с указа приложенного при сем к нашему колокольчику, или к Разговору Ивановичу [Пашкову], такожде Козлу и к Панталону [братья Бестужевы]; пожалуй, не зацамятовай, чтоб отписать к Ивану Антоновичу, чтоб присылал поскорее деньги, чтоб мне не умереть с голоду в Сибири, понеже при себе имею очень малое число денег; такожде вас прошу, чтоб я не был оставлен в вашей особливой милости наипаче в письмах; прости, моя г-ня, чаю, что в последнее к вам пишу, может быть, больше не увидимся, к тому же может быть, зашлют меня в пустые городы, так что в двадцать лет собака не проедет; еще прости и вспомни мое бедное житие и изгнание, которые я претерпевал... [оторвано] я, того ради надеясь на вашу... милость, ни к кому не писал, но клад... вы дадите знать всем моим... Петербургским и прочим, где я... ныне и с каким политикою тоск... меня из города в город, зело

кр... вас надеюсь, что вышеписанные прошения не будут оставлены, понеже, ежели не будут знать мои друзья, где я, то весьма могу пропасть, яко бекич, и хуже; слезно вам, моей милостивой государыне, подтверждаю и молю, да повелите исправить бедного человека прошения, который ниоткуда не имеет помочи, кроме бога, в чем вы сами в сем известны, за что пропадаю в напрасл... ваш моей государыни покорный слуга Абрам Петров».

Из дальнейшего будет видно, что Абрам послал из Казани в один день два письма, оба к Волконской — очевидно, в расчете, чтобы, при возможных случайностях, хоть одно письмо дошло до назначения. Поэтому, вероятно, оба письма были либо одинаковы, либо почти одинаковы. Через день, 29 июня, Абрам Петрович послал письмо самому Меншикову: «Не погуби меня до конца имене своего ради, и кого давить такому превысокому лицу такого гада и самая последняя креатура на земли, которого червя и трава может сего света лишить: нищ, сир, беззаступен, иностранец, наг, бос, алчен и жажден; помилуй, заступник и отец и защититель сиротам и вдовицам» и проч.

Оставшиеся на свободе друзья хлопотали за опальных. Повидимому, особенную энергию обнаруживал брат Волконской, наш

датский посланник, Алексей Петрович Бестужев. Он ободрял сестру и, между прочим, писал ей из Копенгагена 15 июля: «Шкатулку, которую у вас А. П. [Абрам Петров] оставил, извольте не умедля сжечь, ибо оная сгнила и устарела и более в оной пользы нет». Между тем, предчувствие не обмануло Абрама Петровича. В тот же день, 28 мая, когда Меншиков направил его в Тобольск, он послал туда же сибирскому губернатору, кн. М. В. Долгорукову, предписание — Абрама, по прибытии его в Тобольск, немедленно направить для работ дальше, на китайскую границу.

Еще при Екатерине I, в 1725 году, был отправлен в Китай, в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра, граф Савва Владиславич Рагузинский; он когда-то вывез Абрама мальчиком из Константинополя, да и позднее встречался с ним, конечно, много раз.

Через него, между прочим, получал Абрам Петрович стипендию, когда обучался во Франции. На нового посла было возложено урегулирование запутавшихся отношений с Китаем, устранение препятствий в торговле, урегулирование вопроса о выдаче перебежчиков, разграничение земель. В мае 1726 года Владиславич писал, что «все пограничные крепости — Нерчинск, Удинск, Селенгинск — находятся в плохом состоянии,

все строение деревянное и от ветхости развалилось, надобно их палисадами укрепить для всякого случая». В частности о последней крепости он писал: «Селенгинск — не город, не село, а деревушка с 250 дворишков и двумя деревянными церквами, построен на месте, ни к чему не годном и открытом для нападений, четвероугольное деревянное укрепление таково, что в случае неприятельского нападения в два часа будет сожжено; а Нерчинск, говорят, еще хуже». Очевидно, под влиянием этих донесений Сенат еще в сентябре 1726 года приказал «для опасности с китайской стороны пограничные города палисадами укрепить и рвами окопать», принять на границе иные меры «к пользе государственной, для осторожности... Ежели в которых пограничных городах имеется артиллерии довольное число, а в других городах нет и надлежит быть нужно, чтоб из тех городов перевесть артиллерию в нужнейшие места». Построение Селенгинской крепости было предрешено еще в декабре 1726 года. Тогда же для намеченных работ решено было отправить из Военной коллегии «инженера и артиллерии офицера». Этим и воспользовался Меншиков. Сибирскому губернатору было предписано Абрама Петрова, по прибытии его в Тобольск, немедленно отправить «сделать на китайской

границе против чертежа крепость, а понеже он человек иностранный и опасно, чтобы не ушел заграницу, того ради надлежит за ним иметь крепкий присмотр и в деле той крепости дать ему инструкцию, а чертеж будет прислан впредь». Речь шла о Селенгинской крепости. В августе 1727 года к Абраму Петровичу было послано в помощь несколько младших инженерных сотрудников.

Не успел Абрам приехать в Тобольск (30 июля), как 3 августа был отправлен на китайскую границу к Савве Рагузинскому. По пути, из Томска, Ганнибал послал друзьям два письма. 25 октября он писал кн. Волконской: «Весьма я надеюся, что вы получили мои два письма из Казани от 28-го дня июня, а что от вас я не получил ни единого, — и тому не удивляюся. Может быть от того, что я так отдалился или уже лишен вашей милости, которую я на себе носил, хотя то есть правда, однако же надеюся, что вы таковы не будете как другие друзья: хотя добро не будете делать, но зло не будете желать; однакож я всегда в том пребываю и в той надежде пишу, яко и прежде, первое, чтоб Иван Антонович [Черкасов] ко мне деньги прислал, второе ко мне отписать хотя единое письмо, 3) ищи способу, чтоб притти в милость к генералиссимусу, 4) пошли

человека своего в Петербург к Александру Борисовичу [Бутурлину] с письмами, хотя почаще, чтоб он, как возможно ему будет, чтоб памятовал об нас; такожде пишите к цесаревне Анне Петровне, 5) и к моим друзьям, чтоб нас не забыли в своей милости и что у меня только надежды на них. 6) Ежели будет коронация его величества, чтоб стараться всячески, понеже время будет к тому удобное, только чтоб кто об нас вспомнил его в-ву и великой княжне [вероятно, Наталье Алексеевне, сестре императора], 7) ежели вам будет невозможно приступить к великой княжне, то никто вам не запретит, я чаю, к цесаревнам, им напомнить надобно, а они великой княжне, а великая княжна его в-ву. 8) А ежели то будет паче чаяния моего, что вас не допустят, то я надеюся, что ее высочество царевна Анна Ивановна будет к тому времени, чрез ее высочество можете делать. 9) Ежели С. Ф. Апраксин приехал, его можете просить, чтоб виделся с моим другом, с кем я имел новую дружбу в Петербурге [австрийский посол граф Рабутин], надлежит его просить такожде. Пожалуй дать знать моим друзьям сердечным и чтоб старался об нас для возвращения. Я ныне поехал из Тобольска на китайскую границу для строения тамошней крепости. Постарайся о всех вышеописанных, чтоб был

прислан указ к Савве Рагузинскому, дабы меня взял с собой в Петербург, как назад поедет. Пожалуй отпиши хоть единую грамотку, чтоб я ведал, где наши друзья и что делается с ними. Хотя в Тобольск отпиши к Семену Мавриху: он ко мне пришлет. Проехали в Петербург два курьера от Саввы Рагузинского, которые к нам назад скоро отправлены будут: можете с ними писать ко мне, верно дойдут, посылайте к Савве Рагузинскому на двор проведать, нету ли ездоков, а его двор от вас недалече — на Покровке. Пожалуй, мил. гос-ня, не забывай своих старых друзей и помогай, сколько вам будет возможно, как для себя, так и для нас; вы сами известны — очень страждем, ежели нас забудут, то будет мне зело прискорбно до смерти; лучше на себя сам руку наложить, нежели пропадать напрасленном в правде, нежели от неприятелей таких, которые нами взысканы, за то наше достодеяние злом воздают. Пожалуй, которые письма при сем до вас посылаю, роздать ежели кто на Москве, а ежели кто в Петербурге, то вас прошу ежели кто поедет верно вам, чтоб вручил из рук в руки по подписи, кому надлежит, только чтоб вы были весьма сведомы, где они обретаются. Я зело сумневаюся об Иване Антоновиче [Черкасове], не послан ли он бедно куда, что ко мне

покамест деньги не присылает, от чего боже его сохрани, только слух здесь идет, что он определен в Синод обер-секретарем и послан к Москве для переписки патриаршей ризницы, тому я верю, лишь куда дале не было. Прошу отдать мой поклон Василию Ивановичу Машкову, хотя нарочно пошли к нему; письма, которые я хотел к вам послать, не посылаю, но послал в Петербург». Письмо запечатано черной печатью: на ней человеческая фигура с приподнятой головой, играющая на лире.

Через несколько времени Абрам Петрович решил обратиться с просьбой о своем возвращении в Петербург к царевне Анне Петровне, к Петру Сумарокову, камер-юнкеру при ней, и к А. Б. Бутурлину. Письма он послал с особенным наставлением к княгине Волконской (15 ноября 1727 г.): «Милостивая моя государыня княгиня Аграпшина Петровна. Я надеюсь, моя милостивая, что вы уже получили мои письма, которых я до вас послал из Казани, а именно 3 письма чрез господина Тамеса, и мне зело печально, что не получил от вас ни единого письма по моем отъезде из Москвы; так ли будет ваше обещание, последние два письма от 28-го июня из Казани, в котором просил вас и ныне прошу, чтоб сказать Ивану Антоновичу, чтоб переводил ко мне деньги поскорее, ежели возможно

чрез Строгоновых, а они чтоб прислали в Тобольск к князю М. В. Долгорукову, который пожалует пришлет ко мне на границу китайскую, или чрез кого иного к Савве Рагузинскому, понеже я послан на границу китайскую к Савве Рагузинскому, для строения некоторого маленького городка, а письмо, которое я получил в Казани от его княжей светлости [Меншикова], до вас послал копию в двух разных письмах из Казани 28 дня июня. Однако ежели не получили, то еще посылаю до вас копию, и когда я приехал в Тобольск, вскоре меня отправили на границу к Рагузинскому Савве, а в Тобольск ожидали вскоре Семена Маврина в комендантъ. Ежели повелите по своей милости ко мне писать, извольте к нему посылать, а он ко мне пришлет; для ради имени божия вас прошу, прикажите писать почаще к Семену Маврину, а я чрез него могу ведать, ежели что будет доброе для нашей пользы, или какой слух будет. Послал я вам еще письмо чрез моего друга Григория Васильевича Вожинского, который вам вручит, такожде послал с ним письмо к царевне Анне Петровне. Просил, чтоб явили со мною милость, дабы был прислан указ к Савве Рагузинскому, чтоб меня взял с собою, когда поедет с границы китайской в Петербург по окончании своей комиссии, по-

неже нет в виду такого, что я послан в ссылку, что можете рассмотреть по его письму, я думаю, что его [Меншикова] намерение только, чтоб меня отдалить на несколько время, веселя моих неприятелей. Понеже меня никуда не определил, как других, разве что впредь будет, а в письме к князь Михайлу Володимировичу [Долгорукову], по которому велел меня отправить на границу китайскую к Савве Рагузинскому для строения крепости Селенгинской, величает меня: лейб-гвардии от бомбардир поручик А. Петров. Такожде и в письме, которое ко мне писано, сама изволите усмотреть, в какой силе и как политично со мною поступает, ежели бы в ссылку, чего ему меня опасаться, прямо б объявил, как другим.

«Да с вышеписанным другом послал письмо к Александру Б. Бутурлину да Петру Сумарокову, чтоб они его представили цесаревне Анне Петровне; такожде вас прошу, моя гос-ня, пожалуйте ему свой совет, как лучше поступить, и Александр при дворе ли остался, такожде и Сумароков, о чем вы можете быть сведомы. Егор Иванович [Пашков], в старом ли месте, Иван Антонович, друг наш, я слышал, что он определен в синод обер-секретарем и прислан к Москве для переписки патриаршей ризницы. Пожалуй, моя милая гос-ня, хотя

единое письмо, чтоб мне подлинно знать, куда и где наши друзья. Господин Лешток [лейб-медик цесаревны Елизаветы Петровны] с невестою еще тут ли остались; ежели к Москве будут, прошу вас для имени божия, надобно стараться, чтоб дойти как возможно к великой княжне; ежели же невозможно, то к цесаревне Анне Петровне, проси ее, чтоб она помогла чрез великую княжну, ежели сама не сможет или не смеет, а особливо, когда будет коронация его вел-ва. Ежели прежде не возможно будет, надобно трудиться, хотя б из нас кто б один освободился; очень будет легко цесаревне Анне Петровне, чтоб мне помочь, ежели изволит поговорить князь Дмитрию Михайловичу [Голицыну] и А. Я. Волкову [секретарь Меншикова], понеже у него, я чаю, двое фавориты, могут его светлость [Меншикова] склонить, чтоб послать указ к Савве Рагузинскому, дабы меня взять с собою, когда назад поедет в Петербург, а ежели будет вам возможно дойти до великой княжны, можно ей, государыне, просить и представить наши страдания и прочее. Я надеюсь, что скоро будут короновать его вел-во и будут показывать многим людям милосердие, хотя мы и не в тех числах, да что же делать; пожалуй, ежели коронация еще скоро не будет, ищи всякие случаи к цесаревне Анне Петровне,

хотя чрез письма проси, чтоб она просила у великой княжны, вы ныне можете писать с сим моим другом, Григорием Васильевичем, который весьма верно вручит ее высочеству, или с другим с кем, на кого вы можете надеяться, только для имени божия не живи праздно, как другие наши друзья, как например, Белуга, ни себе, ни людям, как Макавей, который за свиное мясо замучился; я чаю, друзья мои уже ведают о нашем несчастьи; что вы мне обещали сделать, пожалуй, не запамятуй, чтоб Панталон и Козел [братья Бестужевы] приложили к тому свое старанье, особливо больше моя надежда на Козла [Алексея Петровича], что он меня не оставит; я как знал свое безщастие последний раз, как я к нему... увещевал, ежели будет такое нещастие, чтоб он имел старание там, где вы знаете; пожалуй, ради христа и пресвятой богородицы не обленися и не забывай своих друзей, хорошо не оставлять друзей в несчастии, а в щастии всякий будет друг». Закончив письмо, Абрам Петрович сделал длинную приписку: «Ежели Александр Борисович от двора отлучен, или на Москве, или отменился от нас своей любовью, в таком случае извольте взять мое письмо к себе, можете дослать с кем другим верным человеком, такожде и к Петру Спиридоновичу Сумарокову; однакож я того не надеюся,

чтоб он был отлучен от двора, дай боже, чтоб не был отлучен, он очень горяч на услуги, своим друзьям верен в дружбе и проворен, мое письмо может дойти до цесаревны, и он не пропустит удобное время, когда можно будет говорить его вел-ву и государыне великой княжне. Егору Ивановичу скажи, когда будет на Москве, чтоб отписал князь М. В. [Долгорукову, сибирскому губернатору] и к сыну его, князь Сергею Михайловичу, чтоб они меня не оставили, понеже они его содержат за великого друга и того ради, ежели прибудет князь Василий Володимирович из Персии, чтоб его попросил, а он может сделать через князь Дмитрия Михайловича; пожалуй, чтоб он не призрил мое прошение. Пожалуй, ежели наш друг Иван Антонович [Черкасов] на Москве, отдай мой дружеский поклон, да чтоб пожаловал, переводил ко мне деньги поскорее, таким образом, как я выше сего писал; в великой нужде нахожусь. Князь Никите Федоровичу отдаю мой поклон нижайше. Пожалуй прошу вас принять сего моего друга поласковее, чтоб ему было охотнее ходить за моим делом, и такожде и вы извольте ему дать свой совет, как бы лучше поступить ему; мне хочется, чтоб он сам подал цесаревне мое письмо, где может найти случай тайно, чрез Александра Бутурлина и Петра Сумарокова, что без труда

могут сделать; вы сами знаете, что к ним приступ не мудрен, разве ныне крепко стало, дойти к ним будет легко, только не знаю, будет ли путь прежде сего. Они не были смелы просить за кого у матери, опасались ее, а ныне чего бояться — сами сидят в совете в верховном, такожде цесаревна Анна Петровна может просить самого его величества об нас, понеже она сама знает, что он изволил нас жаловать, такожде и великая княжна, а нас отослали не по их воле, а про меня сказали, что я послан за нужнейшим делом, только обманывают его величество; пожалуй, отпишите вы от себя пространнее к цесаревне Анне Петровне, чтоб она могла понять коротенько и взяла бы смелость к его величеству говорить один на едине, такожде и с великой княжной, что она может найти много случаев.

«Не худо, чтоб вы отписали такожде к Александру Бутурлину, чтоб он ее на то приводил как возможно, чтоб она один на едине просила б за нас его величество и у великой княжны; пожалуй, послушай меня, ежели кто будет упоминать его вел-ву, такожде и великой княжне почаще об нас. то воистинно прикажут нам быть, понеже вы сами знаете, как нас всех жаловали, и ненадобно, чтоб выпустить дать из них памятей, пока не забыли, а с Мо-

сквы часто случаются в Петербург ездоки, а для верности еще лучше будет, чтобы вы послали своего человека Матфея к Александру Бутурлину, и чтоб там жил под каким тайным именем, а не так, как ваш человек, только чтоб Александр про него знал, и может беспрестанно ездить взад и вперед, туда и сюда, или сделайте его в свою деревню прикащиком, которую имеете в Петербурге, он за деревенскими делами и будет переезжать туда и сюда без всякой опасности. Ежели прибудет к Москве или в Петербург царевпа Анна Петровна [?Иоанновна], чрез ее можете искать случай, чтоб приводить к тому цесаревну Анну Петровну. Ежели можете доставить оказию, чтоб вам можно видеться с тем человеком, с кем я имел новое знакомство в Петербурге [австрийским послом], очень бы было хорошо; когда приедут для коронации, тогда будет удобное время, может быть, что Степан Федорович Апраксин к тому времени приедет, ежели ныне не приехал с Павлом Ивановичем, к тому случаю для вас изрядно будет хорошо, вы сами известны, что он к нам гораздо склонен; ежели же и ныне он в Петербурге, можете его употребить к тому, он с радостью будет служить друзьям своим».

Из этого письма видно, что и после смерти Петра I Абрам Петрович был очень

близок к дворцовым сферам и отлично их знал; знал и все закулисные пути, которые нужно в этих сферах пустить в ход.

Селенгинск, в котором пришлось жить Ганнибалу, был, как мы видели, мелким селением. В нем числилось тогда: дворян — 3, детей боярских — 4, пятидесятников, десятников и казаков — 254, да временами, в базарные дни, появлялись буряты, исконные насельники забайкальские. После Петербурга, Москвы да Парижа далекий Селенгинск должен был казаться Абраму Петровичу жестокой ссылкой. Ссылка эта до некоторой степени скрашивалась тем, что, повидимому, в Селенгинске имел временное пребывание граф С. В. Рагузинский. При нем были сотрудники и походная посольская канцелярия. Бесконечный досуг приневолпвал к работе. Абрам Петрович выполнил то, что от него требовалось, составил план и профили предположенного города, хотя сделал это очень не скоро. Возможно, что он составил также планы маленьких крепостей в Кяхте и Троицкосавске.

7

Все приведенные выше письма Абрама Петровича до кн. Волконской дошли. Друзья

усиленно хлопотали о пострадавших и искали путей снять с них опалу. За дальностью расстояния Абрам еще не знал совершившихся в столице крупных перемен — 8 сентября князь Меншиков пал, и сам был отправлен в ссылку. Вскоре было разослано повсюду распоряжение, «дабы никаких указов и писем, о каких бы делах оные ни были, которые от князя Меншикова или от кого б иного партикулярно писаны или отправлены будут, не слушать и по оным отнюдь не исполнять». Падение Меншикова окрылило прикосновенных к кружку Волконской лиц. Однако новые временщики, князья Долгорукие, отнеслись к Волконской и ее друзьям столь же недоверчиво и подозрительно. 24 сентября Пашков писал кн. Волконской: «О суетном состоянии нашем всего вам описать не могу: так было хорошо от крайних приятелей наших, которые нас без совести повреждали; много того случалось, что и смотреть на них не смели; однако же от всех их нападений избавил нас бог, а их слава суетная пропала вся до конца. Надлежит вам чаще ездить в Девичий монастырь [там жила бабка императора, постриженная в монахини первая жена Петра Великого, царица Евдокия] искать способу себе какова. О Семене Мавриие и об Абраме стараюсь, чтоб их взять из ссылки, да не

могу через кого учинить: все, проклятые, злы на них как собаки. Про компанию нашу прежнюю часто и милостиво изволят [император] упоминать, только от прежних наших неприятелей не можно свободного способа сыскать, как бы порядочно донесть; однакож хотя и с трудом, только и делаем сколько возможно». Черкасову Пашков писал в Москву: «Мне кажется, лучше вам быть до зимы в Москве и чаще ездить молиться в Девичь монастырь чудотворному образу пресвятой богородицы. О верных приятелях наших, об Абраме и об Семене прилежно стараюсь, каким бы случаем их взять, и кажется, что многие об них сожалеют, а говорить никто не хочет за повреждением себя [т. е. боясь повредить себе], а Левольд [один из видных сторонников временщиков] бессовестно старою своею компанию их повреждает и всячески тщится, чтоб их не допустить ко взятию: надлежит вам с княгинею Аграфеною Петровною стараться, чтоб каким случаем дойти до государыни царицы Евдокии Федоровны, и будет допустит какой случай, обо всем донести с ясным доказательством о ссылке их в Сибирь, а впредь как уповая на милость божию, как прибудем в Москву, бессовестная клеотура, можно надеяться, что скоро пропадет, а их никому удержать невозможно. Ныне у нас в Петербурхе мно-

гие говорят и показывают верность свою, кто какие заслуги показал, которые безмерно трусят и боятся гневу государыни царицы Евдокии Федоровны, а паче всех боится бессовестная клеотура Левальдова; одним словом сказать, как будем в Москве, все будет другое». Радужные перспективы рисовал себе и Алексей Петрович Бестужев. В октябре он писал сестре: «Конечно-б по желанию всех вас и коегождо особно учинилось, ежели б смерть графа Рабутина в том не попрепятствовала...» Он вообще рассчитывал на то, что император, по своей матери, находится в близком родстве с австрийским царствовавшим домом. В ноябре А. Бестужев писал сестре: «Посол цесарский [т. е. австрийский], граф Вратислав, в пользу всех вас от двора своего накрепко инструирован, токмо она помощь медленна, ибо он ко двору нашему прежде не может прибыть как после пасхи. И того ради стараться так о себе, как о Маврине, Петрове и Веселовском чрез заступу царевны Анны Ивановны [племянницы Петра I]». Маврин мечтал не только об освобождении из Тобольска, но даже о возможности опять приблизиться ко двору и писал Волконской: «Прошу, чтобы вы труд приложили за меня, а ныне случай будет изрядный, как здесь [в Тобольске] слышно, что его имп. вел-во изволит прибыть в

Москву и конечно с бабушкою своею будет видеться, и тут можно будет обо мне бедном вспомнить. Княгине Настасье Федоровне [Лобановой] можете вы растолковать, что у них при его величестве никого нет, на кого бы они прямо свою надежду имели, и им такой человек надобен. Я всегда был их слуга».

Таким образом, члены бестужевского кружка со всех сторон наседали. Из Петербурга Пашков опять писал Волконской: «Писал я к вам, чтоб порядочного искать случая, на которое мое письмо изволите объявлять, что сыскать не через кого; в том опасаться не извольте, может бог хотя одного не оставит компании нашей, то будем довольны; сколько мерзкой клеотуре ни искать себе защищения по своим худым делам, только им себя не можно никак закрыть; ведают они и сами, что делали худо, да миновать ныне никак нельзя, чтобы им всем обид заплатить. Отважно ни в какое дело вступать не извольте, пока время покажет спокойное. Надлежит вам всем, буде станете ездить в Девичь монастырь, беречься Степановой Лопухина сестры, которая старицей, чем бы вам не повредила, понеже они люди добрые и очень всем известны по своей совести бездельной». Пашков отыскивал членов разогнанной партии и просил уцелевших от погрома хлопотать

при каждом удобном случае о попавших в беду: «Просил я о вас Кириллу Петровича Матюшкина, — писал он Черкасову в Москву, — чтоб он вас не оставил в случае хорошем, что и обещал, а он компании нашей и добрый человек».

Пользы от всех этих происков и хлопот, однако, не было. Напротив, вышло гораздо хуже, нежели могли ожидать партизаны кн. Волконской. Пока что Ганнибал пользовался в Сибири свободой и арестован не был. 13 января 1728 года он был в Иркутске. 27 марта Сенат послал графу Савве Владиславичу указ, «дабы он в строении нового Селенгинска, такожде и других пограничных прежних городов и острогов, по силе напредь посланных указов, пока он тамо будет, приложил свое старание, чтоб не токмо для обороны, но и для порядочных торгов и пошлинного сбора и пресечения неявленным товаров провозов служили, как о том в особых мнениях его упоминается». Между тем, Абрам Петрович рвался из Селенгинска. Он подал в походную посольскую канцелярию китайской экспедиции челобитную, в которой объявлял, что «он в строении новой фортеции не имеет практики; а что-де сослан от князя Меншикова по злобе, а не по указу его имп. величества, также книгами и инструментами не награжден, жалованья, ни подъемных денег

ни откуда ему не определено». Граф Савва Владиславич отпустил А. П. в Тобольск, «понеже-де он по силе партикулярного письма князя Меншикова, а из государственной иностранных дел коллегии в грамотах и ни откуда в указах его им. величества о нем к нему не упомянуто». Обо всем этом Рагузинский написал 14 апреля из Селенгинска в Тобольск сибирскому губернатору. Сибирская администрация смутилась и, не зная, что делать, послала 15 июня запрос в Петербург.

Но хлопоты кн. Волконской возбудили подозрение правящих сфер. По доносу слуг, у Волконской был произведен обыск, отобрана переписка, в том числе и письма Абрама Петровича. Близких к ней лиц арестовали. Дело поступило в Верховный тайный совет, который обвинил Волконскую и ее друзей в том, что «они все делали партии и искали при дворе его имп. вел-ва для собственной своей пользы делать интриги, и теми интригами причинить при дворе беспокойство, и дабы то свое намерение сильнее в действие произвести могли, искали из них себе помочи через венский двор и обретающегося здесь министра, графа Рабутина, а именно кн. Волконская с братом Алексеем и с Абрамом арапом, и для того имели переписки и пересылки и тако хотели вмешать постороннего госу-

даря в домовые его имп. вел-ва дела. И в такой их Волконской и брата ее Алексея откровенности может быть, что они сообщали тем чужестранным министрам и о внутренних здешнего государства делах. Сверх же того, проведывали о делах и словах верховного тайного совета».

По решению Верховного совета от 28 мая (утверждено императором 5 июня) княгиня Волконская была сослана в дальний монастырь, а друзья ее поплатились ссылками и другими карами. Черкасов послан в Астрахань к провиантским делам. Егор Пашков отставлен от Военной коллегии, где раньше служил. О Ганнибале в этом решении никакого постановления нет. Повидимому, в отношении него стали выясняться какие-то особые обстоятельства, оставшиеся нам неизвестными. Так, 23 мая 1728 года, т. е. за пять дней до общего постановления о виновных по этому делу, Верховный совет переименовал «от бомбардир-поручика Абрама Петрова арапа в Тобольский гарнизон майором», т. е. перевел его из самой привилегированной части гвардии в провинциальную армейскую часть. Впрочем, об изменении чина Абрама Петровича, повидимому, в Петербурге забыли и продолжали еще некоторое время называть его поручиком. 17 июля 1728 года Верховный тайный совет указал: «Посланного поручика

Абрама Петрова для строения на китайской границе по чертежу крепости, ежели он в Тобольск прибудет, то послать по прежнему в то место, где он был, и велеть ему по прежде определенному чертежу крепость строить; по окончании строения той крепости ему писать и ожидать указу, а без указу никуда не выезжать; а буде он в дороге, то послать в Тобольск навстречу, чтоб его поворотить назад». Тобольская администрация отправила Абрама Петровича по назначению, но при этом донесла, что принуждена была выдать ему сто рублей «для крайней его нужды и дальнего пути на пропитание, понеже ему, Петрову, жалования никакого... не определено... отчего пришел во всеконечную скудость и питаться нечем...»

31 августа 1729 года Абрам Петрович отправил Петру II следующее прошение: «Служу я вашему имп. в-ву в преображенском полку в бомбардирской роте и 1727 года был я послан по партикулярному письму бывшего генералиссимуса Александра Меншикова в Казань, для снятия плана, и того же года получил я от него Меншикова партикулярное же письмо, в котором повелел мне ехать, рабу в. и. в-ва, на китайскую границу в Селенгинск, для строения крепости на приисканном месте графом Саввою Владиславовичем, а когда

указом в. и. в-ва запрещено было, дабы не исполнять ничего по письмам показанного Меншикова, и того ради я подал доношение посланнику Владиславовичу, в котором я объявлял, что бывший генералиссимус меня послал для своего партикулярного интереса и по злобе и по наущению его креатур, а не для дела в. и. в-ва, понеже не дав мне инструкции и указа, где мне получать в. и. в-ва жалованья, такожде и инструментов, бумаги и краски, которые к тому делу принадлежат, и в вышеписанной моей челобитной объявлял я показанному графу Владиславичу, что я оному делу и строению городов не искусен и в практике не бывал, понеже оное велikое дело требует весьма человека искусного и практичного, по которому моему челобитию отпущен был я до Тобольска и в 1728 году августа 17 дня был получен указ к... губернатору сибирскому князю М. В. Долгорукову, дабы меня вторично возвратил на границу к строению опой Селенгинской крепости и которому уже приисканному месту, от него, графа Владиславича, сочинен план и послан в Верховный тайный совет, понеже на оном месте строению никакому быть невозможно. А по указу в. и. в-ва послан нарочный для оного дела из государственной военной коллегии инженерного корпуса прапорщик с кондукто-

рами и ему же даны указы и инструкции, также инструменты и бумага, и краски, и прочее, что к тому принадлежит, а я раб в. и. в-ва, живу без всякого дела, чему уже идет третий год и без всякого определения и умираю голодною смертию без в. и. в-ва жалованья. Окладу мне на месяц идет по 25 рублей, да рация дается на 11 лошадей и опого в. и. в-ва мне и на денщиков не дано, с прошлого 727 года майской и сентябрьской трети, а рации я не получал с 726 года. А ежели оное строение по указу в. и. в-ва повелено будет мне делать, чтоб повелено было кондукторам быть с оным, а ежели же оное строение указом в. и. в-ва отрешено будет, дабы повелено мне было ехать в полк [т. е. в Петербург] или до Тобольска, впредь до указа в. и. в-ва». В своих пожеланиях Абрам очень сдержан: он просит выдать ему причитающиеся деньги и возвращения в полк или в Тобольск, так как для построения крепости прислан «нарочный офицер с кондукторами». О прекращении ссылки он намекает только слегка.

22 декабря 1729 года к сибирскому губернатору был послан указ, «чтоб он повелел, выбрав в Тобольске кого из офицеров, доброго и искусного человека, отправить тайным образом на китайскую границу, где ныне обретается (посланный туда для строения крепостей) поручик Авраам Петров, и

приказать тому посланному офицеру, вначале упомянутого поручика Авраама Петрова, пришед к нему в квартиру внезапно, отобрать все обретающиеся при нем письма, которые хотя-бы в каких малых и черных лоскутках были, и собрав оное в одно место, запечатать и к себе взять. А ежели у него, Авраама Петрова, есть какие книги, чертежи и инструменты инженерные, то, осмотря, нет ли между ними каких писем, оставить оные при нем и потом его, Авраама Петрова, велеть отправить оттуда, где его тот посланный офицер найдет, с пристойным конвоем в Томск, но в пути вести его с крепкою осторожностью, чтоб каким способом куда не ушел, и в Томске велеть оного содержать впредь до указа е. и. в-ва за караулом, с крепким же смотрением, дабы не мог оттуда уйти. А жалованья ему, Авраму Петрову, давать в Томске из доходов Сибирской губернии по десяти рублей на месяц. Вышеупомянутые же письма, которые возьмутся у него, Авраама Петрова, посланному туда офицеру привезти в Тобольск и оттуда оные, не осматривая, прислать, запечатав, в Москву, в Верховный тайный совет». В январе 1730 года этот указ был исполнен. Таким образом, Абрам Петрович был подвергнут тщательному обыску, на предмет отобрания переписки, и арестован. Тогда же и в Петербурге был

произведен обыск в оставшемся там имуществе Абрама Петровича и описана и передана в Академию наук его библиотека. Книг оказалось около 300 и оценены они были в 200 рублей.

Арест Абрама длился недолго. В начале 1730 года умер Петр II и вступила на престол Анна Иоанновна. По указу 25 февраля велено: «от бомбардир-поручику Аврааму Петрову быть в тобольском гарнизоне майором, и для того, буде он, по посланному декабря 23 дня прошлого 1729 года указу, послан в Томск за караулом, оттуда его возвратить и из-за караула освободить... и буде которые письма у него отобраны, те ему возвратить». Таким образом, Абрам оставлялся в Сибири. Очевидно, и новая власть относилась к нему с некоторою подозрительностью. Тобольск был тогда центром Сибирской губернии, охватывавшей всю обширную территорию тогдашней Азиатской России. Там имела свое пребывание сибирская администрация, с губернатором кн. М. В. Долгоруковым во главе. Там же Абраму пришлось встретиться с своим товарищем по несчастью, Мавриным, который был назначен тобольским комендантом. Тем не менее, надо думать, что и в этих новых условиях наш африканец чувствовал себя очень невесело.

Наконец судьба несколько сжалилась над Абрамом Петровичем. В царствование Анны на линию крупного сановника и выдающегося военачальника выходил Миних, заведывавший тогда всею военно-инженерною частью в государстве, а вскоре ставший фельдмаршалом, президентом Военной коллегии и губернатором петербургским. 25 сентября 1730 года собранию Сената было объявлено, что императрица указала «лейб-гвардии от бомбардир-поручика Абрама Петрова, которому велено быть в Тобольском гарнизоне майором, послать в команду графа фон-Минихена, а ему определить его в Пернове [потом в Лифляндской губернии] к инженерным и фортификационным делам по его рангу». Почему и каким образом Миних заинтересовался Абрамом Петровичем,— мы в точности не знаем. Надо полагать, Миних нуждался в сведущих инженерах, а Абрам Петрович имел репутацию такого инженера.

Пушкин в «Родословной Пушкиных и Ганнибалов» пишет: «Ганнибал пробыл там [у китайской границы] несколько времени и самовольно возвратился в Петербург, узнав о падении Меншикова и надеясь на покровительство князей Долгоруких, с которыми был он связан. Судьба Долгоруковых известна. Миних спас Ганнибала, отправя его тайно в Ревельскую деревню, где и

жил он около 10 лет». В другом месте (в примечании к «Онегину») Пушкин пишет, что после благополучной жизни при Петре Великом «в царствование Анны, Аннибал, личный враг Бирона, послан был в Сибирь под благовидным предлогом. Наскуча безлюдством и жестокостью климата, он самовольно возвратился в Петербург и явился к своему другу Миниху. Миних изумился и советовал ему скрыться немедленно. Аннибал удалился в свои поместья, где и жил во все время царствования Анны, считаясь в службе в Сибири. Елизавета, вступив на престол, осыпала его своими милостями».

Эти сообщения поэта, широко использованные впоследствии для характеристики Ганнибала (между прочим, Анненковым), как видим, неверны. Возможно, что повод был дан немецкой биографией Ганнибала, где говорится, что «Миних помог ему [Ганнибалу] возвратиться из Сибири, и спрятан был в Перновском гарнизоне инженерным майором». Заслуживает во всяком случае внимания, что Ганнибал был возвращен не в столицу, а определен в маленькую прибалтийскую крепость. Очевидно, он еще казался человеком подозрительным.

Так или иначе, злоключения Абрама Петровича, которые он приписывал «партикулярному интересу» князя Меншикова

и «злобе и наущению его креатур», окончились. Вскоре его постигло новое несчастье, но уже иного рода.

8

Переходим к истории первой женитьбы Абрама Петровича. История эта рассказана С. И. Опатовичем по документам бракоразводного дела. К сожалению, Опатович не опубликовал самых документов, а, пользуясь ими, дает свое изложение. Поэтому нам придется следовать рассказу Опатовича, без возможности этот рассказ проверить. Между тем, такая проверка была бы необходима. Судебные дела вообще и бракоразводные в особенности — очень рискованный источник. В них обычно слишком много преувеличений, извращений и, наконец, просто выдумки и лжи. Поэтому использование подобных дел в целях исторических и биографических требует величайшей осторожности. Мы не знаем, насколько Опатович проявил ее. Полного доверия к его рассказу мы не имеем.

Абрам Петрович приехал в Петербург в конце 1730 года. В эту пору здесь проживал капитан галерного флота Андрей Днопер, грек по происхождению, человек небогатый, семейный. Старшую дочь он выдал

замуж за какого-то Богдана Халябия, а младшая, Евдокия, оставалась при отце. В это время она сблизилась с флотским поручиком Кайсаровым и думала выйти за него замуж. Но на ее беду Абрам Петрович познакомился с Днепером и его дочерью и попросил у отца ее руки. Повидимому, по существовавшему обычаю, Абрам Петрович не считал нужным завоевать расположение Евдокии Андреевны и больше имел дело с отцом. Не остановило его и то, что Евдокия не согласилась выходить за Абрама, «понеже, как говорила она, арап и не нашей породы». Отец не обратил на это внимания и принудил ее повенчаться с Абрамом. Евдокия должна была покориться, но до свадьбы отдалась Кайсарову.

Абрам Петрович повенчался между 6 января и 21 февраля 1731 года, а спустя месяц был откомандирован в Пернов учить кондукторов математике и черчению. Ему дали чин инженер-капитана.

Положение крепостей в Прибалтийском крае было в то время довольно печальное: «А в каком ныне крепости состоянии имеются,— гласит один из документов 1731 года,— ведомостей в скором времени, за дальностью мест и за неимением довольного числа в практике искусных инженеров, порознь обо всем аккуратно ныне сочинить невозможно. Однакож генерально известно

есть, что все крепости через долгое время исправлением упущены... А их оных крепостей, которые, как например, бывшие шведские пограничные: Нарвская, Выборгская, Ревельская, Перновская, Рижская и Динамюндская — еще и во время шведского владения в надлежащем состоянии не были. А при некоторых починки и вновь строения и поправления были; однакож и те еще весьма великого исправления требуют... Ибо многие крепости, от долговременного в непоправлениях запущения, повредились во многих местах и через то в немалое худое состояние пришли, так что к обороне зело безнадежны. А другие, например, Ревель и Рига, хотя в своих линиях и в целости содержатся, однакож обретаются местами весьма в худом фланкировании и неспльной дефензии [защите]».

По рассказу Опатовича, Абрам Петрович и после свадьбы не считал нужным или не сумел приобрести расположение жены. Она довольно скоро стала искать развлечений и быстро нашла их. Между подчиненными мужу кондукторами она обратила внимание на Шишкова. Этот молодой человек разыгрывал в Пернове роль Дон-Жуана. Еще до прибытия туда Ганнибалов он познакомился с мещанкою Моршею, у которой была взрослая дочь. Шишков обещал жениться на девушке, вступил с нею в связь

и обманул. Морша жаловалась начальству, которое распорядилось Шишкову «учинить наказание на теле», да тем дело и кончить. Однако размолвка между Шишковым и Моршею продолжалась недолго. Шишков попрежнему стал бывать у ней. С Моршей познакомилась и Евдокия Андреевна. Както весною она пришла к Морше и младшую ее дочь послала за Шишковым. Тот появился. Сели играть в карты, в короли, «и когда он, Шишков, король был, то ей, капитанше, наложил, чтоб она его целовала, что капитанша и учинила». После этого Евдокия Андреевна, в отсутствие мужа, нередко призывала к себе Шишкова через писаря Тимофеева. «Я тебя люблю всем сердцем»,—говорил Шишков. Евдокия Андреевна отвечала ему такого же рода признанием. От того у них «любление пошло» и шло почти год.

Абрам Петрович будто бы довольно долго не знал о поведении жены. Нам это представляется для такого небольшого городка, как Перпов, маловероятным. Должно быть, муж довольно скоро узнал о похождениях Евдокии Андреевны, а 28 февраля 1732 года, когда он подал заявление в перновскую канцелярию, он поставил дело уже так круто, что явным образом решил отделаться от жены совсем. В заявлении Абрам Петрович обвинял Евдокию Андреевну не только в

нарушении супружеской верности, но и в намерении отравить его. Он сообщил канцелярии, что, по рассказу кондуктора Гавриила Кузьминского, Яков Шишков «хвалился его, капитана, окормить»; об этом Кузьминский слышал от кондуктора Фабера. Фабер же под присягою показал, что 26 февраля мещанка Морша говорила ему: «Приходил-де ко мне Шишков и говорил, что капитан Авраам Петров болен и кабы капитанша была умна и послала в аптеку и купила чего и дала б ему, Петрову, и он бы не долго стал жить». То же показала и Морша.

Подав жалобу на своих подчиненных, Абрам Петрович принялся и за жену. Он приставил к ней крепкий, надежный караул и неоднократно брал ее к себе, в свои покои. Там, в стены, повыше роста человеческого, ввернуты были кольца. Туда вкладывались руки несчастной; она повисала в воздухе. В комнате заранее приготовлены были розги, батоги и плети, и муж «бил и мучил несчастную смертными побоями необычно», принуждал ее, чтобы она на суде при допросах показала будто «с кондуктором Шишковым хотела его, Ганнибала, отравить и с ним, Шишковым, блуд чинила». При этом, в случае, если она покажет не по его желанию, «грозил ее, Евдокию, убить». К сожалению, Опато-

вич не сообщил, откуда идет сообщение о подобных истязаниях — от одной ли жены или подтверждено другими свидетелями. При таких условиях нельзя установить, насколько оно соответствует действительности. «После таких внушений,— продолжает Опатович,— в канцелярии [где производилось дело о нарушении супружеской верности и где сам Ганнибал играл некоторую роль] Евдокия все показала по желанию мужа и только в конце марта того же (1732) года взята была в канцелярию. Ее посадили на Госпитальный двор, куда обыкновенно заключались осужденные. Там, под крепким караулом, провела она пять лет, «пока суды кончались». На содержание арестованных никто не обращал внимания, и арестанты Госпитального двора питались или на средства родных, или на доброхотные подаяния христолюбцев. На содержание Евдокии Андреевны муж ничего не давал и сам нарочно затягивал дело, чтобы подольше продержать ее под караулом. Арестантке не раз приходилось страдать от голода, в ожидании милостыни. Нечего уже и говорить о других условиях быта в Госпитальном дворе».

Здесь Опатович упустил из вида ряд существенных обстоятельств. Еще 11 октября 1731 года граф Миних, покровительствовавший Ганнибалу, ходатайствовал об

отставке, «за головною болезнью», инженер-капитана Абрама Петрова «и о милостивейшем к его, со всей фамилией, яко чужестранного, пропитании». Что заставляло Абрама Петровича уходить со службы — мы не знаем. В ту пору получить отставку было нелегко, так как все обязаны были служить до потери способности к труду. Вероятно, для облегчения отставки Абрам Петрович и стал выдавать себя за «чужестранного». Может быть, в службе Ганнибалу не везло, хотя подобное предположение ослабляется тем, что ему покровительствовал такой влиятельный человек, как Миних. Возможно затем, что Ганнибал счел за лучшее быть подальше от официальных сфер, которые относились к нему подозрительно,— царствование Анны Иоанновны было неспокойным. Может быть, наконец, сыграла свою роль история с женой, и Абрам Петрович сам хотел покинуть Пернов. Остается непонятным, почему Миних содействовал отставке офицера, которого считал знающим и способным инженером. Так или иначе, отставки Ганнибал сначала не получил. Напротив, его вызывали даже в Петербург для обсуждения вопросов, связанных с построением Селенгинской крепости. 7 июня 1732 года Миних вторично просил отпустить Ганнибала, и только 21 мая 1733 года желание

последнего исполнилось: он «по челобитью его, за имеющимися болезнями» уволен от службы, с «произведением на пропитание его [т. е. с пенсией] по 100 руб.» в год. В эту пору Абрам Петрович состоял «инженерным капитаном».

В отставке Абрам Петрович пробыл восемь лет. За это время он принял фамилию Ганнибала. Когда именно и почему это случилось — указаний не имеется. Объяснялось происхождение этой фамилии по-разному. По словам Пушкина, фамилию эту дал Абраму Петровичу император Петр. Но это неверно. При Петре и до 30-х годов Абрам Петрович всюду именовался «Абрам Петров». По словам немецкой биографии, уже отец Абрама Петровича, абиссинский князь, был «столь горд своим происхождением, что выводил оное прямо от Аннибала, знаменитого карфагенского полководца». Анучин высказывает такое предположение: «в Логоне, где родился Абрам Петрович, было селение Ади-Баро. На некоторых картах оно именуется также «Адди-Бало». Это последнее при скором произношении может напоминать имя «Аннибала» и вызвать у лиц, знакомых с римской историей, представление об имени карфагенского полководца. Несомненно, что название древнего селения (или города) должно было быть хорошо знакомо восьмилетнему

Ибрагиму, так же как и название Логон, тогда как общее название страны (Хабеш, Абиссиния) он мог в детстве и не знать. Возможно поэтому предположение, что при расспросах «арапа» в России, когда он говорил о своем княжеском происхождении и упоминал о городе Аддибало, это имя могло навести кого-нибудь на мысль об Аннибале, да и сам Ганнибал, ознакомившись затем с древней военной историей, в состоянии был натолкнуться на некоторое сходство между именем его города и прозвищем карфагенского полководца и притти к заключению, что тут могла быть историческая связь. Во всяком случае это сходство имен могло льстить его тщеславию и вызвать убеждение в высокой древности его рода... Как бы то ни было, от названия ли города, или от какого-либо собственного имени, связанного с нарицательным именем «бог» (Ба-ал), но название «Аннибал» или «Ганнибал» могло, повидимому, возникнуть на абиссинской почве и должно было во всяком случае иметь связанные с этой страной причины своего происхождения». Анучин напрасно только допускает, что фамилию Ганнибала мог дать Абраму царь Петр. Фамилия эта явилась после Петра. Вероятно, Абрам Петрович тяготился тем, что в отношении фамилии к нему применили крестьянский обы-

чай давать прозвище по отцу, в данном случае по крестному отцу. Известно, что феодалы заимствовали свои фамилии обычно от названия областей, городов, замков, селений. Возможно, что Абрам Петрович желал применить к себе именно этот обычай, имея в виду город Адди-Бало. Происхождение от карфагенского полководца и немецкая биография выдает не за положительный факт, а только как за тщеславное утверждение отца Абрама Петровича.

От Евдокии Андреевны Абрам Петрович детей не имел. Сообщение Пушкина о том, что жена родила ему белую девочку, не подтверждается. В бракоразводном деле о ней не упоминается. Очевидно, ее не существовало. Дочь родилась у Евдокии Андреевны много позднее.

9

Не дождавшись окончательного решения своего дела с первой женой, Ганнибал сошелся с Христиною-Регпною фон-Шеберх, а затем в 1736 году обвенчался с нею в ревельской соборной церкви.

Христина-Регина стала одной из прабабок нашего поэта. Она была дочерью капитана Перновского полка Матвея фон-Шеберха, от брака его с лифляндскою дворян-

кой Альбедиль. Отец этого Шеберха был по происхождению немец, но переселился в Швецию, где получил права шведского дворянства. Фамилия Альбедиль — итальянского происхождения, но известна в Лифляндии уже с XIV века, так что успела сильно онемечиться.

Так как отец Христины Матвеевны был офицером Перновского полка, то, вероятно, Ганнибал сошелся с нею в Пернове, в ту пору, когда его первая жена томилась в Госпитальном дворе, а может быть, и раньше. С венчанием Ганнибал встретил затруднения — священники отказывались венчать под разными предлогами. Наконец, нашли такого, который согласился. Новая беда. Священник объяснил, что венчать может только по «венечной памяти» — документу, которого у него не было. Надо было достать такую «память». Поискали и, наконец, добыли ее у одного из ревельских приходских священников. После этого венчание состоялось. Не совсем понятно, каким образом Христина Матвеевна, дочь капитана — в то время это был чин немалый — согласилась на подобный все-таки весьма сомнительный брак и вступила в связь с Ганнибалом еще до венчания. Остается предположить, что ее связало с Ганнибалом сильное чувство. Могли быть иные

мотивы. Во всяком случае она оказалась добронравной женой, с которой Ганнибал прожил мирно и дружно почти полвека.

Очень приходится пожалеть, что остается неизвестным, когда именно Абрам Петрович сошелся с Христиной Матвеевной. По рассказу Опатовича выходит, что сближение состоялось уже после того, как Абрам Петрович, узнав о похождениях Евдокии Андреевны в Пернове, окончательно решил с нею расстаться и возбудил против нее — 28 февраля 1732 года — грозное дело. Такая версия, принятая последующей литературой, возбуждает некоторые сомнения. Во-первых, старший сын Абрама Петровича от Христины Матвеевны, Иван, родился, повидимому, довольно скоро. Надгробная надпись на памятнике Ивану Абрамовичу показывает его родившимся в 1731 году. Эта дата оспаривается Модзалевским: Ганнибал появился в Пернове только в марте 1731 года или около этого времени, а в начале этого года находился еще в Петербурге,—там и тогда он женился на Евдокии Андреевне. Однако трудно допустить, чтобы в надгробной надписи оказалась большая ошибка: Иван Абрамович умер в 1801 году холостым и бездетным; его имение перешло к его братьям, которыми, вероятно, и поставлен надгробный памятник умершему. Они, надо пола-

гать, знали возраст своего старшего брата и если могли ошибиться, то только на немного. Если 1731 год сомнителен в качестве даты рождения Ивана Абрамовича, то все-таки мы не рискнули бы итти дальше 1732 года, а это значит, что сближение Ганнибала с Христиной Матвеевной могло произойти еще в 1731 году, т. е. вскоре по появлении Ганнибала в Пернове. Напомним, что Христина Матвеевна была дочерью местного офицера, одного из новых сослуживцев Абрама Петровича. Следовательно, познакомиться с нею он мог очень рано. Во-вторых, мы уже указывали, какие недоумения вызывает возбужденная Ганнибалом еще в октябре 1731 года просьба об отставке. Вполне очевидно, что уволиться от службы он собирался не за тем, чтобы в дальнейшем пребывать отставным офицером в Пернове или в такой роли водвориться в хорошо знакомых ему Москве или Петербурге. Приходится допустить, что уже тогда у него сложилось решение переселиться в деревню и сделаться помещиком. Но своих деревень или родовых имений у него не было. Деревню предстояло еще приобрести. Он ее приобрел близ Ревеля. Почему им был выбран не какой-либо русский район, а очень специфические условия Прибалтийского края, едва ли хорошо ему известные? Объяснение напрашивается са-

мо собою — эти условия были близкими, родными для Христины Матвеевны.

Все изложенное допускает иное представление об истории Ганнибала с первой женой, чем какая изображена Опатовичем. Возможно, что еще до октября 1731 года Ганнибал сошелся с Христиной Матвеевной настолько, что связал с нею свою судьбу, и тогда для него возникла острая необходимость во что бы то ни стало освободиться от формального брака с первой женой. Мы не сумеем сказать, какова была практика расторжения браков в то время. В допетровской России мужья легко отделывались от нежелательных жен, заставляя их постригаться в монахини. После петровских указов этот путь был закрыт, и потому естественно должны были умножиться случаи разводов. Стали принимать меры и против этого. Например, в декабре 1730 года, т. е. незадолго до разрыва Ганнибала с первой женой, был издан указ: «... которые люди с женами своими, не ходя к правильному суду, самовольно разводиться будут, то отцам их духовным ни к каким разводным их письмам рук отнюдь не прикладывать под тяжким штрафом и наказанием и под лишением священства». Добиться формального расторжения брака было очень трудно. Поэтому против Евдокии Андреевны Ганнибал выдвинул обвинение

не только в нарушении супружеской верности, но и в покушении на отравление мужа. Истязаниями жены он, видимо, хотел принудить ее принять на себя подобное обвинение. Вероятно, только таким образом он рассчитывал от нее совсем отделаться, чтобы оформить женитьбой свою связь с Христиной Матвеевной, не впадая в преступление двоеженства. Таким образом, остается под вопросом, кто первый вступил в Пернове на путь супружеских измен, Евдокия ли Андреевна или Абрам Петрович. И если случилось второе, то недоумения, вызываемые отставкой Ганнибала, разъясняются сравнительно просто: помимо тех мотивов, на которые мы указывали, ему естественно было желать поскорее укрыться с Христиной Матвеевной в деревню. В общем, по отсутствию вполне надежных данных, весь вопрос придется оставить не решенным. Но и соответствующие части рассказа Опатовича нельзя признать за столь несомненные, за какие их последующая литература принимала.

Остается неясным, на какие средства жил Ганнибал, находясь в отставке. Та сторублевая пенсия в год, которую он получал, была слишком ничтожна. В немецкой биографии сказано, что после вторичной женитьбы и отставки он «купил себе око-

ло Ревеля деревню Карикула, где жил с своей фамилией». Если Ганнибал купил деревню и жил на накопленные средства, то где, когда и каким образом он сумел их скопить, вернувшись недавно из Сибири? В дальнейшем Ганнибал проявил себя как человек бережливый, который не растрачивал состояние, а напротив приумножал его,— даже как человек скупой. Приходится предположить, что у Ганнибала осталось немало от тех двух тысяч голландских червонцев, которые подарил ему Петр I. Возможно, что он и за второй женой взял какое-нибудь приданое. Во всяком случае восемь лет Ганнибал жил мелким помещиком. За это время он втянулся в помещичье хозяйство и, вероятно, полюбил его.

В 1739 году кабинет министров слушал челобитную «отставного майора Аврама Петрова, сына Ганнибала, который служил при дворе и л.-гвардии в Преображенском полку, что определено ему жалованья в год только по 100 рублей и оным ему с женою и детьми прожить невозможно и просит о прибавке жалованья и из ревельских дворцовых мыз семей, сколько соизволено будет». По челобитной велено было навести справку из Военной коллегии: «чего ради отставлен и пропитание дано такое ль, как по регламенту положено». По слу-

шанин дела 18 марта 1740 года в челобитной было отказано.

«В уединении,— повествует Бантыш-Каменский, вероятно, со слов Пушкина,— Ганнибал описывал на французском языке историю своей жизни; но однажды, услышав звук колокольчика близ деревни, вообразил, что ехал за ним нарочный из Петербурга, и предал огню любопытную рукопись». Сам Пушкин, полагая, что Ганнибал бежал из Сибири и был тайно спрятан в ревельской деревне, пишет, что в ней Ганнибал жил в помянутом беспокойстве. Утверждение Пушкина о бегстве и скрывании Ганнибала, как мы уже знаем, неверно. Но вполне правдоподобна пугливость Ганнибала. Он был известен как решительный в прежнее время сторонник потомков Петра Великого, а не царствовавшей тогда Анны Иоанновны. Он имел основание ожидать подозрительного отношения к себе и уже испытал однажды тяжелые последствия такого отношения.

В ту пору, когда Ганнибал венчался с фон-Шеберх, Евдокия Андреевна томилась в Госпитальном дворе — «суды еще не кончались». Надо было с нею так или иначе разойтись. Дело находилось в руках перновских офицеров. Под влиянием, может быть, Ганнибала и, вероятно, капитана Матвея фон-Шеберха, они дело теперь ре-

шили и учинили «сентенцию»: «прелюбодеице учинить наказание — гонять по городу лозами, а прогнавши отослать на прядильный двор, на работу вечно; а Ганнибалу, как невинному, за руками [подписями] всех присутствовавших, выдать аттестат».

Для приведения приговора в исполнение необходимо было утверждение высшей судебной инстанции. Между тем, Евдокия Андреевна упросила кого-то написать прошение в Фортификационную контору, чтобы ее вытребовали в Петербург. Ее вызвали. Теперь дело Ганнибала приняло оборот, для него не совсем удобный. Какого-либо особого влияния в Петербурге он не имел. К нему как к прежнему участнику политических интриг могли относиться подозрительно. В Петербурге Евдокия Андреевна не оставалась в бездействии. От ее имени подана была челобитная в Синод. В ней подсудимая заявила, что показания свои в перновской канцелярии дала неправильно, опасаясь угроз мужа; неправильно показал и кондуктор Шишков, подчиненный Ганнибалу в порядке службы. Евдокия Андреевна просила дело о ней произвести в духовном ведомстве и передопросить как мужа ее, так и свидетелей. Вместе с тем она просила освободить ее из-под караула, дабы «голодною смертью не помереть».

Синод потребовал дело, и после очень продолжительной переписки с Фортификационной конторой оно, наконец, в конце 1743 года поступило в духовное ведомство. Со времени начатия дела, в феврале 1732 года, прошло, таким образом, около 12 лет.

10

После восьмилетней отставки, в 1741 году, Ганнибал снова определился на службу, будучи назначен с чином артиллерии подполковника в ревельский гарнизон. Ему пожаловали мызу Рагола в Ревельском уезде. При каких обстоятельствах Ганнибал вновь поступил на службу,— нам документально неизвестно, но легко себе представить, учитывая тогдашние политические условия, а также личные дела Ганнибала. К концу 30-х годов усилились воинственные круги Швеции, которая в эпоху Петра Великого подверглась жестокому разгрому со стороны России, с утратою значительных территорий — части Финляндии и Прибалтийского края. Угроза новой шведской войны стала теперь для России весьма реальной. Весной 1740 года было велено все крепости, и особенно прибалтийские, «в надлежащую исправность и оборону приводить с возможным поспешением». Одной из на-

иболее ответственных крепостей в надвигавшуюся войну была ревельская, которая только в 1710 году перешла к России от Швеции. 17 октября умерла императрица Анна Иоанновна, назначив преемником внука своей сестры, новорожденного младенца Иоанна Антоновича, а регентом — своего фаворита Бирона. Давний близкий приятель Ганнибала, Алексей Петрович Бестужев, находился в первые годы царствования Анны Иоанновны в опале, но в самые последние месяцы этого царствования выплыл наверх, опирался на Бирона и был назначен в состав правительства на высокую должность кабинет-министра. 9 ноября Бирона свергают, правительницей провозглашается мать императора, принцесса-немка Анна Леопольдовна. Переворот совершен Минихом, который становится главою правительства. А. П. Бестужев опять подвергся опале и попал в ссылку, хотя и недалекую. Но 3 марта 1741 года и Миниху была дана отставка. 28 июля Швеция объявила войну России.

Таким образом, при всей тревожности политической атмосферы в 1740—1741 годах, были периоды времени, когда Ганнибал мог иметь сильную протекцию в лице А. П. Бестужева, либо покровительствовавшего Абраму Петровичу Миниха. Затем надвигавшаяся война требовала мобилиза-

ции военных сил. И без протекции могла встретиться надобность в использовании таких незаурядных инженерных и артиллерийских специалистов, каким был Ганнибал. С другой стороны, как мы видели, и сам Абрам Петрович еще в 1739 году просил о прибавке пенсии, но в этом получил отказ. Может быть, ему и в самом деле было трудно жить. Семейство его росло. Затем имение его находилось в районе, который легко мог стать театром военных действий. Все это могло вынудить его и самого добиваться поступления вновь на службу.

О ревельской службе Ганнибала сохранилось несколько документов. Все эти письма и бумаги, исходящие, главным образом, от самого Абрама Петровича, наполнены жалобами на чинимые ему обиды и на разные непорядки в крепости. По таким документам трудно судить, как протекала служба самого Ганнибала и каков он был как человек и инженерный работник. Обстановка службы была довольно сложная.

В письме от 23 марта 1741 года к главному начальнику артиллерии и крепостей, принцу Гессен-Гомбургскому, Абрам Петрович жалуется, что майор Гольмер, обижая его, подговаривает подчиненного Ганнибалу поручика Асеева перевестись, чтобы «здесь место опорожнил для незнаемой

некоторой персоны», между тем как «в Ревельской артиллерии в офицерах имеется самая нужда», а Асеев — офицер хороший. В письме от 19 мая 1741 года Ганнибал жалуется тому же принцу на обер-коменданта генерала де-Брини: «Беспрестанно от него принимаю не по делам моим всякие несносные репримандны [выговоры] и изгнание, не так как артиллерии штаб-офицер, но и последний обер-офицер снести того не может, как персонально мне, так и заочно, и отданными при пароле письменными приказами. И в том я от своей братии штаб-офицеров имею немалое презрение. И хвалится искать надо мною всяких причин». Абрам Петрович пишет, что де-Брини велел снять пушки и, когда приказание было исполнено,— опять поставить, отпершись от первого приказа. «Теми переменными ордерами [приказами] меня и артиллерийских обер-офицеров приводит в немалую конфузию и, как можно видеть, особливо надо мною ищет, чем бы ни есть меня сгубить». Де-Брини хочет выжить Ганнибала с квартиры в ту пору, когда у Христины Матвеевны были трудные роды, и т. д. Ганнибал просит принца «принять меня, бедного, в свою высокую протекцию, как изволили меня изустно аккордовать, и от таких нетерпимых и наглых нападков ме-

ия, бедного, охранить». Письмо возымело свое действие: де-Брини обещал помогать Ганнибалу, который, надо полагать, пользовался участием принца.

25 ноября 1741 года захватила престол Елизавета Петровна, дочь Петра Великого. Пушкин рассказывает, что по этому поводу Ганнибал «написал ей евангельские слова: помяни мя, егда приидеши во царствие свое». Новая императрица действительно вспомнила воспитанника своего отца. Абрам Петрович стал быстро подвигаться в чинах, удостаиваться наград и пожалований и получал ответственные поручения по инженерной части. 12 января 1742 года императрица произвела его из подполковников прямо в генерал-майоры, с определением обер-комендантом в Ревель, где и прослужил он 10 лет. У него оказалась теперь наверху очень сильная протекция, так как многие из бывшего кружка княгини Волконской заняли важные места — сама княгиня к тому времени уже умерла. Алексей Петрович Бестужев стал вице-канцлером; его брат Михаил Петрович — обергофмаршалом императрицы; Иван Черкасов пожалован в действительные статские советники и назначен быть при ее дворе «для отправления комнатных письменных дел».

13 января 1742 года Ганнибал подал в Сенат просьбу о выдаче ему дворянского

герба, на что он как приобревший дворянство службой имел право.

В день коронации Елизаветы Петровны (25 апреля 1742 г.) Абрам Петрович устроил торжественное празднество. Корреспондент «Петербургских ведомостей», издававшихся Академией наук, приписал это торжество губернскому советнику фон-Бреверну. Ганнибал послал в Академию реляцию с указанием неверности: «Понеже, что происходил при здешнем городе какой трактамент, то было у меня, а не у советника Бреверна». Реляция была напечатана, а академик Шумахер уведомил Абрама Петровича, что первое сообщение было прислано в газету от «достоверного человека, через которого мы от многих лет получали верные реляции из Ревеля». Вот известие, присланное Ганнибалом: «Из Ревеля от 17 мая. О здешнем торжестве в высокий день коронации ее имп. вел-ва надлежит еще упомянуть, что г. генерал-майор и обер-комендант Ганнибал о полудни трактовал господ из генералитета и от флота, равным же образом и штаб и обер-офицеров от артиллерии, инженерного корпуса и городского гарнизона, также и ландратов герцогства Эстляндского и прочих знатных персон; а по окончании стола начался бал, который до полуночи продолжался. Перед квартирою генерал-майора и обер-

коменданта представлена была следующая иллюминацпя: 1) ее имп. величество, на троне сидящая, с скипетром и державою в руках, причем изображены были: по правую сторону — Вера и Любовь, а по левую Надежда с Правосудием; надпись при том была сия: «сими побеждаю». 2) Ее имп. вел-во, на коленях молящаяся, а сверх ее с небес сияние, с надписью: «жив бог и жива душа моя». Перед ее имп. величеством лежала на троне имп. корона и скипетр, с надписью: «богом и родом Петра Великого избранна, свыше Елизавет России данна». 3) Ее имп. вел-во, стоящая с копьем в правой руке, левою показует на отрасль престарелого дерева, на которой видно имя его королевского высочества герцога Голштинского [наследник], с надписью: «вождь како возрастает». 4) Ее имп. вел-во, стоящая с пастырским жезлом, а под ногами ее вел-ва овцы, от которых по обе стороны волки прочь бегут, с надписью: «пастырь добрый полагает душу свою за овцы». 5) Российский двоеглавый орел с надписью: «Виват императрица Елизавет Петровна, мать отечеству».

Любопытно, что торжество, которое надлежало устраивать от всего города, каждый из крупных чиновников стремится устроить сам или приписать себе.

Абрам Петрович вступил в переписку с

Черкасовым, своим давним приятелем по кружку кн. Волконской, занимавшим теперь влиятельное положение. В этих письмах он сообщал о разных непорядках в Ревеле. Так, в письме от 28 марта он рассказывает, что за временным отъездом губернатора Левендаля, он, Ганнибал, остался в Ревеле старшим; что он велел собрать солдат, розданных губернатором в разные места, а больше всего для «партикулярных услужений». Но он опасается жалоб на эти свои распоряжения и заранее просит за него заступиться, так как губернатор издавна его не любит и преследует. Таким образом, здесь Ганнибал явным образом устраивает неприятности губернатору, воспользовавшись его отсутствием. Того же числа Абрам Петрович пишет Черкасову, что отправляет в Петербург двух арестованных немцев, замешанных в каких-то важных политических делах. Повидимому, и здесь он усердствовал не в меру и вмешивался не в свое дело. 8 мая 1742 года он пишет Черкасову, что Левендаль прислал ему «реприманд» за отсылку, без его ведома, указанных немцев. Вместе с тем Ганнибал сообщает, что Левендаль и Бреверн скрывают от него какого-то арестованного, которого держат в подозрительно привилегированном положении.

13 мая Абрам Петрович опять пишет

Черкасову: «Покорно прошу вас, моего милостивого друга и патрона, прошу не оставить меня, слугу своего, в несносных мне обидах от ревельского губернатора барона Левендаля: всякими мерами видным и потаенным ищет собою из ревельских обывателей на то приводить, чем бы меня своими неправдами везде озлословить, что не только в Ревеле мне и самому видно, но и в Москве имеющиеся от ревельского магистрата депутаты по его научению при некоторых случаях и знатным персонам меня неправдами и обносят, о чем ко мне мое дружие и писали; а от меня кроме моего снискания к ним никаких обид ни маленькому не бывало, и сделать было некогда, не зачто в таком моем кратком времени, а я как вам известно не такой человек; что в прошедшем году надо мною помянутый губернатор и де-Бриин злодейски всякими мерами искали, чтоб меня в Ревеле не было... А более из того со мною делается, что он прошедших обычаев держится, а я им на их плутские интересы не потатчик; живу как верный раб, что им противно, а какие его, Левендалевы, дела и поступки, о том перед сим сего месяца 3-го числа до вас, моего г-ря, при письме моем вкратце к рассмотрению вашему послано». Дальше Ганнибал рассказывает новую историю, обвиняя Левендаля в неза-

конном распоряжении казенными лесными материалами и расхищении их, и представляет опорочивающие документы. «Потому извольте усмотреть, каков он человек, а я опасен, дабы и мне для его мерзких дел что не приключилось».

Через несколько времени, в июле, Ганнибал устроил торжество в честь именин принца Гольштейн-Готторпского и препроводил Шумахеру описание торжества для помещения в газете. Но Шумахер известил, что незадолго до этого Сенат запретил Академии наук печатать без его разрешения касающееся России, и обращал его внимание на скудость и бесцветность газеты со времени ее подчинения цензуре Сената.

В июне Абрам Петрович пишет Черкасову, что ему нечем произвести «фортификационное исправление», что магистрат уклоняется под разными предлогами от производства нужных работ, рассчитывая на снисхождение со стороны верховной власти, что прежняя администрация не бескорыстно поддерживала магистрат и что в том же направлении и ему, Ганнибалу, «от некоторой здесь персоны было предложение». Он просит это свое сообщение держать под секретом. 29 июля он опять пишет Черкасову, что «некоторые персоны», а Левендаля «факторы» разглашают про

него, Ганнибала, будто он принуждает обывателей к крепостным работам; что Левендаль всячески старается, «чтоб я здесь не был, а им бы в своих происках помешательства не чинил»; что его устраняют от присутствия в губернской канцелярии, чем лишают нужной осведомленности. Ганнибал посылает записку о неисправностях и злоупотреблениях Левендаля и опять просит его, «яко сына отечеству Российской империи, от таких нападчиков в свою высокую милостивую протекцию принять и высвободить».

В письме от 4 октября к Черкасову Абрам Петрович рассказывает, что Левендаль потребовал от него сведений о состоянии команды, а когда Ганнибал явился с рапортом, то не был принят. Левендаль прислал ему сказать, что, «он, губернатор, со мною в одной команде быть не желает, а чего ради оный губернатор не хочет иметь меня в своей команде, того он мне не объявил». Неприязнь Левендаля Ганнибал объяснял тем, что у него был свой кандидат на ганнибалову должность, «который был ему надобен». Абрам Петрович пишет, что Левендалю «противности никакой не чинил, а исполнял по силе указов так, как верному его имп. вел-ва рабу надлежит по рабской моей верной должности».

20 ноября Левендаль поехал в Петербург. Опасаясь этой поездки, Ганнибал пишет 22 ноября Черкасову об этом и просит оградить его от вероятных интриг. «Левендаль занапрасно на меня напал и гонит, а напаче похваляется чрез своих друзей и собою старается, чтоб мне здесь не быть и ея имп. вел-ву меня обнести напрасно, а в чем, того я не знаю». Абрам Петрович предусмотрительно посылает подробную записку, где обвиняет Левендаля в разных злоупотреблениях и непорядках. Он намекает, что Левендаль покровительствует иноземцам, в ущерб русским, не принимает нужных мер к приведению ревельской крепости в боевую готовность и даже мешает этому. К этому, вероятно, времени относится записка Ганнибала следующего содержания: «Прошу, ежели мы оба с губернатором при одной команде в Ревеле еще пределимся, чтоб меня от его нападков пожаловать охранить, а буде же по вашему знанию то безнадежно, прошу искать, чтоб меня с ним развести, ибо по его интригам мне с ним никакого быть невозможно, и при случае доложить ея имп. вел-ву, чтоб меня перевести в Нарву».

По односторонним письмам и донесениям Ганнибала нам трудно судить о том, что разыгрывалось в Ревеле. Надо выслушать и другую сторону. Но ее объяснений мы

в имеющихся материалах не имеем. Поэтому остается неизвестным, кем был Ганнибал — ревностным ли и преданным работником, который деятельно стоял на-страже интересов власти, или неуживчивым и сварливым интриганом. В эту пору шла война с Швецией. Губернатор Ревеля граф Дуглас, родом швед, был предан в 1740 году суду за изменническую переписку с Швецией. Левендаль был родом датчанин и, повидимому, принадлежал к типу военных авантюристов. По крайней мере в 1743 году он перешел на службу к Франции. Командный состав русской армии был наводнен иностранцами, далеко не всегда надежными. При Елизавете Петровне на них началось небезосновательное гонение, но они были еще сильны и поддерживали друг друга. Ревель только 32 года тому назад отошел к России и, вероятно, население еще сильно тяготело к Швеции. Вся эта обстановка явным образом располагает нас в пользу Ганнибала. Правда, в своей борьбе он все время опирался на протекцию, и в его образе действий чувствуется во всяком случае некоторое интриганство.

Мы не знаем, чем окончилась борьба Левендаля с Ганнибалом,—но Левендаль скоро ушел из Ревеля, а последний остался здесь еще на десять лет.

Некоторые из его писаний довольно ко-

мичны. Например, в 1742 году, заметив, что инженер-капитан-поручик А. Перхуров «за толстотою», особенно в летнее время, «имеет чрезмерный труд», Ганнибал просил принца Гессен-Гомбургского о переводе толстяка в артиллерию или армейский полк.

В том же 1742 году Абрам Петрович затеял переписку с Академией наук о возвращении библиотеки, отобранной у него в 1730 году во время ареста. При этом он проявил большую аккуратность и требовательность в отношении тех книг, которых нехватало. Книги были ему возвращены и частью восполнены, причем администрация Академии отнеслась к нему с большим вниманием и любезностью. Он, между прочим, жаловался на неаккуратную доставку ему академической газеты «Петербургские ведомости».

В июне 1743 года был заключен мир с Швецией и 15 июня 1744 года торжественно отпразднован по всей России. От 1744 года мы имеем три письма Ганнибала по поводу майора Гольмера, подчиненного ему офицера, который имел, однако, какую-то сильную протекцию, едва ли не самого принца Гессен-Гомбургского. С этим Гольмером у Ганнибала и раньше были ссоры. Абрам Петрович обращается с жалобой на Гольмера прежде всего к самому принцу: Гольмер «мне такие по команде

приносит досады, что всего того стерпеть уже не в состоянии нахожусь. Во-первых, наложил себе свыше регула [правил] меру: в артиллерийской команде мне товарищем быть, и некоторые дела без моего ведома начинал. И как скоро то ему, чрез мои приказы, пресекаться стало, вздумал упрямиться и так пренебрежно со мною обходиться, что и персонально гордым обычаем во многих поступках и словах меня обижает». Ганнибал просит Гольмера «на истинный путь поставить, чтоб он впредь команду пренебрегать оставил». По приказанию принца, Гольмеру было написано, чтобы с Ганнибалом «поступал как его должность требует, а не ссорно, и не допускал бы его господина генерал-майора [т. е. Ганнибала] впредь своими досадами жаловаться». Гольмер, с своей стороны, также жаловался на Ганнибала и имел некоторый успех. Принц упрекнул Ганнибала, что он с подчиненными поступает «свирепо». Тогда Абрам Петрович опять, 28 июля, написал принцу с конкретным указанием провинностей Гольмера. Они сводятся к тому, что Гольмер, опираясь на какие-то связи, желает создать себе привилегированное положение, в объяснениях с Ганнибалом держит себя дерзко: «... не хотя на месте стоять, как должность повелевает, оборачиваясь спиною и ходя с места на

место, так говорил с невежеством при многих штаб-офицерах, с немалыми угрозами, чего было подчиненным пред командирами так чинить не надлежало», «с великим гневом тем письмом мне угражпвая и показывая уничижительные гримасы и рукою на меня помахивая, что все, по моей чести, не безобидно». Ганнибал указывает далее, что Гольмер своевольничает, дурно относится к подчиненным. Абрам Петрович пишет принцу, что не желал бы, чтобы он, Гольмер, был отдан под суд или подвергнут наказанию, а просит только, «чтоб от таких своих гордых и неучтивых поступок был унят». Но вместе с тем Ганнибал написал «Михаилу Петровичу», вероятно, обер-гофмаршалу М. П. Бестужеву, указывая, что Гольмер, опираясь на успех, не унимается, мнит себя «вторым комендантом». «И имея надежду, так поступает, что, приходя в квартиру и называя меня уже ветреным человеком, при многих штаб- и обер-офицерах, персонально, о чем было мне, в посланном к его светлости представлении, и упомянуть стыдно, что, по моей чести, весьма не безобидно». Здесь Ганнибал обвиняет Гольмера и в разных, впрочем, мелких злоупотреблениях и просит освободить его от Гольмера: «... дабы я и впредь от такого ушника и именитого человека был свободен, которых не только

в своей команде видеть и иметь у себя, но и слышать не желаю, который имеет язык и руки нечестны». Чем окончилась история с Гольмером — мы не знаем. Впоследствии Гольмер сделал карьеру, но нам неизвестно, опиралась ли она на его личные заслуги или на протекцию.

Жалуясь на то, что Гольмер как начальник местной артиллерии не желает подчиняться Ганнибалу как обер-коменданту, Абрам Петрович сам не хотел подчиняться губернатору. Он от своего имени сносился с Петербургом, наряжал военно-судные комиссии, свидетельствовал увольняемых от службы за болезнью и только по исполнении доносил о всем этом, как бы для сведения, губернатору, всячески стараясь подчеркнуть свою самостоятельность. В конце концов и новый губернатор, принц Гольштейн-Бек, нажаловался принцу Гессен-Гомбургскому. Он писал (15 декабря 1744 г.): «... хотя он [Ганнибал] и пишет, что о получении указа ноября 27 дня ко мне рапортовал, но во оном рапорте более ничего не написано, как только о сыскании поручика Колонга из отпуску в дом к команде указ получен; а о следствии и вовсе умолчено, и тайно от меня комиссию командировал, и по всему видимому, чтоб инженер-капитана В. каким бы нибудь образом погубить ищет. Да и следствие оное, не объявя же

мне, в контору от себя послал. Кроме же того, все дела от меня делает тайно, так что я разве о чем стороною сведаю, и все той меры ищет, чтоб мое имя утушить и во всей власти ему одному остаться. Сверх же того, он об означенном поручике Колонге, как мне то видится, неправильно и фальшиво собою отрапортовал... и ежели он так злобно и фальшиво отрапортовал, то за неправдивый рапорт, по военным регулам, весьма преступительно себя учинил и подозрительным показался... Еще ж келейно вашей светлости объявить честь имею, что показанный господин генерал-майор здесь со всем генералитетом поссорился и себя противником учинил». Ганнибал будто бы занимается «тайными подысками» и всячески старается навлечь на губернатора служебные «неприятельности». В свою очередь и Абрам Петрович жаловался на нового губернатора, упрекая его в разных формальных упущениях, неисправностях и злоупотреблениях. Добивался он, чтобы вовсе избавиться от подчинения губернатору. Но, повидимому, Ганнибалу на этот раз пришлось плохо — поставлен был вопрос о том, чтобы его из Ревеля убрать. Он хотел удержаться, но затем и сам стал склоняться к тому, чтобы уйти отсюда «от ненависти некоторых и тамошнего народа убегая», и просил назначения

«в другие города». Стал он жаловаться и на то, что ему недодали причитающегося жалования и что он находится в тяжелом материальном положении. Он усиленно напоминал о своем бескорыстии. 8 апреля 1745 года он писал Черкасову: «Истинно от верности и ревности моей и от страха вышнего не дерзал ни к чему, как другие забыкли, отчего беден и в долгу нахожусь; я бы желал, чтоб все так были как я: радетелен и верен по крайней моей возможности (токмо кроме моей черноты). Ах, батюшка, не прогневайся, что я так молвил — истинно от печали и от горести сердца: или меня бросить, как негодного урода, и забвению предать, или начатое милосердие со мною совершить, яко бог, а не по злым вымыслам человеков».

В конце концов Ганнибал остался все-таки в Ревеле в прежней должности. Мало того, в 1746 году императрица пожаловала ему в Псковской губернии крупное имение. В него входило, между прочим, то самое сельцо Михайловское, которое связано так много с жизнью и творчеством нашего Пушкина. Абрам Петрович, повидимому, с охотой занялся устройством своего нового имения. 12 октября 1746 года он просит Черкасова отпустить его на время в имение, обещая, в случае надобности, приступить к исполнению своих обязанно-

стей: «...наступает зимнее время, где и без того претерпевал, за недостатком к пропитанию, нужду, а ныне и кольми паче того за зимним временем последовать может, того бы ради желал на зимнее время в деревнишки мои уволену быть, где бы по новозаводившемуся случаю хотя бы малое поправить что мог».

О дальнейшей службе Ганнибала в Ревеле сведений нет. Известно, что еще в 1746 году, вероятно, не без влияния ганнибаловских историй, последовало распоряжение, чтобы обер-коменданты имели «с инженерами во всех крепостных работах доброе согласие, и должны инженеры подавать из одного только подчинения о касающихся делах рапорты, но отнюдь не подчинять себя в точную их команду». Это фактически отстраняло Ганнибала от инженерных работ, которые предпринимались в последующие годы. Но, может быть, ставши помещиком, он утратил особое рвение к службе, которое проявлял доселе, и больше занялся устройством своего имения и собственным хозяйством. Ганнибал оказался довольно рачительным помещиком. Он не расстроил своего имения, а расширил его. После его смерти остались и земли, и крепостные души, и порядочные деньги.

11.

За время службы Абрама Петровича в Ревеле дело первой жены продолжало двигаться медленным темпом. Но сам он успел стать человеком заметным, хотя едва ли влиятельным. Мы уже рассказывали, что в декабре 1743 года дело поступило в Синод, который передал его петербургскому епископу. По распоряжению последнего, Евдокия Андреевна отдана на поруки и поселилась у своих знакомых на Васильевском острове. Случай свел ее с подмастерьем Академии наук Абумовым, и плоды их связи скоро обнаружились. Время родов приближалось. Между тем Ганнибал следил за нею. Евдокия Андреевна прибегла за советом к своему духовнику, приходскому священнику. Тот посоветовал ей обратиться в консисторию с покаянием. Она 17 мая 1746 года подала в консисторию прошение (за ее неграмотностью подписанное ее духовником), в котором сознавалась во всех своих прегрешениях. В заключение она сообщила, что и теперь «такою же своею виною одержима есть, как и ныне имеется чревата», и просила развести ее с Ганнибалом, уже женившимся на другой, с которой он прижил нескольких детей. Через некоторое время Евдокия Андреевна родила дочь Агриппину. Ребенок родился

слабеньким. Вероятно, этот ребенок и дал повод к возникновению предания, дошедшего до Пушкина, о том, что у Ганнибала от первой жены родилась белая дочь Поликсена, которую он будто бы оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал к себе на глаза.

На основании прошения Евдокии Андреевны консистория послала Ганнибалу запрос по следующим пунктам: 1) действительно ли он повенчан; 2) кто и в какой церкви венчал его; 3) по чьей венечной памяти; 4) которым показан браком. На это Ганнибал отвечал, что в 1736 году действительно повенчан в ревельской соборной церкви с дочерью умершего капитана Шеберха, девицею Христиною, вторым браком, и в настоящее время уже имеет с ней пять человек детей. Относительно остальных вопросов он заявил, что 23 мая 1746 года подал челобитную самой государыне. Повидимому, он считал для себя унизительным отвечать консистории и надеялся, что императрица сама решит бракоразводное дело. Вышло не так. Прошение Ганнибала императрица отослала в Синод, Синод — в петербургскую консисторию. Дело опять затянулось на три года.

Абрам Петрович препроводил было жену в консисторию, но пожалел денег на со-

держание ее, и консистория опять отпустила ее на свободу. Она попрежнему жила на Васильевском острове и называлась законною женою Ганнибала. Положение его стало щекотливым. Законность второго брака ставилась под сильное сомнение. Дети росли, мальчиков предстояло определить в кадетский корпус, либо записать в гвардию. Между тем при признании брака с Христиной Матвеевной незаконным, дети попадали в очень тяжелое тогда положение «незаконнорожденных» и лишались всяких прав, кроме обязанности зачислиться в податные сословия — крестьянское или мещанское. Приходилось призадуматься. И вот, 15 сентября 1749 года, Абрам Петрович сам «просит консисторию, чтобы в рассуждение его долгой и беспорочной службы и его вторичного брака, его всемилостивейше оборонить, и бывшую его жену Евдокпю взять в консисторию и за чинимое ею прелюбодеяние отрешить от него вовсе, дабы оная прелюбодеица долее не называлась его женою и, таскаючись на воле, своими непотребствы еще более его к безчестпю не довела». К прошению был приложен и выданный Ганнибалу из военного суда аттестат, в котором кондуктор Шишков обвинен «в ослушании команды и фальшивых доношениях, и в блуде жены его, капитана, и в отраве его,

капитана, женою и им Шишковым — кондуктор Гаврила Кузьминский в ведомстве приличился. И означенные кондукторы пред судом признались во всем вины, и пред судом кондукторы Шишков и Кузьминский слезно христианского прощения у Петрова просили и тот их простил. Поэтому судьи, признавая Петрова правым, выдали ему аттестат, а Шишкова и Кузьминского признали во всем виновными».

Прошение Ганнибала поступило к архиепископу петербургскому, который предложил: 1) Евдокию Андреевну с Ганнибалом разлучить; 2) учиня ей наказание, послать в отдаленный монастырь, на монастырские труды вечно, потому что «такая сквернодеица в резидующем [т. е. престольном] граде быти не может»; 3) а Ганнибалу «к тому второбрачию не малую подала причину сентенция суда о наказании жены и ссылка ее на прядильный двор на работу вечно, что и всякому, не совершенно знающему духовных прав, покажется за действительное разлучение. Сверх же сего, с нынешнею второбрачною женою в сожитии уже 13 лет и имеет 6 детей, чего ради, вместо разлучения, снабдить его церковною эпитимией, и, сверх того, денежным штрафом, а с сею его женою брак его утвердить».

После этого Евдокия Андреевна опять

отдана была на поруки с тем, чтобы она «удалялась от прелюбодейного жития, под опасением наижесточайшего наказания, без всякого помилования». Но 5 декабря того же года поручители от Евдокии Андреевны отказались. Того же числа Абрам Петрович подал в консисторию прошение, чтобы «жену его, ради ее непотребств, на поруки не отдавать, а до решения дела в синоде, содержать в консистории под караулом, обещая присылать ей пропитание». Желание это было исполнено, и Евдокия Андреевна очутилась в арестантской петербургской духовной консистории. Неизвестно, доставлял ли ей Ганнибал пропитание, и если доставлял, то какое. Но Евдокии Андреевне пришлось долго просидеть под караулом.

17 ноября 1750 года Синод послал дело к новому архиепископу петербургскому, который возбудил новую переписку по вопросам: какого вероисповедания вторая жена Ганнибала и на каком основании повенчана — для женитьбы православного на лютеранке требовалось разрешение, которое Ганнибал в свое время не испросил. Переписка опять затянулась, пока не нашли, что виновный священник, венчавший Ганнибала с Христиной Матвеевной, уже скончался.

25 апреля 1752 года Абрам Петрович был переименован в генерал-майоры от фортификации и поставлен во главе инженерной части России, но с характерными ограничениями: ему была предоставлена только «искусственная», строительная часть, т. е. рассмотрение годовых сведений о вновь строившихся и исправлявшихся крепостях, ведомостей из команд о произведенных работах и проектов со сметами. Самое управление инженерною частью, ее финансовая и инспекторская части были предоставлены канцелярии главной артиллерии и фортификации. Таким образом, Ганнибала постарались отдалить от того, что ставило бы его в близкие отношения с людьми, но в то же время старались использовать его технические знания. Вероятно, прав поэтому Хмыров, когда предполагает, что нарочно хотели ограничить «горячего и сварливого арапа», которого недолюбливали.

9 сентября 1753 года было, наконец, окончательно решено дело Абрама Петровича с первой женой: ее признали виновною в преступных сношениях до свадьбы с Кайсаровым и после — с Шишковым и Абумовым и присудили: с Ганнибалом ее развести и отослать в Староладожский мо-

настырь «в труды монастырские вечно». Брак Ганнибала с Христиною Шеберх утвердили, наложив на него денежный штраф и эпитимью. 24 января 1754 года, утром, Евдокию Андреевну вывели из консисторского заключения, объявили приказ отправиться в монастырь и сдали отставному солдату Щеколдину, которому и поручили отвезти ее в Новгород. На дорожные расходы выдали Щеколдину три рубля и приказали доставить Евдокию на место бережно. Посадил он ее в сани и отвез в Новгород. Там, в консистории, уже получен был указ Синода, «дабы Евдокию Андреевну содержать в монастыре неисходно и наблюдать дабы оная, пребывая в покаянии, приходила в церковь к повседневному молитвословию, келейного правила не оставляла и, по возможности, в монастырских послушаниях обращалась неленостно». Из консистории ее отправили в монастырь, где она и скончалась.

В истории инженерного ведомства Абрам Петрович является одним из видных деятелей своего времени. В 1752 году, вероятно, по его инициативе, было решено школы инженерную и артиллерийскую соединить в одну; самое решение это осуществлено, однако, только шесть лет спустя. В первые годы новой службы самой крупной работой было построение Тоболо-

ишимской линии укреплений в Сибири. В 1753 году Ганнибал занимался поверкой отчетов о возводившихся вновь укреплениях между Днепром и Донцом. В 1754 году была окончена названная линия в Сибири. В том же году он хлопотал по случаю заложения крепости св. Елизаветы (позднее Елизаветград) и ввел в инженерную школу впервые преподавание гражданской архитектуры. В декабре 1755 года пожалован в генерал-поручики с назначением выборгским губернатором, но через два дня последовал новый указ, коим он попрежнему оставлялся в инженерном корпусе. В 1756 году он завел под Петербургом учебный полигон, где воспитанники инженерной школы обучались ведению примерной атаки. В том же 1756 году артиллерия и инженеры соединены под управление генерала-фельдцейхмейстера, и Ганнибал наименован генералом инженеров (это не чин инженер-генерала). Около этого же времени Ганнибал числится при Ладожском канале. В 1756 году назначен вторым членом в комиссию для рассмотрения положения российских крепостей. Комиссии предстояло обследовать всю систему размещения наших крепостей. Крупные и сложные работы предстояли по Ладожскому каналу, который должен был сильно привлечь внимание генерал-инженера. В 1759 году у Ганнибала

возникло разногласие с его шефом, генералом-фельдцейхмейстером графом П. И. Шуваловым, по поводу Кронштадтского канала, и разногласие это перешло в Сенат. Ганнибал предлагал такую организацию дела, при которой при канале всегда оставались бы знающие инженеры. Сенат согласился, конечно, с влиятельным графом Шуваловым. Разногласие это не помешало, однако, тому, что в 1759 году Абрам Петрович был произведен генерал-аншефом с определением главным директором Ладожского канала и кронштадтских и рогервикских строений. В 1760 году получил орден Александра Невского.

В 1761 году покровительница Ганнибала императрица Елизавета умерла, и вскоре после этого, 9 июня 1762 года, Ганнибал уволился от службы за старостью. Поселился он под Петербургом, в своем имении Суйде, и прожил там еще почти 20 лет. Умер 13 мая 1781 года в глубокой старости. Об этом периоде жизни Абрама Петровича ничего неизвестно. Потревожили его здесь, кажется, только один раз: в 1765 году к нему обращалась Екатерина II с милостивым рескриптом, спрашивая у него материалы о проектированном Петром I канале между Москвой и Петербургом.

13

К большому сожалению, мы не имеем почти никаких данных, чтобы ясно представить себе прабабку поэта — Христину Матвеевну. Анненков говорит, что «по словам Пушкина, Христина Матвеевна обходилась очень нецеремонно со своим супругом, не хотела называть третьего сына Януария настоящим его именем, трудным для ее немецкого произношения, и перекрестила его в Осипа, причем еще отзывалась о сожителе своем следующим образом: «Шорн шорт делает мне шорна репят и дает им шортовск имя». Анекдот показывает, между прочим, и тон, господствовавший в этом семействе». Пушкин действительно рассказывает этот анекдот. Но, как мы уже знаем, поэт имел такие неверные представления о своем прадеде, что мы не очень склонны верить подобным анекдотам. Каких-либо подробностей об отношениях между супругами мы не имеем. Известно только то, что от Христины Матвеевны Ганнибал имел 11 детей, что свое состояние он сильно приумножил. Отсюда как будто следует, что второй брак Ганнибала был вполне благополучен, а Христина Матвеевна оказалась добронравной, домовитой и обстоятельной подругой жизни. Некоторый свет на нее бросает

начало ее истории. Христина Матвеевна вышла из «хорошей» фамилии, была дворянкою, дочерью капитана и, тем не менее, еще девицей вступает в связь с женатым «арапом». Поступила она таким образом, вероятно, без благословения родных. Следовательно, как будто прабабка поэта была способна на столь сильные увлечения, что утрачивала обывательское благоразумие, была настойчива и решительна и не очень считалась с «предрассудками», когда они вступали в конфликт с сильным чувством.

По данным немецкой биографии выходит, что Абрам Петрович умер 14 мая 1781 года, а его жена — за день до этого. Эти даты удержаны и Модзалевским. Между тем 25 марта 1781 года старший сын Ганнибалов, Иван Абрамович, писал брату: «Мать нашу мы схоронили, отец весьма болен и слабеет ежечасно, так что жизнь его в опасности и надежды никакой нет...» Христина Матвеевна умерла на 76-м году своей жизни и погребена там же, где и муж, в его имении Суйде.

В той же биографии читаем: «В государстве, где так хорошо заслуги награждаются, легко было бы Ганнибалу иметь великое богатство, если б он жил с меньшею расточительностью. Императрица Елизавета отличала его от всех, называла братом и

осыпала его своими милостями. Но он никогда ими не пользовался ни для себя, ни для родных и удовольствовался одними подарками. После его смерти осталось только 1400 душ».

В действительности Ганнибал, как мы знаем из его писем, умел выпрашивать себе мирские блага — такова была общая черта среды, в которой он жил. Во всяком случае он умер довольно богатым помещиком. В 1746 году императрица Елизавета пожаловала ему «Михайловскую Губу» (в пригороде Вороньче, Псковской губ., Опочецкого уезда), принадлежавшую до того царевне Екатерине Иоанновне (ум. в 1733 г.), со всеми землями и 569 душ крестьян. В это имение входило 37 очень мелких деревень, в том числе и сельцо Михайловское. В 1756 году за Ганнибалом числилось в Псковской губернии 854 души. Кроме того, Абраму Петровичу принадлежали село Рагола, близ Ревеля, и в Софийском уезде (около Гатчины): имение Суйда — в 55 верстах от Петербурга, где он жил в последние годы своей жизни; мыза Елицы с 5 деревнями; мызы Руново, Кобрино и Танца с деревнями и другие.

Происхождение крупного имения в Петербургской губернии (Суйда и др.) остается неясным. Пушкин считает это имение пожалованным. Но у нас нет сведе-

ний, когда и по какому поводу это пожалование состоялось. Анненков называет Суйду «купленным» именнем. Стало быть, Ганнибал располагал порядочными средствами, чтобы купить довольно крупное имение. Во всяком случае после смерти Абрама Петровича в наследстве, помимо 1400 душ, оказались еще 60 000 руб. чистыми деньгами, хранившиеся в одном из учреждений, соответствующих нынешним банкам. Осталась библиотека (около 300 томов) и физические и механические инструменты.

Но накопленное Ганнибалом богатство не оказалось устойчивым и прочным. Причиною тому была отчасти многодетность Абрама Петровича. За выделами дочерям, оставшееся после него наследство было разделено между тремя его сыновьями (четвертый умер бездетным, и доля его перешла к братьям), которые, таким образом, сразу сошли на уровень средних помещиков. Но еще важнее то, что если родоначальник фамилии умел накоплять, то уже ближайшие потомки его обнаружили совершенно противоположные качества. Некоторые из них быстро скатывались книзу.

14

У нас нет описаний физического облика Абрама Петровича, сделанных современниками, кроме разве общего иронического указания самого Ганнибала о том, что он был «черный». Но это указание надо понимать, очевидно, не в точном антропологическом смысле, а только в смысле общем — необычного для северян темного цвета кожи. Имеется один портрет пожилого генерала из елизаветинских времен, который относят, если не с полной достоверностью, то с некоторою вероятностью, к Абраму Петровичу. Портрет изображает темнокожего, шоколадного цвета субъекта, пожилого, но не очень дряхлого, с черными, только на концах завивающимися волосами (если только это не парик) и с лицом не негритянского типа, а сухим, овальным, с высоким лбом, средней толщины губами и прямым, умеренно широким носом. Во всяком случае перед нами, по словам Анучина, не негр с толстыми губами и широким носом, а темнокожий хамит.

Отметим кстати обстоятельство, которое заставляло, между прочим, сомневаться в принадлежности указанного портрета Абраму Петровичу. Изображенный на портрете генерал представлен с Андреевской лентой, Андреевской и Георгиевской звез-

дами и Георгиевским крестом на шее. Между тем, относительно Абрама Петровича известно, что ему были пожалованы только звезды орденов Анны и Александра Невского. Остаются, следовательно, такие предположения: или портрет изображает не Ганнибала, а какое-то другое лицо; или он получил Андреевскую ленту, но сведений об этом до нас не дошло — в таком случае пожалование могло произойти только при Екатерине II, когда он был уже в отставке; или Ганнибал проявил неумеренное тщеславие и велел изобразить себя с такими орденами, которых не имел. Так думал, между прочим, Анучин, допуская также возможность ошибки живописца. Однако и в немецкой биографии Ганнибал показан кавалером ордена Андрея Первозванного. Поэтому пожалование Абраму Петровичу высшего ордена становится не невероятным. Екатерина II любила показывать свое уважение к памяти Петра Великого, и одним из способов проявления этого чувства могло быть награждение оставшихся в живых ближайших сотрудников и спутников преобразователя.

15

Из сохранившихся характеристик Ганнибала одна принадлежит тому самому Голь-

меру, майору из ревельской крепости, с которым Ганнибал имел служебные столкновения. Ганнибал сам писал, что очень обиделся, когда Гольмер назвал его «ветреным человеком». Нам неизвестно, в каком смысле употреблена эта характеристика, — едва ли в смысле человека легкомысленного, — таким как будто Ганнибал не был; вероятно, в смысле человека горячего, вспыльчивого, действующего необдуманно.

Первый биограф Ганнибала, Гельбиг, утверждает, что Абрам Петрович получил хорошее образование, имел светлую голову, выказал большие способности в изучении фортификационных наук, был чрезвычайно прилежен. Надо думать, что эти сведения идут от старшего сына Ганнибала, благонравного Ивана Абрамовича, который чтил память своего отца.

Имеются затем характеристики, которые идут от Пушкина. Он в свою очередь пользовался семейными преданиями, не всегда надежными, а с другой стороны, попал в руки и такого мутного источника, каким был М. П. Калашников, о котором ниже. Бантыш-Каменский в своем «Словаре достопамятных людей» (изд. 1836 г.) писал, что Ганнибал был права горячего, ревнив и отличался чрезмерной скупостью, причем автор отметил, что сообщает эти сведения

по «словесному преданию», переданному ему Пушкиным.

Еще Анненков имел случай беседовать с Михаилом Ивановичем Калашниковым, крепостным Ганнибалов, а затем Пушкиных. Этот «почтенный старик», как называет его Анненков, рассказывал ему, что «когда бывали сердиты Ганнибалы, все без исключения, то людей у них выносили на простынях», т. е. жестоко запарывали. Калашников родился около 1775 года и, следовательно, был ребенком, когда Абрам Петрович в глубокой старости умер. Но, разумеется, он мог слышать о родоначальнике Ганнибалов от многих свидетелей жизни последнего. Дело, однако, в том, что Калашников долгое время в 20-х и 30-х годах был приказчиком в имениях Пушкиных и отличался тем, что обкрадывал своих помещиков, не менее жестоко разорял крестьян, но зато наживался сам. В конце концов его уволили, чем, разумеется, озлобили. Едва ли такого свидетеля можно считать надежным и беспристрастным. В нем естественно предположить некоторую злобу и к Пушкиным и ко всей их родне.

Анненков изображает Абрама Петровича со всеми его детьми как людей грубых и малокультурных. В частности Абраму Петровичу Анненков дает отрицательную

характеристику и как будто нарочно собирает те черты и свидетельства, которые характеризуют Ганнибала с невыгодной стороны. «Абрам Ганнибал при ближайшем рассмотрении является совсем не тем блестящим человеком, каким представил его Пушкин в образцовом своем романе «Арап Петра Великого». По этому поэтическому свидетельству арап вполне отдался влиянию двора французского регента Филиппа Орлеанского, к которому был послан для окончания образования, переняв у тогдашней французской аристократии ее приемы, внешнее достоинство и тон самоуважения в самой служебной и всякой другой подчиненности». Между тем, «Абрам Петрович просто записался во французскую инженерную школу, живя в крайней бедности, сделал поход в Испанию и рад был возвратиться на родину. Это — далеко от шумного, светского и привольного существования военных придворных двора регента, которые поэтому и не могли сообщить ему лоска своей образованности... Укрытый, после самовольного бегства со службы, близ Ревеля, арап наш провел девять лет в постоянном трепете за себя и вздрагивал при всяком звуке почтового колокольчика, напоминавшего ему роковую курьерскую тележку,— что осталось у него на всю жизнь... Далее, сотоварищество его с незнатной мо-

лодежью Франции не могло изменить его абиссинскую мягкую, трусливую, но вместе вспыльчивую природу. Она вполне сберегла все свои родовые особенности, а в том числе и наклонность к невообразимой, необдуманной решимости. Черта эта потом замечалась у многих ближайших его потомков и заменяла у них настоящее мужество и нравственную выдержку». Не зная рассказанных выше обстоятельств службы в Сибири и в Пернове, Анненков полагает, что Ганнибал дважды бегал из Сибири, причем во второй раз добрался до Петербурга и явился прямо к Миниху, который «испугался за своеобычного майора», скрыл его близ Ревеля и «выхлопотал ему отставку, в которой Ганнибал и состоял до 1740 г., постоянно ожидая преследования и гибели... В этом году Миних, сделавшись главою государства, в свою очередь при правительнице (Анне Леопольдовне) не позабыл о беглом майоре, которому, вероятно, особенно покровительствовал за инженерные познания, столь им ценимые, и принял его снова на службу, дав ему место подполковника артиллерии в ревельском гарнизоне. С восшествием на престол Елизаветы, знавшей его еще мальчиком у отца, судьба Ганнибала достигла высшего своего апогея, давно желанных почестей и богатства. Не

есть ли это карьера простодушного, взбалмошного, но счастливого авантюриста? Все эти качества не исключают и замечательных способностей к чистым (т. е. математическим) наукам, какие должно признать за Абрамом Петровичем». «Чем ознаменовалось директорство (над каналами) и не было ли оно только почетным титулом — неизвестно».

Между тем, сам Анненков заявляет, что «общий характер знаменитого негра остается... все еще с оттенком легенды и предания, и признаков полной исторической правды вряд ли когда-либо и получит». Правда, в биографии Ганнибала нам многое остается темным и неясным. Не вполне ясным представляется и весь вообще образ Ганнибала. Но все-таки найденные после работ Анненкова материалы не позволяют присоединиться вполне к приведенной характеристике, в особенности к ее общему тону. Между тем, эта характеристика получила большое распространение. К ней надо отнестись с сугубой сдержанностью.

Хмыров пишет: «Пушкин говорит, что его прадед слыл человеком суровым, неумолимым, по крайней мере, в старости, — и приводит семейное предание, что когда дед его, Осип Абрамович, женившийся против воли отца, явился к нему через несколько месяцев и, вместе с женой, на

коленах просил прощенья, то от одного гневного взгляда старого арапа молодая невестка упала в обморок». Анучин, следуя, очевидно, Хмырову, пишет: «По преданиям, записанным Пушкиным, Абрам Петрович отличался суровым нравом. Старший сын его, Иван Абрамович, пошедший против воли отца на военную службу, вынужден был впоследствии на коленях перед отцом вымаливать себе прощение. Бабка Пушкина, Марья Алексеевна, представляясь вместе с своим мужем его отцу, упала в обморок от одного его гневного взгляда. Из официальных бумаг ревельского периода службы Ганнибала можно вывести заключение, что он отличался горячим, сварливым характером и что его обвиняли в самоуправстве, свирепости к подчиненным и т. д. Из других преданий известно, что он был крайне скуп, а его отношение к первой жене характеризует его мстительность, вызванную ревностью».

То, что Хмыров и Анучин говорят со слов Пушкина, не вполне покрывается этими словами. О «суровости», «неумолимости» прадеда Пушкин вообще нигде не говорит. Эпизод о том, что Иван Абрамович пошел на военную службу вопреки воле родителя и, ползая на коленях, выпросил отцовское прощенье, Пушкин рассказывает, но рассказ этот более чем со-

мнителен — все четыре известных нам сына Абрама Петровича были на военной службе; служба для дворян была тогда обязательна, а военная карьера считалась единственно достойной дворянина. Рассказ о том, что бабка Пушкина, Марья Алексеевна, представляясь с мужем его отцу, упала в обморок от одного его гневного взгляда, не вполне надежен. Отец сердился на сына за его легкомыслие, расточительность и беспорядочность. Сверх того Осип Абрамович женился, не спрося согласия отца. Об эпизоде встречи с отцом оба супруга рассказывали различно. Осип Абрамович сообщал, что отец на него сердился за женитьбу против его воли. Марья же Алексеевна рассказывала, что отец гневался на сына за расточительность и «худое поведение»; что она поехала к старику Ганнибалу, чтобы помирить его с сыном, и попытка ее увенчалась успехом. Повидимому, как раз женитьба Осипа Абрамовича и примирила с ним отца.

16

Какова была общая культурность Ганнибала? Он вырос вблизи царя-преобразователя, в дворцовом окружении. В эпоху Петра I эта среда имела сильное тяготение

к культуре. Но мы знаем, что в сущности она была глубоко некультурной. Дальше культуры технической дело продвигалось очень туго. Но Ганнибал жил не только при дворе Петра I, он прожил пять лет во Франции, бывал подолгу в Париже. При несомненной его восприимчивости длительное пребывание за границей, в одном из крупных центров тогдашней цивилизации, не могло пройти бесследно, не могло сказаться на одной только технической выучке. А. С. Ганнибал опубликовала состав библиотеки своего далекого предка. В этой библиотеке, в 400 томов, которую Ганнибал вывез из Франции, было, помимо книг математических и технических, немало сочинений литературных и по наукам гуманитарным. Библиотека могла бы свидетельствовать об углубленности и разнообразии умственных интересов Ганнибала. Но заслуживает внимания, что вся библиотека состояла исключительно из таких книг, которые вышли в самом конце XVII века, и, в особенности, в 1700-1721 годах. Таким образом, после возвращения из Франции Ганнибал совсем не пополнял свой книжный запас. А это значит, что либо Ганнибал составлял библиотеку не в удовлетворение своих интеллектуальных запросов, а в угоду царю-преобразователю, который поощрял собирание библиотек, переводы

иностранных книг и т. п., может быть, по прямому приказу царя; либо по возвращении из Франции умственные интересы Ганнибала быстро пошли на убыль — в первой обстановке петровской эпохи и следующих царствований ему было не до чтения книг; не благоприятствовала этому ссылка в Сибирь, потом увлечение помещичьим хозяйством и накоплением богатства и т. д.

Как работник Абрам Петрович отличался хорошими деловыми качествами,— иначе его крупная карьера была бы необъяснима. Правда, он имел и некоторую протекцию. Но едва ли ему стали бы протежировать, если б он не представлял собой значительной ценности. Имеется достаточно данных, чтобы считать его крупным для своего времени и образованным инженером. В качестве такового современники его ценили и при том в течение долгого времени. Не менее очевидно, что он был хорошим преподавателем инженерных и математических знаний.

Но в деловых качествах Ганнибала не все было благополучно. Его отношения с сослуживцами, подчиненными, начальниками вызывают большое сомнение. Столкновения с людьми у него, повидимому, не прекращались. Возникает, однако, вопрос, как эти столкновения истолковать. Например, по Анучину, из официальных

бумаг ревельского периода службы можно вывести заключение, что он отличался горячим, сварливым характером; что он склонен был к самоуправству, свирепости к подчиненным и т. п. Иначе представляет себе столкновения Абрама Петровича А. С. Ганнибал: «Деятельная натура Абрама Петровича требовала усиленной работы; он с горячим рвением относился к своим служебным обязанностям; беспрестанно указывал начальству на совершаемые в Ревеле злоупотребления, с которыми энергично боролся; указывал на неотложные нужды, на упадок дисциплины, одним словом — на расстройство военного дела. Это делало его, конечно, очень неприятным в глазах некоторых лиц. Сослуживцы Ганнибала и его подчиненные, недовольные его требовательностью и постоянным стремлением водворять законность в той сфере, где до тех пор царствовала распущенность и произвол, старались всячески уязвить Абрама Петровича». Немало поводов к столкновениям подавало и то, что Ганнибалу приходилось иметь дело с иностранцами, «немцами», которые заполняли командные должности в армии и далеко не всегда проникались интересами России, в особенности в таком городе, как Ревель, который, как недавно присоединенный к России, был, очевидно, насыщен людьми, стре-

мившимися опять этот город от России оторвать.

Думается, что столкновения Ганнибала с сослуживцами, вероятно, имели и деловую почву. В известной части эти столкновения происходили из-за неналаженности службы, отсутствия отчетливого разделения функций разных властей и т. п. Но не малую роль сыграл здесь и характер Ганнибала, человека беспокойного, неуживчивого и не умевшего ладить с людьми. Этим, вероятно, придется объяснить, что когда в 1753 году назначили Ганнибала главным начальником всей инженерной части в империи, то сочли за лучшее сильно стеснить его права и функции и по возможности отстранить от сношений с другими людьми.

Больше всего внимания обращало на себя отношение Абрама Петровича к первой жене. В литературе это отношение истолковывалось как свидетельствующее о его жестокости. Далекий потомок Абрама Петровича А. С. Ганнибал вступилась за своего предка: «Авторы, писавшие о Ганнибалах, — говорит она, — приписывают обыкновенно характеризующую их будто бы жестокость африканскому их происхождению. Едва ли это справедливо: читая хроники чисто-русских семей, записки и воспоминания о крепостном праве, — и не

только первой половины XVIII, но даже и XIX столетия,— мы можем убедиться, что жестокость была свойственна нравам того времени, а не была исключительным достоянием африканцев. Абрам Петрович, несмотря на свое происхождение, по духу был чисто-русским человеком; воспитанный великим Петром, проведя в его близости столько лет, Ганнибал и не мог быть иным; не существуй в России обычая жестоко расправляться с виновными членами семьи, подчиненными и крепостными, вероятно, и Ганнибалы не проявили бы в этих случаях приписываемой им жестокости».

История Евдокии Андреевны вызывает в нас самые скорбные чувства. Принудительная выдача замуж за нелюбимого человека погубила всю ее жизнь. Но все-таки нельзя относить на счет африканской породы то, что исходит совсем из иных причин. Останавливаясь на тех истязаниях и пытках, которым подвергал Ганнибал свою первую жену, мы не можем забывать, что он вырос в эпоху, известную своей жестокостью.

Из истории Евдокии Андреевны не видно, что водило Ганнибалом — чувство ли мстительной ревности или сознание справедливости и целесообразности своих действий, как ту или другую понимала эпоха, или, наконец, какой-либо особый расчет, о ко-

тором было говорено выше. Биографы часто говорят о ревности Ганнибала. Эту черту отмечает в нем и Пушкин, опираясь, вероятно, не на прямые предания, а на собственное понимание фактов, которые он знал очень неполно, а частью и неверно. Однако весь образ действий Ганнибала достаточно понятен и без ревности. К связям жены с подчиненными в мелком городке не относился бы равнодушно и совсем неревнивый муж. Ревновать Евдокию Андреевну пришлось во всяком случае недолго, так как Ганнибал довольно скоро сошелся с другой женщиной, на которой и женился. Может быть, он сошелся с Шеберх так скоро, что ему вообще не пришлось ревновать первую жену. Напомним, наконец, что, сообщая об истязаниях и пытках, которым Ганнибал подвергал первую жену, Опатович не сказал, откуда эти сведения взяты. Если они идут только от самой жертвы, то не исключена возможность преувеличений. Однако приходится поверить, что те или иные истязания и мучительства действительно имели место — Ганнибал был слишком заинтересован в том, чтобы принудить Евдокию Андреевну взять на себя на суде самые тяжкие вины. Только взведя на нее такие вины, он мог рассчитывать добиться формального развода. Затем вполне несомненными представляются те му-

чения, которые претерпевала Евдокия Андреевна уже после того, как муж с ней разошелся,— ее то арестовывали, держали в заточении, то выпускали на свободу, затем опять арестовывали,— все это повторялось несколько раз. Но здесь можно понять Ганнибала, не приписывая ему чувства мстительности, которое предполагает в нем Анучин: расставшись с женой, он в течение 20 лет не мог с нею развязаться исключительно по вине тогдашних законов и порядков. Просто предоставить Евдокию Андреевну собственной участи он не мог, даже если бы хотел,— неразрешенность дела с первой женой ставила под большие удары вторую жену и детей. Одна черта Ганнибала сказалась во всей этой истории вполне ясно — он не хотел давать первой жене даже те скромные алименты, которые нужны были, чтобы содержать ее под арестом. Так как Ганнибал уклонялся от дачи средств на прокормление жены, то администрация и вынуждена была ее из-под ареста выпускать.

О жестокости Ганнибала говорит еще второй источник — М. И. Калашников. Но и этот источник, как мы видели, мало надежен.

По давней традиции, в качестве общей черты предков Пушкина, выдвигается их будто бы «ненормальность в брачных от-

ношениях» (Модзалевский и др.). Это свойство приписывается и Абраму Петровичу из-за истории его с первой женой. Корни этой истории заключались, как мы видели, в том, что Абрам Петрович женился на девушке без ее желания и не считаясь с ее чувствами. Но ведь так поступали тогда слишком многие. Чего-либо необычного в этом по условиям того времени не было. Необычно поступила Евдокия Андреевна, отдавшись другому накануне свадьбы. Каковы способности ее к семейной жизни,— мы не знаем, да это нас мало интересует — предком нашего поэта она не была. Что касается Абрама Петровича, то со второй женой он прожил до ее смерти, полвека, и прижил с нею и вырастил кучу детей. В довольно обширных материалах, к нему относящихся, нет ни одного намека на то, чтобы эта семейная жизнь омрачалась каким-либо неблагополучием. Не вернее ли, наоборот, считать Абрама Петровича примерным семьянином?

В памяти людей Ганнибал сохранился как человек скупой. Таким его считал, например, Пушкин. Об обратном говорит немецкая биография: «Легко было бы Ганнибалу иметь великое богатство, если б он жил с меньшею расточительностью». Расточительным он во всяком случае не был и в этом отношении не походил на своих

потомков. Пожалованные ему имения он не разорил, а приумножил. Возможно, что здесь он нашел себе деятельную сотрудницу во второй жене. Возможно, что Ганнибал был не только бережлив и рачителен в хозяйстве, но и просто скуп. Иначе трудно понять, каким образом ему удалось значительно увеличить свое состояние. Уклонение от выдачи содержания первой жене, когда она находилась в заключении, — речь ведь шла о совершенно ничтожных расходах, — может быть объяснено только скупостью, тем более, что подобными уклонениями Ганнибал создавал затруднения только себе — из-за невзноса денег Евдокию Андреевну выпускали из-под ареста на свободу и давали ей повод «сра-мить» мужа.

В немецкой биографии Ганнибал изображен, по крайней мере, в детстве, как «живой, смелый». Семейные же предания изображают его как человека робкого, трусливого, во всяком случае не храброго десятка. Пушкин, предполагая, что Ганнибал возвратился из Сибири самовольно и скрывался в ревельской деревне, пишет, что Ганнибал жил там «в поминутном беспокойстве»: до самой кончины своей не мог без трепета слышать звон колокольчика, т. е. страшился ареста; сжег свои записки на французском языке в припадке «пани-

ческого страха». Если вспомнить, что Ганнибалу пришлось побывать в сибирской ссылке, что он, вероятно, с ужасом вспоминал о ней и во всяком случае не хотел попасть туда во второй раз; что переписка его с кн. Волконской попала в чужие руки и имела для него и друзей тяжелые последствия; что до 1741 года — вступления на престол Елизаветы — он, не без некоторого основания, казался, правительству подозрительным, то «помянутое беспокойство» и «припадки панического страха» станут довольно понятными. Возможно, что Ганнибал был и от природы робок. Вспомним, в какой ужас пришел он, когда получил распоряжение возвратиться из Франции в Петербург морем. Он не постеснялся в нескольких письмах засвидетельствовать свой страх перед морским путешествием, хотя, разумеется, знал, что царю Петру подобный страх нравился менее всего. Письма Ганнибала вообще переполнены уничижительными просьбами, клянченьем. Впрочем, это придется отнести на счет не столько Ганнибала, сколько господствовавшего тогда эпистолярного стиля.

Во многих характеристиках, идущих от людей, которые Ганнибала уже не знали, встречаются указания на то, что он был горяч, вспыльчив, имел склонность «к невообразимой, необдуманной решимости»

(Анненков). Любопытно, однако, что в довольно обширных и разнообразных биографических материалах мы не находим фактов, которые подтверждали бы подобную характеристику. Некоторые из потомков Ганнибала подобными свойствами обладали, другие — нет. Дошедшие до нас письма из различных периодов его жизни свидетельствуют скорее об иных свойствах Ганнибала — об умении и желании рассчитывать, предусматривать, внимательно вглядываться в обстановку, соображать последствия, даже хитрить и т. п. Все это мало согласуется с вспыльчивостью, горячностью, «необдуманною решимостью». Не является ли эта традиционная характеристика скорее отражением господствующих представлений об «африканской природе», чем выводом из фактов?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пушкинский отрывок «Родословная Пушкиных и Ганнибалов» был напечатан после смерти поэта, в 1810 году. Оказавшаяся в архиве поэта немецкая биография Ганнибала находится в рукописях Публ. библ. им. Ленина, № 2387, А, лл. 40—45; в той же рукописи (лл. 28—29, 56—58) находим и русский перевод ее, которым мы пользовались. Этот перевод приведен в книге П. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», 1903. Считали, что перевод сделан Пушкиным. Шляпкин пишет: «Этому противоречат неправильные обороты речи и удивительная, свойственная иностранцу, безграмотность». Пушкинская статья «Родословная Пушкиных и Ганнибалов» местами прямо перифраз этой переводной биографии. Она же как «преданья милого семейства» вошла целиком в отдельные места повести «Арап Петра Великого». С данными Гельбига биография близости не имеет. Писал ее как будто немец, и при том близко знавший Абрама Петровича (рассказ о слезах, о вмешательстве Ивана Абрамовича); не были ли ее первоначальным источником рассказы Христины Шеберх? Автором их мог быть один из сыновей Ганнибала, и всего вернее Петр Несомненно об этой биографии писал Пушкин Осиповой, говоря про умирающего Петра Ганнибала: «Надо, чтобы я получил от него воспоминания, касающиеся моего прадеда». Очевидно,

какое значение имеет эта биография для пушкинского «Арапа Петра Великого». Дело-то, однако, в том, что в упомянутой тетради перевод написан рукою Пушкина. П. О. Морозов замечает: «Стилистические и грамматические неправильности списка можно объяснить поспешностью и небрежностью; может быть, Пушкин писал под диктовку переводчика и, во всяком случае, не особенно заботился о литературности этого списка, видя в нем только черновой материал, которым, действительно, и воспользовался при составлении «Родословной». Предположение Шляпкина, что источником биографии послужили рассказы Христины Матвеевны, основано, очевидно, на убеждении, будто жена пережила мужа. Мы знаем, что муж пережил жену. Вероятнее всего, биография Ганнибала идет от кого-либо из сыновей Абрама Петровича. Имея матерью природную немку и проведя детство в Ревеле, они могли хорошо знать немецкий язык.

2. Helbig «Russische Günstlinge», 1809; перевод в Русс. Стар. 1886, № 4. П. П. Пекарский, Наука и литература при Петре Великом, 1862, т. 1. Хронологическая канва, составленная М. Н. Лонгиновым, напечатана в Русск. Арх., 1864. М. Д. Хмыров, Исторические статьи, 1873. Статья С. П. Опатовича в Русс. Стар. 1877, т. XVIII. Статья Д. Н. Анучина «А. С. Пушкин. Антропологический эскиз» напечатана в №№ 99, 106, 120, 127, 134, 143, 163, 172, 180, 193 и 209 газеты «Русские ведомости» за 1899 г.; вышла тогда же и отдельным оттиском. Несколько документов опубликовали П. А. Шляпкин в упомянутой выше книге. Н. А. Гастфрейнд «Письма Абрама Ганнибала», 1904; первоначально во «Всемирном вестнике» за 1903, № 11; П. П. Васильев. Следы пребывания Пушкина в Псковской губернии, 1899. Сведения о А. Ганнибале и других предках Пушкина попадаются в материалах Верхов-

ного тайного совета и кабинета министров в сборнике Русского исторического общества, т.т. 79, 84, 101, 106, 130 и др. Статья С. Н. Шубинского о кружке кн. А. П. Волконской в Истор. Вести. 1904, т. 98. Статья Б. Л. Модзалевского «Род Пушкина» помещена в т. I венгеровского Пушкина (том этот датирован 1907) и с небольшими поправками перепечатана в посмертной книге Модзалевского «Пушкин», 1929. Модзалевским помещена еще родословная Ганнибалов в Летописи Истор. родословного общества, выпуск 2 (10), 1907. Но в этой работе содержатся только такие сведения, какие мы находим в его названной статье. Работа А. С. Ганнибал в «Пушкин и его современники», вып. 17—18 и 19—20, 1913—1914. Подробная литература о предках Пушкина в упомянутой статье Б. Л. Модзалевского доведена до 1907.

В «Пушкин в жизни» Вересаева глава «Предки Пушкина» явилась только в 5-м издании. Сведения об Абраме Петровиче Ганнибале извлечены здесь из «Родословной Пушкиных и Ганнибалов» и статей Анучина и Модзалевского. Последние две первоисточниками не являются.

В «Путеводителе по Пушкину» (в Собр. соч. Пушкина, прилож. к «Красной ниве» за 1930) имеется очень небольшая справка «Предки Пушкина», составленная Л. Б. Модзалевским. В справке есть крупные ошибки, о чем см. ниже. Приложенная к «Путеводителю» хронологическая канва, составленная М. А. Цявловским, предков поэта не охватывает. «Труды и дни Пушкина» Н. О. Лернера распространяют хронологическую канву и на предков поэта. Но работа эта к настоящему времени сильно устарела.

3. Разные частные эпизоды, касающиеся Ганнибала, см. Голиков, «Деяния Петра Великого», т. XV; Русск. Арх. 1877, II, стр. 284.

4. Русские ученики во Франции беспрестанно

жаловались на свое бедственное положение. В марте 1718 года Юров и Абрам писали царю: «На что себя определили по желанию нашему, и мы оное управить с совершенным прилежанием, яко должность наша повелевает, вашему величеству обещаем, дабы могли удостоиться вашего милостивого покрова; того ради, не имея никакой надежды, ниже какое заступление, опричь единого вашего величества призрения, молим препокорнейше о призрении нашего убожества и определить нас своим государевым жалованием, которым бы нам можно прожить здесь без долгов; истинно, яко самому богу, верно доносим, что в сих странах не можно прожить двумя стами сорока ефимками французскими, без всяких прихотей; умилосердись, государь, не учини нас отчаянных исполнить и исполнять по желанию, по должности и по обещанию нашему к вашему величеству; мы не смеем определить сумм, но полагаем на ваши царские, отеческие щедроты и на верное об нас доношение г. капитан-поручика Конона Зотова, и тако, ожидая оного призрения, пребываем вашего в-ва сын и раб пренепорочнейший и вернейший Алексей Юров и Абрам».

Зотов хлопотал и о парижских русских школьниках, но едва ли успешно. Они вскоре возобновили свои моления о присылке денег. «Прошу, государь, — писал Юров Макарову, — напомянуть об нас всемилостивейшему нашему государю; бог видит, что уже в крайней нужде помереть будет с голоду; которых имеем мастеров, платить нечем, учить не хотят». Абрам писал Макарову (11 марта 1718 г.) о том же: «Мой премилостивый государь, Алексей Васильевич, мой государь! Прошу вас, моего государя, нас чтоб не оставить в такой бедности, и здесь приложить свое милосердие в прошении к его величеству об нас бедных, презря все мое глупое, младые поступки

и себе показанной и явить над нами свое милосердие отеческое, яко над детьми своими, чтоб нам не пропасть в нищете здешнем. Во истину, мой государь, не можем пропитаться определенными 240 ефимками французскими, и о чем писали к его величеству, при том просим и ваше милосердие». Как видим, наш парижский «аспирант» был юношей малограмотным. Впрочем, сам царь недалеко от него ушел в этом отношении.

Деньги не высылались, и Абрам с товарищем бедствовали в Париже; определенного денежного жалования доставало им только на еду и на наем квартиры. «На плечах ни кафтана, ни рубахи почитай нет, — писал Абрам 8 октября 1718 года Макарову, — мастера учат в долг. Просим по некоторому числу денег, чтобы нам мастерам дать, но наше прошение всегда вотще, токмо взяли резолюцию обмывать ваши ноги слезами милосердие отеческое над нами показать, иметь об нас попечение к его царскому в-ву о прибавке нам жалованья, чтоб нам не явиться к его в-ву с пустыми руками, к нашему возвращению в Петербург».

Франция в ту пору была наводнена бумажными деньгами; деньги сильно упали, продукты поднялись в цене. В конце 1718 года Юров писал Макарову: «Ныне деньги переменилися и мы от определенного своего жалованья теряем по четыреста гульденов и на все цена прибавилась безмерная; прошу вас, моего милостивого государя, приказать ко мне отписать, какими деньгами изволите платить за нас Савве Рагузинскому: ежели рублями за ефимок, то бы нам всякой ефимок был по четыре ливра и по пяти копеек или слишком, а он нам дает по три ливра за ефимок, також и к Савве прошу отписать о сем; а я чаю, что царское в-во приказал нам определить ефимками голанскими, а не французскими малыми...» К этому письму Юров и Ганнибал

приложили следующее прошение к царю (от 24 декабря 1718 г.), прибавив в письме к Макарову, что «ежели изволите заблагорассудить, то прошу поднести, а ежели не хорошо, прошу его и разодрать»: «По многом нашем слезном вопле паки ваше в-во кровно принуждены просить о прибавке вашего государева жалования. Истинно, всемилостивейший государь, утверди высокою вашею государевою милостию то, за что ухватились, дабы из рук нам не упустить... Порадуй, всемилостивейший государь, истинно скорбящих, повели прибавить вашего государева жалованья, а нам Савва Рагузинский здесь дает через своего корреспондента только по 200 р., которыми не токмо пропитаться, ни от долгов себя защитить невозможно». Материальное положение заграничных учеников временно улучшалось. Но затем опять следовали их слезные послания о помощи.

Засвидетельствовав в письме 5 февраля 1722 года свой ужас по поводу предписанного путешествия морем, Абрам через десять дней, 16 февраля, опять пишет Макарову: «Извольте рассудить,мой милост. гос-рь, какой я человек морской,— истинно не могу, хотя моя мука в сем была известна, но ныне и пуще отвык, нежели в то время. Того для прошу вас, моего государя, доложить его имп. в-ву, чтоб повелел мне хоть малое что на проезд пожаловал, чем бы мне можно доехать в Петербург, извольте ведать, что истинно, мой г-рь, лучше я пешком пойду, нежели морем ехать...» Абрам пишет, что «прошедшее время учился я токмо теории и практики ничего не имел»; «ежели его имп. в-во повелит мне еще пребыть здесь нынешний год, чтобы мне видеть хотя малую практику, понеже в оной школе инженерской нарочно сделали город земляной, которому будем в нынешнем году приступ делать, шанцы вести, подкопы копать и прочее,

что из практики принадлежит знать». «Я надеюся,— кончал в письме Абрам,— что его в-во по своему отеческому милосердию меня не оставит. И у меня надежды никакой более нет, кроме бога и его величества, а ученне мое и житие всем русским здесь известно и особливо ведает г. Зотов и Туволков, когда они были в Париже, то во истинно, что я никуда по неделе и по две с двора моего не выходил и старался об ученни моем, как возмог, и чего не мог выучить, истинно не от нерадения моего, но только разве за недостатком моего разума, а более за деньгами: деньги здесь дают много знать». Не получая ответа, Абрам пишет Макарову 5 марта третье письмо: «И вот рассуди, государь мой, что мы здесь в долгу не от мотовства, но от бумажных денег, о чем вы, я чаю, известны через графа Мусина-Пушкина, какое здесь житие было здешними деньгами, и ежели бы здесь не был Платон Иванович [Мусин-Пушкин], то бы я умер с голоду: он меня по своей милости не оставил, что обедал и ужинал при нем по вся дни. Которые жалования получили от вас, нам выдали здесь бумагами, которые ни во что пропали, большая часть еще у меня остался, что ни во что не годятся. Для уверения я вам привезу, ежели бог позволит... И я вам, мой государь, доношу, что всем русским известно, какое я имел старанне к моей учени: искал всякое оказне, где бы можно лучше учиться, также и принял службу, чтоб лучше знать мое дело... То ли я выслужил, живучи при его в-ве 17 лет, выгоняют отсюда, как собак, без денег, хотя бы на подъем не давали, да пожаловали бы дать нашу жалования годовое: я бы с тем поехал, ежели не достанет, то бы милостыню стал бы просить дорогой, а морем не поеду, воля его в-ва». Абрам уже начинал бояться, хорошо ли сделал, что просил годовой отсрочки: «Я боюся, ежели в будущем году также

указ придет, чтобы выгонять, как скотин без денег, то я пропаду, как собака, лучше я теперь поеду к одному концу — выиграть или пропасть... Истинно доношу вам, моему государю, что я не терял времени и государевых денег напрасно не проживал, как другие делают... Христа ради... прикажите прислать жалования на 1722 год, истинно бумажные деньги французские уморили с голоду, что поят и кормят в долг. Ежели не верите, то я вам привезу половину жалования, которое вы изволили прислать на 1721 год».

Получив приказ возвратиться в Петербург с кн. Долгоруковым, Абрам 11 апреля 1722 года пишет Макарову: «Прошу Вас, моего государя, чтобы приказали доложить его в-ву, чтобы приказал за меня заплатить долг, который я имею 250 рублей... и здешние жители разорились, как нам бы можно от того спастися,— понеже жалования, которое мы получили прошлого 1721 году на бумагах, которые все пропали ни за что большая половина... А что мне велено ехать с его светлостью [кн. Долгоруковым], и о том прошу вас, моего г-ря, чтоб к нему отписать, пока он изволит здесь жить в Париже, чтоб меня приказал поить и кормить у себя, чтоб мне опять в долг не входить, понеже я не имею за душою единою копейку, а он сказал: хотя де с голоду умирайте — у меня вам нету хлеба, а мне де на то указу нет, чтоб вас кормить; также, чтоб в дороге нас не оставил, чтоб нас приказал везти на своих и кормить дорогою, чтоб с голоду не помереть». Абрам еще раз просит исполнить его просьбы, «чтоб мне опять в долги не зайти» и чтоб не пропасть от «добрых люде, как Мичурин и Лахчинский в Англии».

5. В «Путеводителе по Пушкину», 1931, стр. 294, весь эпизод со ссылкой Ганнибала в Сибирь изображен так: «Ездил на китайскую границу с

А. Д. Меншиковым для постройки Селенгинской крепости». Это — ошибка. Меншиков, в качестве крупнейшего сановника, обладавшего почти царской властью, никуда с Ганнибалом не ездил, а сослал его. Вскоре после этого Меншиков пал и сам был сослан, сначала в Ранненбург, потом в Березов, без каких-либо служебных поручений. В ссылке Меншиков и Абрам Петрович не встречались. В справке «Путеводителя» есть и другие неточности. Неверно, будто Ганнибал «состоял» выборгским губернатором. Он был назначен на эту должность, но через два дня назначение отпало. В том же году он был произведен не в инженер-генералы (очень высокий чин), а в генерал-поручики. О таких мелких фактах не стоило в очень краткой справке упоминать.

6. Об отставке Ганнибала см. Сборн. Русск. истор. общ., т. 106.

7. Челобитная Ганнибала о прибавке пенсии см. Сборн. Русск. истор. общ., т. 130.

8. В отношении вторичного поступления Ганнибала на службу у Вересаева есть и ошибка и опечатка (стр. 18): Ганнибал определился на службу не в 1747 году, и не с воцарением Елизаветы, а в 1741 году, до этого воцарения.

9. Б. Л. Модзалевский ошибается, указывая («Пушкин», стр. 54), будто Ганнибал был произведен в 1756 году в «инженер-генералы». В этом году, в связи с объединением артиллерии и инженерной части, он был «наименован генералом инженеров» (должность). Чины Ганнибала около этого времени были следующие: в декабре 1755— генерал-поручик, в 1759 — генерал-аншеф. Ошибка Модзалевского перешла в книгу Вересаева (стр. 18) и в «Путеводитель по Пушкину» («Предки Пушкина»).

10. Письмо Ивана Абрамовича Ганнибала о смерти родителей см. в статье А. С. Ганнибал, стр. 289. Об имении Михайловском в Сборн. тру-

дов Псковского археол. общ. за 1896 г., Псков, 1897.

11. Портрет А. П. Ганнибала воспроизведен в венгеровском издании сочинений Пушкина, т. I, стр. 17 и лучше в 5-м изд. книги Вересаева «Пушкин в жизни», стр. 14—15.

12. О М. П. Калашникове см. у П. Е. Щеголева «Пушкин и мужики», 1928.

II

ПРЕДКИ ПОЭТА СО СТОРОНЫ ПУШКИНЫХ, ГОЛОВИНЫХ, РЖЕВСКИХ, ЧИЧЕРИНЫХ И ПРИКЛОНСКИХ

1

Ближайших предков поэта по всем линиям, начиная с прадедов и прабабок, можно представить в следующей схеме:

ПО ОТЦУ:

Пушкин.....	Головина	Чичерин...	Приклонская
Александр	Евдокия	Василий	Лукия
Петрович	Ивановна	Иванович	Васильевна

Пушкин Лев Александрович — Чичерина Ольга Васильевна

Пушкин Сергей Львович (жена Н. О. Ганнибал)

Пушкин Александр Сергеевич

ПО МАТЕРИ:

Ганнибал...	Шеберх	Пушкин	Ржевская
Абрам	Христина	Алексей	Сарра
Петрович	Матвеевна	Федорович	Юрьевна

Ганнибал Осип Абрамович — Пушкина Мария Алексеевна

Ганнибал Надежда Осиповна (замужем за С. Л. Пушкиным)

Пушкин Александр Сергеевич

Соответственно, направлению, заданному самим Пушкиным, исследователи стали собирать сведения о его предках. Но работа эта велась односторонне. Из всех линий, от которых пошел Пушкин, интересовались доселе только Ганнибалами, по крайней оригинальности их родоначальника, и Пушкиными. На женские линии его предков, кроме Ганнибалов, почти не обращалось внимания, а потому до сих пор сведения о них очень скудны.

В последние десятилетия генеалогией Пушкина занимались М. В. Муравьев и Б. Л. Модзалевский. Первую сводку своих работ этот последний дал тридцать лет тому назад в упомянутой выше статье «Род Пушкина» (1907 г.). Работа эта чрезмерно сжата, напоминая больше справку. Предкам поэта со стороны отца посвящено всего 13 страниц. К тому же автор уделил здесь больше внимания, чем стоит, разным очень далеким боковым родичам поэта. Женские линии, кроме Ганнибалов, игнорируются им почти совершенно. В 1932 году Академией наук СССР издана книжка Модзалевского и Муравьева «Пушкины. Родословная роспись» как результат многолетней работы этих собирателей. Книжка состоит из перечня представителей рода Пушкиных, начиная от их далекого родоначальника и кончая живущими ныне его

потомками. О каждом дается короткая справка из литературных и архивных источников. Представители рода расположены в поколенном порядке. В книжке много сведений, давно известных, но и много нового и притом интересного и ценного. Тем не менее и новая работа по родословной Пушкина не вполне нас удовлетворяет. Модзалевский полагал, что она «послужит для освещения и понимания духовного облика Пушкина». Но этой цели она послужит только отчасти, отчасти же собьет нас с правильного пути. Генеалогия Пушкина складывалась в результате воздействия не одной линии Пушкиных, т. е. лиц, которые носили условно эту фамилию, но столько же и под влиянием женских линий. Книжка дает материал для суждения о том, каковы были потомки некоего Григория Александровича Пушки, жившего в XIV—XV веках и ставшего родоначальником сильно разветвившейся фамилии Пушкиных, а не для заключений о генеалогии великого поэта, ибо среди его предков были не только Пушкины, но и Ганнибалы, Чичерины, Ржевские, Головины, Прпклонские и др. И если искать надежных и научно-ценных результатов от изучения генеалогии Пушкина, то надо одинаково обстоятельно изучать всех предков поэта, в особенности ближайших, а

не только тех, которые носили фамилию Пушкиных. Материнские линии не менее важны, и имеются некоторые основания думать, что среди предков поэта эти линии представляют больше значения и интереса, чем мужская по отцу. К сожалению, и с технической стороны изданная книжка оставляет желать лучшего (см. примечания).

Собранные поэтом в его архиве семейные и хозяйственные бумаги перешли к его наследникам, постепенно расползались по разным рукам, а частью сохранялись у них. На эти бумаги обратили внимание только в самое последнее время. Часть их использованы П. Е. Щеголевым в его книге «Пушкин и мужики», 1928 год, они служат к разъяснению некоторых важных вопросов, касающихся предков поэта. Оставшийся у наследников архив приобретен в 1933 году Литературным музеем, которым и опубликован в первом выпуске «Летописей» этого музея (отпечатан в конце лета 1936 г.) Содержащиеся здесь бумаги также пополняют кое в чем наши небогатые сведения о предках Пушкина.

2

Род Пушкиных дал предков нашего поэта по двум линиям: по отцу и по ма-

терн. По издавна хранившемуся среди Пушкиных преданию, они вели свое происхождение от «мужа честна, прозванием Ратша (или Радша), рода королей Словенских», выехавшего «из немец» в Новгород при великом князе Александре Невском, т. е. в XIII веке. Это обстоятельство давало Пушкину повод подчеркивать свое «шестисотлетнее» дворянство. Есть некоторое основание предполагать, что Ратша жил еще в XII веке и был тем тиуном князя Всеволода Ольговича, про которого киевляне в 1146 году говорили — «Ратша погубил у нас Киев, а Тудор — Вышгород». Мы не знаем, кто был Ратша по происхождению — судя по имени, это мог быть немец, славянин, литовец, венгерец. Ссылаясь на предка, выехавшего «из немец», Пушкины следовали общей тенденции многих русских дворянских родов показывать легендарных предков своих знатными выходцами из иностранных государств.

Если родословная Пушкина со стороны отца изображается верно, то наш поэт является потомком Ратши только в двадцатом колене. Но мы очень плохо знаем ближайших потомков Ратши. В родословной по нисходящей линии показаны после Ратши: Якун, Олекса, Гаврило Олексич, Иван Морхиня, Александр, Григорий Пушка. Не знаем даже, не легендарны ли некоторые

из этих имен. Вполне реален витязь Гаврило Олексич, прославившийся в Невской битве 15 июля 1240 года и убитый в 1241 году. Александр Иванович был в 1340 году воеводою войск великого князя, посланных на помощь рязанскому князю. Как будто вполне реален также Григорий Александрович Пушка, живший в конце XIV или в начале XV века. От Григория Пушки пошли Пушкины и ряд других дворянских родов. Род Пушкиных в свою очередь распался на много ветвей. По знатности Пушкины принадлежали к второразрядной аристократии, имевшей в XVII веке право на получение чина окольничего; таких родов было у нас пятнадцать.

Среди рода Пушкиных были лица, которые приобрели себе некоторое имя в истории, но этого нельзя сказать о ветви, к которой принадлежал поэт, — здесь нет сколько-нибудь заметных лиц. Поэт гордился некоторыми представителями своего рода, но все это были только боковые родичи. Прямые его предки по линии Пушкиных принадлежали к заурядному среднему служилому дворянству и ничем не выделялись. Даже о ближайших предках поэта мы не располагаем сведениями, которые позволили бы достаточно ясно представить себе этих людей.

Наш поэт происходил по прямой линии от одного из младших сыновей Григория Пушки — Константина Григорьевича. Об этом Константине, его сыне Гавриле и внуке Иване не разыскано никаких документальных указаний. Правнук Константина, Михаил Иванович, упоминается в 1537 году как дмитровский помещик. Сын Михаила Ивановича, Семен Михайлович, в 1567 году был вторым у знамени в Новгородском, против поляков, походе Ивана Грозного, а в 1573 году, во время отправления в Новгороде в присутствии царя свадьбы его племянницы, княжны Марии Старицкой, с королем Ливонским Магнусом «вторые сорок соболей держал». Он имел двух сыновей: Федора, подписавшегося в 1613 году под грамотою об избрании на царство Михаила Федоровича Романова, и Тимофея Семеновича. Последний — прямой предок поэта — был в 1597 году головою при черниговском воеводе Ф. И. Шереметеве, в следующем — головою же «у ставления и дозору сторожей в Серпуховском государевом по Крымским вестям походе», в 1601 году — в Цареве Борисове городе, в 1616 году дозирал и переписывал Романовский уезд, в 1618 году находился воеводою в Цивильске.

Из четырех сыновей его — Петр Тимофеевич, по прозвищу «Толстой» и «Чер-

ной», в 1624 году будучи назначен воеводою в сторожевом полку в Прошск, местничался с князем А. Ф. Литвиновым-Масальским, а в 1627—1628 годах был воеводою в Тюмени. Он был галичским, рязанским и московским помещиком. Женат был с 1619 года на Елене Григорьевне Сунбуловой. Умер в 1633—1634 годах.

Единственный сын Петра Тимофеевича, Петр Петрович, был в 1645 году рындою; в 1646 году — есаулом в большом полку в Белгороде; в 1648—1652 годах стольником, принимал участие в церемониальном поезде при бракосочетании царя Алексея Михайловича с Милославской; в 1659 году — на службе у засек; в 1660 году — дворянин московский, товарищ воеводы в Туле. Умер в 1661 году и погребен в Варсонофьевском девичьем монастыре в Москве. Был женат дважды: первым браком на Пелагее Федоровне Фефилатьевой, а вторым — на Анастасии Афанасьевне Желябужской, сестре окольничего Ивана Афанасьевича Желябужского. Эта последняя была предком нашего поэта, и к ней относятся любопытные сведения в «Дворцовых разрядах»: в 1675 году царю Алексею Михайловичу докладывалось дело «по распросным речам стольника князя Ивана княж Петрова сына Козловского», «будто он, князь Иван, жил с племянницею своею

с двоюродною, с Петровою женою Петрова сына Пушкина, с Настасьею с Афанасьевою дочерью, лет с десять и дольше; и он, князь Иван, великому государю вину свою во всем том принес». Царь указал князя Козловского «отдать за пристава», а А. А. Пушкину — «послать под начал, до своего, великого государя, указу, в монастырь за Иверские ворота Пречистыя Богородицы Страстные к игуменье Домне с подьячим тайных дел, и велено ее игуменье держать под крепким начальством». Сколько времени провела Пушкина в монастыре, — неизвестно. Впоследствии она переписывалась с царевною Прасковьей Ивановной (1694—1731), из чего видно, что прожила она еще очень долго.

Петр Петрович значится в Росписном списке Москвы 1638 года владельцем дома в нынешнем Армянском переулке у Николы Чудотворца, у столпа на церковной земле, в соседстве с Василием Никоновичем Бутурлиным и несколькими иноземцами. Кроме того, по словам П. И. Бартенева, в его руках была выпись и купчая на принадлежавший тому же Петру Петровичу большой двор на Рождественке в приходе церкви Николая Чудотворца, что на Божедомке (позднее «Никола, что в звонарях», на Рождественке, под № 15). Двор этот достался по смерти Петра Петровича вдове

и детям его, в числе которых был другой Петр Петрович (сын).

Этот другой Петр Петрович родился в 1644 году от брака предыдущего Петра Петровича с Желябужской. В 1673—1681 годах он с отличием участвовал в войне с турками и крымцами, за что пожалован был от царей Иоанна и Петра Алексеевичей вотчиной в Галичском уезде. В грамоте от 12 марта 1686 года, которою давалась Пушкину вотчина, сказано, что государи пожаловали его «за многую службу, что он во время войны с салтаном Турским и с ханом Крымским, как они в 181 [т. е. в 1673 г.] приходили сами особами своими, а после того салтан же Турской присылал визиря своего и многих пашей с войсками и хана Крымского с ордами под Малороссийске городы, служил отцу их [Алексею Михайловичу]... и им, царям... будучи в полках с боляры и с воеводы с начала тое войны во вся лета по 189 [т. е. 1681] год». В 1677 году Петр Петрович, будучи стольником, управлял с боярином князем М. А. Голицыным Владимирским судным приказом, а в 1683 году межевал земли в станах Московского уезда. Около этого времени он с родственниками подал роспись своего рода в Разрядный приказ. В этой росписи Пушкины показали своим родоначальником назван-

ного выше выходца «из немец», мужа честна Ратшу. В правление царевны Софии, в 1689 году, Петр Петрович участвовал во втором Крымском походе князя В. В. Голицына, был им прислан оттуда в Москву и упоминается в похвальной грамоте царей князю Голицыну. П. П. Пушкин скончался в Москве 12 февраля 1692 года, всего 48 лет, и погребен был подле отца в Варсонофьевском женском монастыре. Женат он был с 1679—1680 годов на Федосье Юрьевне Есиповой, от которой имел пятерых сыновей и одну дочь. Федосья Юрьевна с 1671 года была больна падучею. Жил Петр Петрович, повидимому, до своей смерти в упомянутом выше отцовском доме на Рождественке. В 1667 году за ним значился еще двор «прошед Горшечный ряд, не доходя Посольского двора».

Петр Петрович был прямым предком нашего поэта по двум линиям. Младший сын Петра Петровича, Федор Петрович, был родным прапрадедом Пушкина со стороны матери. Один из средних сыновей, Александр Петрович, стал прадедом поэта по отцу. Женат Александр Петрович был на Евдокии Ивановне Головиной. Это обстоятельство заставляет нас остановиться на роде Головиных.

3

Если прямые предки поэта по линии Пушкиных ничем особенным не выступали за уровень среднего, заурядного служилого дворянства, особенно в XVI и XVII веках, то, наоборот, Головины из такого уровня несомненно выделялись.

Впервые материалы о Головиных собрал и напечатал в 1847 году П. Казанский. Мы остановимся только на прямых предках нашего поэта, минуя различные боковые линии рода Головиных.

Головины ведут свое начало от выехавшего в Москву из Крыма, в 1391 году, грека, князя Степана Васильевича, по прозвищу Ховра (или Хомра, Комра). По не особенно надежным сведениям, этот грек был владетелем в Крыму городков Судака, Манкупы и Балаклавы; в Москве поступил на службу великого князя и занял здесь видное положение. Но потомки Степана Васильевича князьями уже не писались, исключая разве ближайших первых поколений. В XV и XVI веках они почти постоянно занимали важную должность государева казначея, были, по всей видимости, люди очень богатые. Может быть, сам родоначальник фамилии сумел вывезти из Крыма порядочные средства. Свое высокое положение они удерживают даже в XVI

веке, при Иване Грозном, хотя тоже пострадали при жестком натиске этого царя на родовую знать.

Сын родоначальника, Григорий Степанович Ховрин, построил в 1405 году в Симоновом монастыре каменную соборную церковь во имя Успения пресвятой богородицы, которая была тогда на Москве самою лучшею и большою. С этого времени Симонов монастырь сделался родовым кладбищем Головиных.

Сын предыдущего, Владимир Григорьевич Ховрин, боярин, великокняжеский казначей, построил в 1410 году в московском Крестовоздвиженском монастыре каменную церковь в честь воздвижения креста, а в 1445 году — другую каменную церковь в честь того же воздвижения, на своем дворе, близ Чудова монастыря. Был богатым, знатным и приближенным к великому князю Ивану Васильевичу, любимым и уважаемым им вельможею. Важные лица из великокняжеского рода были его должниками.

Иван Владимирович также был великокняжеским казначеем. В 1509 году отправлен послом к патриарху константинопольскому. Иосиф Волоколамский считал его искуснейшим в божественном писании человеком. Жена — княжна Анна Даниловна Холмская. По смерти жены остаток дней своих Иван Владимирович проводил в Во-

локоламском монастыре под именем схимонаха Ионы. Здесь и скончался.

Петр Ивановчи Головин занимал, как отец его и дед, должность государева казначея. Жена — княжна Марья Васильевна Одоевская. Умер в 1525 году. Все потомки Петра Ивановича носят фамилию Головиных.

Петр Петрович в 1552 году участвовал во взятии Казани. В 1558 году, при походе в Ливонию, был воеводою в сторожевом полку и находился при взятии Дерпта; в 1559 и 1560 годах был воеводою с левой руки и участвовал во взятии Мариенбурга, а также был воеводою в Нарве. В 1562 году был окольничим, как окольничими были его братья, и занимал, вероятно, важное место в русских войсках, потому что правительство любское писало к нему, чтобы он замолвил доброе слово за Ганзу. 4 февраля 1565 года, по повелению Грозного, был казнен вместе с князем Горбатым-Шуйским. Возможно, что казнь сопровождалась конфискацией имущества. По крайней мере, мы не замечаем, чтобы потомки Петра Петровича были богатыми людьми. Женат он был на дочери тверского и полоцкого дворецкого И. Ю. Поджогина-Шигоны, Анне Ивановне, которая погребена вместе с отцом своим в сооруженной ими обители во имя Успения в Старицком уезде, на берегу Волги.

Петр меньший Петрович между 1603 и 1605 годами был воеводою в сторожевом полку на Тереке (на Кавказе). Этот город только что отнят был у Шавкала и сделан крепостью. В 1604 году турки напали в ней на Бутурлина. Головин стоял, дожидаясь приказа итти на помощь. Но приказа не было, и он в бездействии простоял во время гибели русских. Однако вскоре русские опять овладели городом. В 1605 году Головин был здесь воеводою. Можно думать, что во все Смутное время он оставался там. Когда явился в тамошних местах самозванец Илейка, Головин хотел захватить его, но казаки не выдали. В 1612 году правительство отдало Новодевичьему монастырю дворовое место Головина в Кремле, подле Вознесенского монастыря («а на том месте палата, вверху четыре передела, а высподи пять переделов, да два погреба каменные»). После 1613 года Головин приводил в подданство России кумыков и Кабарду; приводил к присяге царю Михаилу Федоровичу казаков и черкесов. Среди Смутного времени на Терек целых десять лет не присылались оклады. Все терпели крайнюю нужду; нечем было платить кабардинскому мурзе Сунгалею. Нуждался Головин и в ратных людях для походу в Кабарду против царских ослушников. В 1618 году пожалован в бояре.

Тогда же ему поручена защита части Москвы (Яузские ворота и от них до Наугольной башни и до Васильевских ворот). В 1620 году был нижегородским воеводою; в 1625 году — астраханским. Умер 14 декабря 1627 года, приняв схиму и с нею имя Павла; погребен в Симоновом монастыре.

Сын предыдущего, Петр Петрович, в начале XVII века был стольником. В 1638 году велено было ему, вместе с Матвеем Глебовым, ехать в Сибирь на Лену, выстроить там город, дабы удобнее собирать ясак с населения, проверить и увеличить сведения о том крае, распространить русское владычество, отыскать места, удобные для хлебопашества, и заселить их. Очень трудная и далекая экспедиция имела большой успех. Но все выгодные результаты портились несогласием воевод. Петр Головин поссорился с своим товарищем Глебовым, обвинял его в измене и в подущении якутов к нападениям, заключил его в тюрьму и с ним до 100 человек. Пользуясь таким раздором, туземцы убивали служилых людей. Слухи об этом дошли до Москвы, и в 1644 году на место Головина назначен был воеводою Василий Пушкин, которому велено было отобрать о всем сведение и освободить Глебова с товарищами из тюрьмы. Впрочем, не видно,

чтобы Головин, по своем возвращении в Москву, был признан виновным. Позднее он подпал под временный гнев царя, но только за свою «гордость», а не по делам сибирским. 30 марта 1651 года государь пожаловал Головина в окольничии, а тот «бил челом, что в его пору [? роду] окольничих нет, а отец де его Петров при Михаиле Федоровиче был в боярах, и государь наложил на него опалу, велел послать его в тюрьму, а окольничество ему не сказано». Через день, 1 апреля, «Петра Головина пожаловал государь, велел из тюрьмы выпустить, и сказка [объявление] ему была на Красном крыльце.., что де государь было тебя страдника пожаловал не по твоей страдничѐской мере честью в окольничии, и ты де государя прогневал, сказал, что де ваши родители в окольничих не бывали, и бояре было приговорили за твою страдничью вину тебя, бив кнутом, сослать в Сибирь, и государь на милость положил, кнутом бить и в Сибирь сослать не велел, а велел тебя написать по Московскому списку, и ни в какой чести тебе у государя не бывать». Но в следующем 1652 году Головин был все-таки пожалован в окольничии, с новым выговором за предшествующий отказ.

Описанный эпизод невольно приводит на память другой, приключившийся с да-

леким потомком Петра Петровича Головина. В 1834 году император Николай I «всемилостивейше пожаловал» прославленного, тридцатипятилетнего и женатого поэта в камер-юнкеры — первый придворный чин, который обыкновенно давался молодым людям аристократического происхождения, либо юным сыновьям заслуженных отцов. Пушкин был оскорблен и раздражен этой новой царской «милостью» и не скрывал своего недовольства. Обидное пожалованье в камер-юнкеры было одним из непосредственных поводов открытого столкновения между поэтом и царем в июле того же 1834 года (попытка Пушкина выйти в отставку и уехать в деревню).

Столкновение это в свою очередь большую роль сыграло в том обострении недовольства Пушкиным и страха перед ним, которое и привело к убийству поэта в январе 1837 года.

В 1642 году Петр Петрович был сделан наместником каширским. Богдан Хмельницкий через Трубецкого, Бутурлина и Петра Головина подал прошение о принятии Малороссии в русское подданство. В этом же году П. П. умер.

Был он человеком верующим, ходил по святым местам.

При первых Романовых Головины хотя

и имели ответственные поручения, но особенно видной роли не играли. В царствование Петра Великого для них наступила самая блистательная эпоха.

Михаил Петрович Головин (прапрапрадед поэта) служил первоначально стольником, потом определен воеводою в Казань (1665). В 1667 году пожалован начальником Земского приказа и окольничим. Участвовал в 1682 году в уничтожении местничества и пожалован в том же году в бояре. Оказал важные услуги правительству царевны Софии во время стрелецко-раскольничьей смуты 1682 года. По известным запискам А. А. Матвеева, после казни Хованских велено ведать Москву боярину Михаилу Петровичу Головину. «Как муж в гражданстве искусный и по кротости своей целомудренный на мятежи те большие, теми он бунтовщиками стрельцами непоколебимо восхотел управлять порученное ему то дело. И к тем обычным их прежним непостовствам и самовольствам не пускал их, несмотря на их страх, и по всей своей возможности подчинил и приводил стрельцов в прежнее и достодолжное их во всем послушание и в надлежащую покорность. Убитых бояр в домах, в тот их стрелецкий бунт расхищенные ими пожитки, по доводам сысканные, назад всем возвращал, и в царскую казну по росписям

отсылал, за которое то свое правосудие и честное правление от всех был почтен. Он разрушил воздвигнутый стрельцами на Красной площади столб с надписью: «что бы никто не смел их называть мятежниками и осуждать дела». Стрельцы, увидя, что уже невозможно было противу зело сильно рожна пратися, тотчас послали выборных своих к святейшему Иоакиму патриарху, с всенижайшею своею покорностью милости просить о высоком покровительстве. И от той поры убийства стрельцов начали утихать». Умер в 1689 году. Брат Михаила Петровича, Алексей Петрович, также был пожалован в бояре.

«Иван Михайлович Головин (прапрадед Пушкина), прозванный Басом, сначала был комнатным стольником Петра Великого, который его очень любил и брал с собою в оба Азовские похода 1695 и 1696 годов. В 1697 году Головин находился в свите большого посольства в числе дворян. В Голландии он учился кораблестроению вместе с государем, а потом был отправлен в Венецию для усовершенствования в этом искусстве, к которому не имел никакого расположенця. Возвратясь из Италии в 1701 году, он должен был вместе с другими товарищами выдержать испытание. На вопрос государя, чему он выучился, он чистосердечно отвечал: «Ничему». — «Да

что ж ты делал?» — «Пил вино, курил табак и играл на басу». Государь не разгневался, а только взял его в свои денщики и прозвал Басом. Другие говорили, что Петр называл его басом на голландском языке, т. е. мастером, в насмешку, что он ничего не смыслит в кораблестроительном деле. Но государь любил его за искренность, простосердечие и верность. На всех пирах тосты всегда начинались здравием деток Головина, т. е. флота. Головин, занимавший три должности: главного адмиральского помощника, надзирателя корабельной верфи и главного корабельного мастера, обязан был первый гвоздь сам вбивать в киль и замазывать его смолою, а за ним делали то же царь и прочие министры. Князь Меншиков отзывался о Головине в 1720 году: «...что дети Ивана Михайловича, недавно родясь, так хорошо начали ходить, как нельзя лучше быть». В 1711 году он неоднократно присутствовал в Сенате, не имея звания сенатора; с 1712 года получил чин генерал-майора; в 1714 году исправлял должность сорваела и участвовал в Гангутском [морском] сражении; в 1721 году начальствовал над галерным флотом; в 1722 — сопутствовал государю в Астрахань. Екатерина I 21 августа 1725 года возложила на него орден Александра Невского и произвела его в гене-

рал-кригскомиссары адмиралтейства, сравнив с чином вице-адмирала. Императрица Анна наименовала его (18 августа 1732 г.) адмиралом от галерного флота и всегда оказывала ему особенное благоволение. О характере Головина можно судить по следующему анекдоту: «в 1711 году понадобился для армии провиант в гораздо большем количестве против прежнего, а как флоты снабжались оным из Петербурга, то государь и повелел сенаторам изыскать удобнейший способ к пополнению недостававшего хлеба, объявив, что сам будет присутствовать по сему предмету в Правительствующем сенате. Желая угодить Петру Великому, князь Меншиков предложил товарищам своим изготовить определение о сборе необходимого провианта с крестьян Новгородской губернии, как смежной с Петербургской, разложа на душу, почем обойдется. Все сенаторы подписали сие определение до прибытия государя, исключая Ивана Михайловича, находившегося тогда в адмиралтействе. Петр Великий послал за ним нарочного и, когда он явился, приказал секретарю снова прочесть изготовленную бумагу. «Куда какие умные головы, слышь ты!» — говорил Головин при каждой почти строке, качая головою; потом взял из рук секретаря определение, разорвал оное и начал писать,

ворча про себя. Столь дерзкий поступок, наведший страх на всех сенаторов, прогневил государя: он вскочил с своих кресел и подбежал к Головину, но спокойствие, начертанное на лице сего достойного сына отечества, обезоружило грозного монарха. Петр остановился за стулом его и к крайнему удивлению прочел следующие строки: «Стыдно и грешно сенаторам возлагать на отягченный и без того народ новое бремя, когда сами они, без большого отягощения, поднять могут оное на себе; и для того настоящую нужду в провианте наполняют они из собственного своего запасного хлеба, который есть у них в Петербурге и в ближних деревнях их. Вследствии сего Иван Головин приемлет на себя поставить десять тысяч четвертей». Написав сие и не обращая взора на государя, Головин отдал мнение свое товарищам, сказав: «Слышь ты, вот какое надобно определение! Подписывайте ж, сколько кто может! а на нас смотря, подпишутся и все знатные». Приведенные в стыд сенаторы не хотели отстать от Головина в пожертвованиях, а князь Меншиков подписал на тридцать тысяч четвертей. Оказанное усердие Иваном Михайловичем приобрело ему благодарность Петра Великого. «Не за что, государь,—отвечал Головин.— Мы все по возможности должны помогать тебе: и ты, чаю, по исправе, ве-

лишь взятое от нас число всем нам, со временем, возвратить».

«Другой анекдот из жизни его не менее также заслуживает внимания по своей оригинальности. Иван Михайлович, по званию денщика, ежедневно находился при государе и ездил с ним по городу. Однажды фельдмаршал граф Шереметев подвергся гневу Петра Великого, получив запрещение выезжать из своего дому. Не имея средств лично оправдаться перед государем, он прибегнул к пособию Головина, который обещал доставить ему сей случай; через несколько дней государь поехал из Кремля в Преображенское в санях, взяв с собою одного только любимого им денщика Ивана Михайловича. Мороз был жестокий, при сильном ветре. Подъезжая к дому фельдмаршала, Головин вдруг притворился больным, схватил себя за живот, вскричал: «Ой! Ой! Ой!», соскочил с саней, просил государя обождать его и побежал в дом Шереметева. Сильная стужа заставила Петра Великого подъехать к воротам и войти в сени, где заслуженный воин ожидал уже своего царя-благодетеля, повергся к стопам его и, проливая слезы, умолял о прощении сими трогательными словами: «...что гнев его величества страшнее ему самой мучительной смерти». Петр, всегда великодушный, забыл вину Шереметева, обнял его. Тогда явился и

Головин. «Кстати приключилась тебе болезнь,— сказал ему государь с веселым видом,— она избавила меня от досады, какую я имел на хозяина». Головин признался в употребленной им хитрости из сострадания к фельдмаршалу; просил в свою очередь прощения у государя. «Счастлив ты,— отвечал ему Петр Великий,— что плутовство твое имело удачу; но берегись вперед шутить надо мною. Жаль мне будет, если тогда не так удачно сойдет тебе с рук, как теперь».—«Я не признался бы вашему величеству в вине моей,— возразил Головин,— ежели б имел намерение поступать вперед подобным образом...» Он скончался в октябре 1738 года.

Ф. Х. Вебер, бывший в 1714—1719 годах при русском дворе брауншвейг-люнебургским резидентом, рассказывает в своих «Записках», что генерал-майор Головин «очень любим царем за то, что во многих случаях доказал ему свою верность и храбрость. Несколько лет тому назад царь послал его в Венецию для изучения кораблестроения и языка; но Головину эти поручения так не нравились, что он прожил целые 4 года в Венеции, не выходя из комнаты, вследствие чего, по возвращении своем, ни слова не мог сказать по-итальянски и не знал самых первоначальных приемов кораблестроения, за что царь, не лишив, впрочем

его своей милости, сделал его, в наказание и в насмешку, главным корабельным надзирателем, придал ему титул князя Баса и велел снять с него портрет, с приложением всех составных частей корабля».

Составить себе вполне отчетливое представление об Иване Михайловиче очень трудно. Повидимому, прежде всего мы имеем в нем ловкого царедворца, который отлично умел приспособляться к высшей степени своенравному царю. Но вместе с тем, у него, очевидно, были хорошие рабочие качества. Иначе трудно было бы объяснить ту привязанность, которую питал Петр I к этому своему любимцу. Зная затем, какое пристрастие имел царь к военному флоту и какое важное значение ему придавал, трудно поверить, чтобы он в течение многих лет возлагал ответственные и важные должности по созданию флота на человека, который не знал тогдашнего кораблестроения и даже нисколько этим не интересовался. Может быть, и тут проявилась известная ловкость Головина, который, вероятно, сам распускал о себе неблагоприятные слухи, чтобы не брать на себя слишком большой ответственности за новое, непривычное и весьма трудное дело. Так или иначе, Ивана Михайловича Головина придется считать в числе главных сподвижников Петра I.

Еще более заметную роль, по крайней мере, в начале царствования, сыграл брат Ивана, Автоном Михайлович. В малолетство царя он был при нем комнатным стольником. Усердно содействовал преобразованию войска. В 1695 году царь наградил его генеральским чином и званием полковника Преображенского полка. В том же году А. М. участвовал в Азовском походе и при взятии важной азовской крепости, в следующем году командовал дивизией. В 1697 году, отправляясь в чужие края, царь велел Головину содействовать кн. Ромодановскому в надзоре за стрельцами и в «розыскных делах». В 1699 году Головин был произведен в генералы-от-инфантерии и сформировал дивизию из восьми пехотных полков и одного драгунского, с которыми, равно как с гвардией, пошел под Нарву. Здесь в известном, неудачном для русских сражении, 19 ноября 1700 года, дивизия Головина, состоявшая из одних рекрут, обратилась в бегство, и только два гвардейские полка устояли. Вследствие переговоров Карл XII согласился дозволить русскому войску удалиться, но не сдержал условия и, пропустив за реку Нарову одну часть, напал на остальную. Головин, бывший уже за рекою, поскакал назад и сделался жертвою своего усердия: его взяли в плен в числе десяти русских генералов и отвезли в Стокгольм, где

он оставался 18 лет. Дважды русские предлагали шведскому королю размен пленных, но тот не соглашался, и только на исходе 1718 года Головин освободился из плена в обмен на шведского командующего графа Рейншильда. По возвращении Петр наградил его Андреевским орденом. В 1720 году Автоном Михайлович умер.

В начале петровского царствования важную роль играл двоюродный брат описанных Головиных, Федор Алексеевич (ум. в 1706 г.), боярин, президент посольских дел и наместник сибирский, один из крупнейших сановников своего времени, генерал-адмирал. Он пользовался особым доверием Петра I, первый в России имел звание генерал-фельдмаршала, первый получил Андреевский орден (в самый день учреждения ордена, 10 марта 1699 г.) и в течение нескольких месяцев был единственным Андреевским кавалером.

Иван Михайлович Головин был женат на Марии Богдановне Глебовой. У них были дети: 1) Александр, адмирал (ум. в 1766 г.), женат на М. И. Новосильцевой; 2) Иван, генерал-майор (ум. в 1754 г.), женат на И. А. Нарышкиной, рожденной княжне Хотетовской (ум. в 1793 г.); Евдокия (прабабка поэта), замужем за Александром Пушкиным; Наталия — за генерал-поручиком кн. К. А. Кантемиром, сыном извест-

ного сатирика; Ольга — за действительным тайным советником Ю. Ю. Трубецким. Таким образом, в описываемое время Головины и по своему родству и свойству принадлежали к рядам высшей служилой и родовой аристократии. Не видать, однако, чтобы они располагали значительными богатствами.

4

Возвращаемся к прадеду поэта, Александру Петровичу Пушкину. Он родился в конце XVII века, между 1686 и 1692 годами. Получил по наследству имения в разных уездах. В 1708 году имел в Сурожском стану Московского уезда деревню Ракову с пустошами. В 1713 году делился наследством с братьями Ильею и Федором. По мнению Модзалевского, А. П. был и сам по себе довольно состоятельным человеком, владея поместьями в Московском, Дмитровском, Коломенском, Рязанском и др. уездах. Но мнение это достаточно не подтверждено. Возможно, что сам по себе Александр Петрович состоятельным помещиком и не был. В ту пору широко практиковались разделы наследств не по целым имениям, а путем дробления каждого имения на части. Поэтому существовало немало поме-

щиков, у которых имения были разбросаны по разным уездам и местам, но всюду по малой части. Брат Александра Петровича, Федор (о нем ниже), имел до женитьбы, повидимому, очень скромное состояние, что заставляет предполагать, что и Александр Петрович не был богатым помещиком. Так или иначе, в 1718 году Александр Петрович, по завещанию своего дальнего родственника, Ивана Ивановича Пушкина, не имевшего, повидимому, прямых потомков, получил все его имения, в том числе какое-то в нижегородском селе Болдине, всего 1330 четвертей. С этого времени он уже несомненно стал крупным помещиком. Александр Петрович уделял много заботливости и внимания Болдинскому имению, стараясь расширить его путем покупок у соседей. Известны такие покупки от 1718 и 1720 годов. В 1718 году А. П. был солдатом лейб-гвардии Преображенского полка, в 1722 — там же каптенармусом. При оценке этих известий следует иметь в виду, что речь идет о самой привилегированной и почетной части тогдашних войск. Однако его служебную карьеру надо признать все-таки довольно скромною, заурядною. Около 1720—1721 годов А. П. женился на Евдокии Ивановне Головиной, дочери описанного выше Ивана Михайловича. Брак оказался несчастливым: в 1725 году Евдокия

Ивановна была убита своим мужем. По семейным преданиям, он в припадке ревности или сумасшествия зарезал жену, находившуюся в родах. Убийца был арестован, но прожил после этого недолго; умер в заточении в том же 1725 году. Напомним, что мать Александра Петровича, Федосья Юрьевна, страдала падучею; следовательно, наследственность ее сыновей могла быть неблагополучною.

У Пушкиных было четверо детей, но двое умерли вскоре после рождения. После смерти родителей остались малолетними Лев (дед поэта) и Марья.

Среди опубликованных исторических материалов по XVIII веку стоит отметить тот факт, что А. П. в 1722 году взял в казне взаймы, под проценты, 800 рублей за поручительством полковника кн. В. Одоевского и стольника Матвея Головина. 25 февраля 1728 года дети Александра Петровича Лев и Марья подали на высочайшее имя следующее прошение: «В прошлом, государь, 1722 г., отец наш лейб-гвардии Преображенского полка каптенармус Александр Петров сын Пушкин взял из рекрутской счетной канцелярии, из процента, денег восемьсот рублей, на которые годы тот процент с означенного 722 года по 725 год и плачен в оную канцелярию сполна, а в 725 году оный отец наш по смертоубийственному делу ма-

тери нашей, а своей жены, указом... ея им. в-ва взят в С.-Петербург к гражданскому суду и умер, а ныне спрашивают на нас оных денег и процент на 726 и на 727 годы, а отец наш при жизни своей деревнишки заложил, которые и ныне в долгу, а в иных долгах своеручные и письма многие давал». Просители ходатайствовали о невзыскании с них, «сирых и бедных», этих денег «для сущего нашего сиротства и малолетства и бедности». Прошение подписано их дедом Головиным. По протоколу Верховного тайного совета от 18 марта 1728 года повелено с Льва и Марьи Пушкиных долга «для их сиротства и скудости» не взыскивать. Такие сведения вызывают недоумение. Клянченье было так распространено в дворянских кругах, что особенной веры жалобам на бедность и скудость и т. п. придавать не приходится. Но, за всем тем, остается несомненным факт займа; повидимому, верно и то, что «деревнишки» были заложены, — трудно допустить, чтобы измышлялись факты, которые слишком легко могли быть проверены. При суждении о состоятельности помещиков того времени не надо упускать из виду, что земля, сколько бы ее не было, богатства не составляла, ибо почти вовсе не ценилась. Ценность представляли крепостные души. Но и эта ценность становилась иллюзорной, если «де-

ревнишки» были заложены. Из залоговых долгов редко удавалось выходить без очень больших жертв. Мы не знаем, для чего Александр Петрович производил займы, закладывал деревни и т. п., — для целей ли потребительных или для лучшего устройства своих имений. Так или иначе, можно считать, как увидим дальше, что у него скопилось около 3000 крепостных душ. О размерах его долгов, залоговых и всяких иных, мы ничего не знаем. Помимо населенных земель и пустошей в разных уездах, он владел в самой Москве обширным двором, который расположен по нынешнему Божедомскому и Первому Самотечному переулкам. Имел и подмосковные усадьбы.

Остановимся несколько на истории знаменитого в творчестве поэта нижегородского села Болдина, числившегося в старину по Арзамасскому уезду, а затем, с образованием Лукояновского уезда, по этому последнему (Лукоянов только с 1779 г. стал уездным городом, а до того был экономическим селом). Уже в начале XVII века деревня Еболдина (так она тогда называлась) находилась, вероятно, только частью в роде Пушкиных, но не прямых предков поэта. Известна «грамота к воеводе и дьяку о наказании крестьян деревни Еболдиной, данной в вотчину Ивану Федоровичу Пушкину, за неповиновение вотчиннику», вы-

званная жалобой этого последнего, что его «крестьяне не слушают». В результате этого обращения власти Смутного времени предписали в 1612 году воеводе: «И ож будет так, как нам Иван Пушкин бил челом, и вы б господа... крестьянам велели слушати во всем Ивана Пушкина, пашню на него пахати и доход вотчинников платить, чем он их изоброчит. А будет которые крестьяне не учнут Ивана Пушкина слушати, а вы б тех крестьян, выбрав лучших человек двух или трех, велели бить кнутьем, а бив кнутьем велели вкинути в тюрьму на неделю, а из тюрьмы выдали их головою Ивану Пушкину... с записьми о том, что им Ивана Пушкина вперед слушати во всем». В 1614 году бездетный И. Ф. Пушкин оказался в плену, позднее был убит «немецкими людьми». В 1619 году, уже при первом Романове, брату И. Ф. Пушкина, Федору Федоровичу Сухоруку жалуется «за московское осадное сиденье» в Болдино 100 четвертей земли (одна четверть позднее приравнивалась полутора десятинам). Следующим владельцем в Болдино является сын предыдущего, Иван Федорович, по прозванию Шиш — стольник, воевода, член Верховного правления в малолетство царей Ивана и Петра Алексеевичей. Он присоединяет к Болдину — в 1681 году путем обмена 40 четвертей, а в 1684 году получает

там же дополнительное пожалование в 200 четвертей. Кроме того, в 1682, 1683 и 1693 годах он присоединяет к своей болдинской вотчине еще 102 четверти. После Ивана Федоровича Шиша во владение его вотчиной вступает его сын Иван Иванович (стольник, капитан), оставшийся холостым или бездетным. От него все его имения перешли по завещанию его дальнему родственнику Александру Петровичу Пушкину. Не следует думать, чтобы поименованным владельцам Болдино принадлежало в полном составе. В ту эпоху это редко случалось даже с мелкими селениями. В порядке наследований оно, вероятно, раздроблялось или, по крайней мере, от него откалывались некоторые части. По некоторым, не особенно надежным сведениям, не вызывающим, впрочем, возражений, уже отец Александра Петровича, Петр Петрович, владел какою-то частью Болдина, вероятно, незначительной, а затем его сын получил там же, по завещанию Ивана Ивановича, еще одну часть, вероятно, довольно значительную. Есть известие, что в наследстве Ивана Ивановича, по всем его имениям, числилось в 1718 году все 1330 четвертей, что составляло, примерно, 2000 десятин пашни. Между тем, к концу XVIII века в одном Болдине состояло 4539 десятин пашни. За почти целый век пашня в Бол-

лине могла возрасти насчет других угодий, но едва ли столь значительно. Поэтому приходится допустить, что Ивану Ивановичу принадлежало не все Болдино целиком, а только более или менее значительная его часть. В дальнейшем же и Александр Петрович и его сын Лев принимали меры к скупке остальных частей, так что у Льва Александровича сосредоточилось, повидимому, уже все болдинское имение. Возможно, что сближение Александра Петровича с его щедрым наследодателем Иваном Ивановичем произошло именно на болдинской почве — оба они были владельцами в этом крупном селении и там или по поводу такого совладения и соседства могли сдружиться.

5

Александр Петрович был прадедом поэта по отцу. Младший брат Александра Петровича, Федор Петрович Пушкин, стал его прапрадедом по матери.

Этот Федор Петрович был сперва стольником, а потом служил в Ростовском пехотном полку поручиком. В 1712 году был уволен в отставку за раною, полученною в Прутском походе. Женился, вероятно, уже в отставке, но после этого прожил

недолго. Умер в 1727 году. Имел имения в Рязанском и Ярославском уездах. Но, в отличие от брата, был помещиком, повидимому, только средней руки. От брака с Ксенией Ивановной Кореневой он имел единственного сына Алексея, ставшего отцом Марии Алексеевны — бабки поэта. Вероятно, Федор Петрович получил за женою в приданое с. Покровское, около г. Липецка, либо Ксения Ивановна получила это село позднее по наследству. Об этом приходится судить по тому, что сын их владел с. Покровским, и называлось оно также Кореневшевой (Ксения Ивановна была из рода Кореневых).

Алексей Федорович Пушкин родился в 1717 году. Остался десяти лет без отца. Повидимому, родители его имели какие-то небольшие связи, судя по тому, что сын начал свою службу пажем при дворе царевны Прасковьи Ивановны (племянницы Петра Великого). Пятнадцати лет был помещен в Шляхетский кадетский корпус, который давал хорошее, по тогдашнему времени, образование. Участвовал в турецких войнах; между прочим, при взятии Очкова (1737 г.) и Хотинских шанцев (1739 г.). В 1742 году женился на Сарре Юрьевне Ржевской. В 1746 году вышел в отставку с чином капитана и после этого жил в своих имениях, между прочим, в с.

Покровском, Кореневшева тож, около Липецка. Был помещиком Переяславского, Ярославского, Воронежского и Лебедянского уездов, но обладал только средним состоянием (350 душ мужского пола). Дочь его Мария Алексеевна получила очень скромное приданое. Поэт говорил, что Алексей Федорович был тамбовским воеводой, но известие это не подтверждено. Умер в 1777 году. Портреты его и жены его сохранились, но, насколько нам известно, не воспроизводились.

У Алексея Федоровича и Сарры Юрьевны было несколько детей: Юрий (1743—1793 гг.), Михаил (1745—1793 гг.), Надежда, Мария (бабка поэта; род. 20 января 1745 г.) и Екатерина.

6

По линии только что названной своей прабабки Сарры Юрьевны Ржевской наш поэт был прямым потомком в тридцать первом колене Рюрика, имел в числе прямых своих предков первых киевских великих князей — Игоря, Святослава, св. Владимира, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха и др. Среди размножившегося и сильно разветвившегося рода Рюриковичей был, между прочим, в XIV веке удельный князь Федор Федорович Ржевский (г. Ржев — в

позднейшей Тверской губернии), который, однако, уже находился на службе великого князя Московского. В 1315 году он был послан в Новгород против тверского князя. Новгородцы выдали Ржевского противнику, который отнял у него Ржевский удел. Вероятно, в связи с этим потомки Федора Федоровича утратили княжеский титул и князьями уже не писались. В дальнейшем Ржевские скатились на положение служилых дворян средней руки. Бабушка поэта, Марья Алексеевна, любила вспоминать старину, и от нее Пушкин в детстве наслышался семейных преданий. Любимый рассказ ее был о дедушке ее Ржевском, к которому езжал Петр Великий. Ржевский был будто бы любимец Петра. Марья Алексеевна рассказывала, как недруги Ржевского подкупили его повара. Однажды государь заехал к нему поужинать. Подали на стол любимый государев блинчатый пирог. По счастью он не захотел его откушать: на другой день увидели в пироге тараканов, к коим Петр чувствовал неодолимое отвращение. В своей повести «Арап Петра Великого» Пушкин знакомит нас с Гаврилою Афанасьевичем Ржевским, который, по его описанию, «происходил из древнего боярского рода, владел огромными имениями, любил соколиную охоту, дворня его была многочисленная; словом, он был коренной

русский барин, по его выражению, не терпел немецкого духа и старался в домашнем быту сохранять обычаи любезной ему старины». Мы не знаем, насколько такая характеристика подходит к кому-либо из исторических Ржевских, и не взята ли эта фамилия только потому, что пришла на память поэту, как принадлежавшая одной линии его предков. По крайней мере, среди современных Петру Великому представителей рода Ржевских не было лиц с именем и отчеством «Гаврилы Афанасьевича». Может быть, вымышленной является и вся приведенная выше характеристика этого Гаврилы Афанасьевича. Повидимому, надежными сведениями о своих предках Ржевских Пушкин не располагал. Среди них были такие, которые с точки зрения родословного тщеславия представлялись более значительными, чем его прямые предки Пушкины. Так, в 1445 году Семен Федорович Ржевский, воевода московских войск, был убит в сражении с литовцами у Суходрова. Ивана-Воина Константиновича Ржевского выдвигали как пример честности и верности слову: он был взят в плен поляками в 1566 году, освобожден ими на честное слово под условием прислать за себя выкуп, пробыл несколько месяцев в России и, не будучи в состоянии заплатить требуемого выкупа (доказательство, что осо-

бенно богатыми Ржевские уже тогда не были), добровольно возвратился в плен. Уже перед самой эпохой Петра Великого прославился родной прапрадед бабушки Марьи Алексеевны, Иван Иванович Ржевский, думный дворянин, потом окольничий. Во время очень тяжелой войны с Турцией он в 1678 году был назначен воеводою в Чигирин как известный своей распорядительностью и умевший ладить с населением. Чигирин был тогда в политическом и стратегическом отношениях очень важным и опасным пунктом. Здесь Ржевский нашел разбитые стены, пустые житницы, мало войска, но много рассказов о беспрестанных татарских набегах. Ржевский быстро организовал оборону города, укрепил его и мужественно отбивался от явившегося 9 июля великого визиря Кара-Мустафы. На выручку осажденным шли московские и гетманские войска. 3 августа, когда Ржевский взошел на стены и обрадовался, увидев приближение русских полков, неприятельская граната поразила воеводу. После Ржевского Чигирин простоял недолго: русские покинули курящиеся развалины этой крепости; турки оттуда тоже ушли.

Сын Ивана Ивановича, Алексей Иванович, был воеводою в Вятке, потом думным дворянином. В 1682 году назначен в Большой приказ и в Большую казну в товари-

щи к боярам Н. И. Одоевскому и В. С. Волынскому. Позднее пожалован в окольничии. Умер в 1704 году. Сын Алексея Ивановича, Юрий Алексеевич, был прапрадедом нашего поэта. О нем достоверных известий немного. Он пользовался расположением Петра Великого и в 20-х годах был нижегородским вице-губернатором. Вместе с нижегородским епископом Питиримом он прославился борьбою с раскольниками, которые подвергались тогда различного рода утеснениями (двойной подушный налог, особый налог на бороды и т. п.). По раскольничьим делам Ржевского вызывали в Петербург. В 1722 году он вместе с Питиримом писал царю о нецелесообразности ссылки раскольников в Сибирь, где иначе могут образоваться сильные и опасные центры раскола. В 20-х же годах против Ржевского было возбужено обычное для тогдашних администраторов дело «в разорении уездных людей и во взятках». Мы не знаем, насколько оно было основательно и чем окончилось. Может быть, и благополучно для Ржевского. Но в 1725—1727 годах Питирим жаловался, что управление раскольниками и сбор с них двойного оклада отошли от него и вице-губернатора Ржевского в общие финансовые и правительственные места, что угрожало ослаблением борьбы с расколом.

О дочери Юрия Алексеевича Сарре мы ничего не знаем, кроме того, что она вышла замуж за Алексея Федоровича Пушкина и имела нескольких детей, из которых Марья стала бабкой поэта.

7

Составляя записку о своих предках, поэт рассказал нам только о Пушкиных и Ганнибалах, даже не упомянув прочих, в том числе Чичериных, откуда происходила его вторая бабка, по отцу, Ольга Васильевна. Она умерла, когда ее внуку было всего три года. В дальнейшем Пушкину о роде Чичериных слышать, кажется, не приходилось. Между тем, он несомненно очень заинтересовался бы и этой линией своих прямых предков, если бы что-либо толкнуло его интересы в эту сторону. Один из них, Дмитрий Иванович, был убит в 1552 году при взятии Казани. Родной прапрадед поэта Иван Андреевич Чичерин вместе с братом и двумя племянниками были убиты в Полтавской битве 1709 года. Вообще фамилия Чичериных сильно пострадала в войнах Петра Великого. Обращает далее на себя внимание, что в числе прямых предков из этого рода трое постриглись в монахи. В монахини пошла и сестра прадеда. Очень

приходится пожалеть, что доселе остается необследованным этот прадед поэта, Василий Иванович Чичерин, отец бабушки Ольги Васильевны — по всей видимости, он был человек незаурядный; имя его мелькает в документах первой половины XVIII века. Сообщаем здесь те краткие сведения, которые пока накоплены в исторической литературе и в известных родословных сборниках.

Василий Иванович родился в 1700 году. Девяти лет потерял отца, павшего в Полтавском бою. Служил офицером в гвардейском Семеновском полку. Принимал участие в разных петербургских событиях 1740-х годов, связанных с борьбой за русский престол среди различных тогдашних претендентов и с борьбой в правительственных верхах за влияние. Напомним, что умершая 17 октября 1740 года императрица Анна Иоанновна оставила преемником престола только что родившегося внука своей сестры, Иоанна Антоновича, а регентом назначила своего фаворита Бирона. Таким образом, российский престол закреплялся за потомством не Петра Великого (дочь Елизавета и сын другой дочери — герцог Гольштинский), а его брата, царя Иоанна Алексеевича. Бирон был мало популярен, и назначение его регентом вызвало крупное недовольство в неко-

торых офицерских кругах, желавших видеть правителями родителей младенца-императора. К этим кругам принадлежал и Василий Иванович Чичерин, тогда капитан Семеновского гвардейского полка. Начались аресты. Когда о них сообщили Чичерину, он ответил: «И нам не миновать». Но пока что дело обошлось для него благополучно. К 9 ноября Миних свергнул Бирона, правительницей стала мать императора, принцесса Анна Леопольдовна, фактическим главою государства оказался Миних. Между тем, поднялась агитация в пользу передачи престола цесаревне Елизавете Петровне, да она и сама, хотя очень осторожно, добивалась этого. Стали — ошибочно — подозревать, что в этом же направлении действовал и Миних. Чичерин стоял на стороне императора и его родителей. Ему, тогда секунд-майору, поручили выслеживать заговорщиков. Между прочим, он получил приказ «выбрать до десяти гренадер с капралом, одеть их в шубы и серые кафтаны и наблюдать: если Миних пойдет со двора не в своем платье, то поймать его и доставить во дворец; если же пойдет к цесаревне [Елизавете], то взять уже на обратном пути от нея».

25 ноября 1741 года Елизавета захватила престол. Началась расправа с противниками. Главные пострадали жестоко, вто-

ростепенные были приговорены к более легким наказаниям. В числе последних оказался и секунд-майор Чичерин. Ему вменили в вину шпионство за Елизаветою. Он был переведен из гвардии в армию. Впрочем, опала над Василием Ивановичем продолжалась недолго. По крайней мере, уже в 1742 году мы видим его в важной тогда провинциальной должности — полковника и полтавского коменданта. Напомним, что в эту пору Украина разделялась, по территории, на полки, и у полковника сосредоточивалась крупная военная, административная и судебная власть, превосходившая власть позднейших губернаторов. Умер Василий Иванович, повидимому, в 1743 году. Был женат на Лукии Васильевне Приклонской. От нее имел одиннадцать детей, но семеро из них, в том числе все пять сыновей, умерли в младенчестве, так что со смертью Василия Ивановича эта линия Чичериных прекратилась. Да из дочерей его вышла замуж только одна Ольга Васильевна. Василий Иванович был, повидимому, нижегородским помещиком, но едва ли крупным. Владения его были разбросаны в разных местах и по большей части небольшими долями. Так, в 1737 году он купил в Нижегородском уезде, в деревне Ушаковой, около 30 десятин за 20 рублей. Вероятнее всего, подобной при-

купкой — они были тогда довольно часты — он имел в виду округлить уже имевшееся там у него владение. Может быть, именно здесь, на нижегородской почве, состоялось сближение Пушкиных с Чичериными, завершившееся женитьбой Льва Александровича Пушкина на Ольге Васильевне Чичериной.

Чичерины ведут свое происхождение от выехавшего в Россию в XV веке итальянца. Сведения об отдельных представителях рода Чичериных см. в примечаниях.

8

По имеющимся о роде Приклонских очень кратким сведениям (см. примечания) приходится отнести его представителей к служилым дворянам средней руки, ничем особенным не выдававшимся. Прапрадед поэта по этой линии, Василий Иванович Приклонский, стольник, бригадир, потом полковник, умер в 1726 году. Он владел имениями в разных селениях и пустошах Нижегородской губернии. Уже его предки имели тесные связи с Нижним Новгородом и частью числились здесь городовыми дворянами. Но в этих же краях были помещиками и Чичерины. Вероятно, сближение Приклонских с Чичериными состоя-

лось также на нижегородской почве. Дочь Василия Ивановича Приклонского, Лукия (Лукерья), вышла замуж за Василия Ивановича Чичерина.

Среди опубликованных недавно бумаг имеется крепость от 1703 года на покупку Вас. Ив. Приклонским небольшого участка в деревне Жестелевой в пять четвертей за 50 рублей. В конце XVIII века эта деревня значится за бабкой поэта О. В. Чичериной, но вместе с девятью совладельцами; всего в деревне 225 душ обоего пола с 624 десятинами земли. В 1722 году он же закрепил за собою, за неуплаченный долг в 50 рублей, небольшие доли своих родственников в деревне Выползовой и пустоши Мамонтовой. Деревня эта и пустошь в конце XVIII века принадлежали той же О. В. Чичериной, в количестве 708 и 161 десятины.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статья Б. Л. Модзалевского «Род Пушкина» помещена впервые в т. I венгеровского издания сочинений Пушкина (1907) и с небольшими поправками перепечатана в посмертной книге Модзалевского «Пушкин», 1929. Составленная М. В. Муравьевым родословная Пушкиных впервые напечатана в изданном в 1899 году под редакцией П. И. Гнедича, Д. Л. Мордовцева и К. К. Случевского юбилейном «Пушкинском сборнике». В 1932 году Академией наук СССР издана книжка Б. Л. Модзалевского и М. В. Муравьева «Пушкины. Родословная роспись». Общая характеристика ее в тексте.

Авторы имели в виду дать материал не о всех предках Пушкина, а только о лицах, носивших фамилию Пушкиных, о всех потомках некоего отдаленного Григория Пушки. Однако и с этой стороны новая книжка оставляет желать многого. Сопоставляя ее, например, с упомянутой статьей того же Модзалевского, мы обнаруживаем, что некоторые сведения той статьи не попали в новую родословную роспись; есть и много несходного, несовпадающего. И читатель остается в полном недоумении, как к этим несовпадениям отнестись. Одно из требований научной академической работы — точное определение отношений к предшествующим работам на ту же тему. Полное несоблюдение этого требования в настоящем случае при-

водит к тому, что при расхождении сведений мы не знаем, на какие из них можно положиться, не знаем даже, имел ли новый автор прежние сведения в виду, опущены ли они по недосмотру или как сведения неверные и т. д. Отсутствие нужных разъяснений или примечаний в подобных случаях тем более прискорбно, что авторы зачастую не указывают источника, откуда те или иные сообщения ими взяты, и весьма нередко указание источника делается таким суммарным образом, что остается неизвестным, какой именно состав сообщений названным источником покрывается. Положение ухудшается тем, что работа написана или напечатана далеко не с тою тщательностью и аккуратностью, которая от подобных работ справочного характера требуется. Случается, что сообщенные сведения вовсе не покрываются тем источником, на который сделана ссылка, либо, расходясь без объяснения оснований с ранее опубликованными известиями, представляются явно несообразными. И случаев таких немало. См. ниже по поводу Льва Александровича Пушкина и его сыновей.

Некоторые документы по истории предков Пушкина оказались в рукописном архиве, оставшемся после смерти поэта. О них рассказал П. Попов в сборнике «Звенья» 1934 г., № 3—4 и в Летописях Литературного музея, т. I, 1936, где опубликована та оставшаяся часть этих бумаг, которую удалось купить в 1933 году у внука поэта, Г. А. Пушкина.

2. Б. Л. Модзалевский в своей статье в венгеровском изд. Пушкина назвал вторую жену П. П. Пушкина Анастасией Афанасьевной Козловской и приурочил к ней изложенную в тексте историю. Перепечатывая очерк Модзалевского в его посмертной книге, редакторы указали на ошибку автора в обозначении девичьей фамилии второй жены Петра Петровича, но не отметили

вполне отчетливо, относится ли изложенная история кн. Козловского к рожд. Желябужской, т. е. ко второй жене П. П. Пушкина, или к рожд. княжне Козловской, которая не была женою Петра Петровича. По тексту приходится склониться, с неполной уверенностью, к первому предположению. Так именно изображено в книжке Модзалевского и Муравьева «Пушкины. Родословная роспись».

В Родословной росписи Модзалевского и Муравьева древнейшие прямые предки поэта по отцовской линии изображены поколенно так:

I. Ратша, прибыл «из немец» (роспись, поданная Пушкиными в Разряд в 1687 г. и Бархатная книга 1787 г.) в Новгород (П. В. Долгоруков, Российская родословная книга).

II. Якун Ратшич (Роспись и Бархатная книга).

III. Олекса Якунович (там же).

IV. Гаврило Олексич, витязь; прославился в Невской битве 15 июля 1240 г. (1 Новгор. летоп.); убит в 1241 г. не старым (Роспись и Бархатная книга).

V. Иван Гаврилович Морхиня (там же).

VI. Александр Иванович (там же); в 1340 г. воевода войск вел. кн., на помощь Рязанскому князю посланных (Спиридов М. Г., Сокращенное описание служб благородных российских дворян, СПБ, 1810).

VII. Григорий Александрович Пушка; родоначальник Пушкиных (Роспись и Бархатная книга).

VIII. Константин Григорьевич (там же).

IX. Гаврила Константинович (там же); в 1461 послухом на купчей в Москве (Н. В. Калачев, Писцовые книги, 1877, II, 338).

X. Иван Гаврилович (Роспись и Бархатная книга).

XI. Михаил Иванович (там же), в 1537 дмитровский помещик (Зап. Арх. Общест. в. 1—2, стр. 15).

XII. Семен Михайлович (Роспись и Бархатная

Книга); государев писец на Вологде (Чтения в Общ. ист. и древн. росс., 1912, 202).

XIII Тимофей Семенович (Роспись и Бархатная книга); в 1598 третий голова в Чернигове (Барсуков. Род Шереметевых, II, 50); в 1598 голова в Крымском походе; в 1605 второй полковой воевода в Рязани (Спиридов); в 1618 воевода в Цивильске (Моск. арх. мин. юст).

XIV. Петр Тимофеевич Черной (Роспись и Бархатная книга; Родословец С. О. Зюзина в собр. гр. А. С. Уварова № 206, № 148), Толстой (рукоп. Акад. наук 1, 5, 47); в 1610 жилец; в 1619 дворянин московский (Моск. арх. м. ю.); в 1624 воевода сторожевого полка в Пронске (Лобанов—Ростовский. Русская родосл. книга 1, 329); объезжий голова в Москве (Газенвинкель К. Б., Книги разрядные, Казань, 1912); в 1625—1628 воевода в Тюмени; ум. в 1633 (Моск. арх. м. ю.). В 1615 «за московское очищение и за рану» придано 200 четв. и 10 р. (там же); за ним в Галичском и Московском уу. поместий 232 четв. с 10 дворами и вотчин 640 четв. с 41 дворами (там ж.). Жена с 1619 Елена Григорьевна Сунбулова, дочь Григория Никитича. За ней д. Мокеево Рязанского у. 170 четв. (там же).

XV. Петр Петрович (Роспись и Бархатная книга); в 1645 рында; в 1646 есаул в большом полку в Белгороде; в 1652 стольник; в 1659 на службе у засек; в 1660 дворянин московский, товарищ воеводы в Туле (Акты Моск. государства, III); за чигиринскую службу дано в вотчину 113 четв. (Моск. арх. м. ю.); ум. в 1661 (там же), погребен под галлереей собора Вознесения в Варсанофьевском девичьем монастыре в Москве (Р. Арх., 1895, III, 411). За ним в Рязанском у. поместья 140 четв. и вотчины 727 четв. — с. Мокеево (Моск. арх. м. ю.). Жена 1) Пелагея Федоровна Феофилатьева; 2) Анастасия Афанасьевна Желябужская, ум. после 1680 (дочь Афанасия Григорье-

вича (Моск. арх. м. ю.); в 1675, по указу царя, отдана «под крепкое начальство» (Дв. Разр. III 1401—1402, 1416—1417; Р. Стар. XIV, 188) (кн. Лобанов-Ростовский ее ошибочно считал княж. Козловской).

XVI. Петр Петрович (от 2-го брака) (Роспись и Бархатная книга), род. в 1644, ум. 12 фев. 1692, погребен под галлереей собора Вознесения в Москве (Р. Арх. 1875, III, 411); в 1671 стряпчий; в 1677 стольник, с боярином кн. М. А. Голицыным управлял Владимирским судным приказом (Справочник коллегии иностр. дел); в 1673 участвовал в войне с турками, а в 1681 с крымцами, за что 1686 жалован вотчиною 196 четв. в Галичском у.; в 1682 выборный в Земском соборе об уничтожении местничества. За ним в Коломенском у. с-цо Давыдово, Дмитровского у. с-цо Синее, Московского у. д. Ракова, Арзамасского у. с. Болдино, Рязанского у. с. Мокеево (Моск. арх. м. ю.). Жена с 1680 Федосья Юрьевна Еспова; за нею в Рязанском у. 36 четв.; с 1671 больна падучею (там же; Столбцы Моск. стола, 504, 238).

З. П. Казанский «Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского». Москва, 1847. По этой книге прямая линия от родоначальника Головиных к нашему Пушкину идет, по поколениям, следующим образом:

1. Князь Степан Васильевич, по прозвищу Ховра, или Хомра, Комра, выехал из Крыма в службу московского великого князя в 1391 г.

2. Григорий Степанович Ховрин; есть известия, относящиеся к 1405 г.

3. Владимир Григорьевич Ховрин (1440, 1445).

4. Иван Владимирович Голова (1509).

5. Петр Иванович Головин, ум. в 1525.

6. Петр Петрович Головин, ум. 4 февраля 1565.

7. Петр меньший Петрович, ум. 14 декабря 1627.

8. Петр Петрович, ум. в 1654.

9. Михаил Петрович, ум. в 1689.
10. Иван Михайлович, ум. в 1738.
11. Евдокия Ивановна, замужем за прадедом поэта Александром Петровичем Пушкиным.

Далее идет род Пушкиных. Приведенные выше и в тексте сведения взяты частью из «Российской родословной книги» П. Долгорукова, ч. III, 1856. Перевод записок Ф. Х. Вебера в «Русск. Арх.», 1872, стр. 1625.

4. В родословной росписи Модзалевского и Муравьева (см. выше) об Александре Петровиче Пушкине следующие сведения: род. после 1686, ум. в 1725; в 1718 солдат л. гв. Преображенского полка; в 1722 сержант, каптенармус (Моск. Арх. мин. юст.); в 1708 за ним д. Ракова, Московского у.; в 1713 делился с братьями (Моск. арх. мин. юст.); по духовной Ивана Ивановича Пушкина от 8 марта 1718 справлены за Александром Петровичем, как за двоюродным племянником наследодателя, Болдино и др. имения, всего 1330 четв. В 1718 и 1720 А. П. скупал смежные с Болдиным земли (Арх. б. Нижегор. уч. арх. ком.). Жена — Евдокия Ивановна Головина (дочь генерал-кригс-комиссара Ивана Михайловича и жены его Марии Богдановны Глебовой); зарезана мужем во время родов в 1725 г. (Сочинения Пушкина; Сб. имп. русс. ист. общ., т. 79). У А. П—ча дети: Лев (17.3—1790), Мария старшая (ум. в 1728), Давыд (ум. малолетн.) и Мария младшая (род. в 1725; с 1741 замужем за капитаном А. М. Ушаковым).

Дело детей А. П. Пушкина о сложении с них отцовского долга см. в Сбор. Русск. истор. общества, т. 79.

Большое владение А. П. Пушкина в Москве расположено по нынешнему Божедомскому пер., дома №№ 11, 13, 15 и по Первому Самотечному пер. под. №№ 1/15 и 2/16.

5 В упомянутой родословной росписи о Федоре Петровиче Пушкине следующее: ум. в 1727;

в 1711 поручик Ростовского пехотного полка; в 1712 отпущен из полка за раною, полученною в Прутском походе (Попов. История 2-го гренад. Ростовск. полка); в 1722 за ним в Рязанском у. 89 душ, в том числе в с. Мокееве 41 душа (Моск. арх. мин. юст.). Жена Ксения Ивановна Коренева, жива в 1758 (дочь Ивана Михайловича и жены его Марии Ивановны NN).

Об Алексее Федоровиче Пушкине там же: род. в 1717, ум. в 1777; в 1730 паж при дворе царевны Прасковьи Ивановны; в 1732 кадет сухопутного Шляхетского кадетского корпуса; в 1736 прапорщик Тверского драгунского полка; в 1739 полковой квартермистр; участвовал во взятии Очакова и Хотина и «во всех Турских кампаниях и акциях»; в 1746 капитан в отставке. Помещик Переяславского, Ярославского, Воронежского и Лебедянского уездов; за ним 350 душ мужск. п. (Моск. арх. мин. юст.). Жена с 1742 Сарра Юрьевна Ржевская, дочь коломенского помещика Юрия Алексеевича; жива в 1778 г. Их портреты в Пушкинском доме.

6. По «Российской родословной книге» П. Долгорукова, ч. I и 4, 1855—1857, линия предков Пушкина со стороны Ржевских представлена в следующем виде. В потомстве Рюрика и первых великих князей Киевских, его преемников, был в девятом колене князь Смоленский Ростислав-Михаил Мстиславович (ум. в 1166), ставший родоначальником князей Вяземских, Смоленских и Ярославских. Дальнейшая родословная по прямой линии к нашему Пушкину:

10. Кн. Давыд Ростиславович Смоленский (ум. в 1197).

11. Кн. Константин Давыдович.

12. Кн. Юрий Константинович Фоминский и Березуйский.

13. Кн. Константин Юрьевич Фоминский и Березуйский.

14. Кн. Федор меньший Константинович Фоминский и Березуйский.

15. Кн. Федор Федорович Ржевский, ставший родоначальником дворян Ржевских. О нѣм см. в тексте.

16. Федор Федорович Ржевский.

17. Федор Федорович Ржевский.

18. Семен Федорович Ржевский (ум. в 1445); о нем см. в тексте.

19. Гавриил Семенович.

20. Василий Гаврилович.

21. Константин Васильевич.

22. Иван Воин Константинович, в XVI в. О нем в тексте.

23. Иван Иванович.

24. Иван Иванович.

25. Иван Иванович (ум. в 1678); о нем в тексте.

26. Алексей Иванович, ум. 11 апреля 1704 г

27. Юрий Алексеевич; о нем в тексте.

28. Сарра Юрьевна Ржевская, прабабка поэта, замужем за Алексеем Федоровичем Пушкиным

29. Марья Алексеевна Пушкина, замужем за Осипом Абрамовичем Ганнибалом.

30. Надежда Осиповна Ганнибал, замужем за Сергеем Львовичем Пушкиным.

31. Александр Сергеевич Пушкин.

Приведенная родословная в некоторых частях едва ли особенно точна. Некоторые сведения об Ю. А. Ржевском см. в Истории России Соловьева, т. 16 сл.

7. Родословная Чичериных приведена в «Родословном Сборнике русских дворянских фамилий» В. В. Руммеля и В. В. Голубцова в следующем виде:

I. Афанасий Чичери, выехал из Италии в свите Софии Палеолог в Москву в 1472.

II. Иван Афанасьевич Чичерин.

III. Иван Иванович, овдовел, постригся с именем Ионы в Перемышльском Шаровкине монастыре; в схиме Иоанн.

IV. Иван Иванович.

V. Дмитрий Иванович, козловский сын боярский, ум. 20 октября 1552, убит при взятии Казани.

VI. Петр Дмитриевич, голова в Монастырске (1598).

VII. Григорий Петрович, объезжий голова в Москве (1619 и 1632—1633); воевода в Одоеве (1620), в Лихвине (1621), в Новосили (1625—1631) и Галиче (1634), ум. 7 января 1635. Жена Марфа Яковлевна (в схиме Мария, ум. 23 января 1666).

VIII. Андрей Григорьевич меньшой, стряпчий (1650—1676); жалован поместьями (1669, 1684); постригся с именем Авраамия в 1697; в схиме Андрей, ум. 92-х лет. Жена Ирина Федоровна Домогацкая.

IX. Иван Андреевич, стольник (1686—1792) и майор, ум. 27 июня 1709, убит под Полтавой. Жена Юлиана Андреевна Челюсткина.

X. Василий Иванович, л. гв. Семеновского полка капитан, пострадал при розысках Бирона (1740); пожалован в секунд-майоры л.-гв. Семеновского полка (4 апреля 1741); замешан в деле гр. Остермана и гр. Головкина и переведен в армию премьер-майором (22 января 1742); полковник (25 апреля 1742) и полтавский комендант; род. 17 марта 1700, ум. 14 января 1793. Жена Лукия Васильевна Приклонская, ум. 28 февраля 1765.

У него пять сыновей, умерших во младенчестве, так что на Василии Ивановиче описываемая мужская линия Чичериных прекратилась, и шесть дочерей: Анна Васильевна, род. 22 февраля 1730, ум. дев. Мария Васильевна большая, ум. дев. Ольга Васильевна, род. 5 июня 1737, ум. в октябре 1802, за Львом Александровичем Пушкиным, дедом поэта. Варвара Васильевна большая, род. в 1738, ум. дев. Мария Васильевна меньшая, род. 15 октября 1739, ум. дев. Варвара Васильевна меньшая, род. 31 июля 1743, ум. дев.

7. С датой смерти В. П. Чичерина происходит какое-то недоразумение. Б. Л. Модзалевский в венгеровском Пушкине, т. I, стр. 6, указывает 1743 г., не называя источника. Та же дата напечатана и в его посмертной книге «Пушкин», стр. 31. В родословной росписи Модзалевского и Муравьева указан 1793 г., тоже без обозначения источника. Эта дата взята, вероятно, из сборника родословий Руммеля и Голубцова. Но так как в этом последнем сборнике сообщены разные события из жизни Василия Ивановича, кончая 1712 г., то 1793 г., в качестве даты смерти, мы склонны считать опечаткой. Эту опечатку повторяет П. Попов (Летоп. Литер. м., 224), хотя сам же приводит документ (стр. 247), из которого видно, что жена Вас. П—ча уже в 1763 г. была вдовою. Некоторые сведения о В. П. Чичерине см. у Соловьева, История России, т. 21.

8. В «Русской Родословной книге» кн. А. Б. Лобанова-Ростовского (2-е изд., 1895) сообщены о роде Приклонских следующие сведения:

I. Михаил Васильевич Приклонский.

II. Василий Михайлович Шага. В 1506 вел. кн. Василий Иоаннович пожаловал ему с братом Колупаем село Чмутово.

III. Степан Васильевич Шагин-Приклонский, нижегородский городовой дворянин (1569).

IV. Герасим Степанович Мирослав, нижегородский сын боярский; дворянин московский (1611), за московское осадное сиденье пожалован вотчиной (1615).

V. Василий Герасимович Богдан (в схиме Вассиан), нижегородский городовой дворянин (1622); дворянин московский (1640); воевода на Терках (1629). Жена Ксения Григорьевна Чирикова. Брат Василия, Лука, также принял схиму.

VI. Иван Богданович Приклонский, стряпчий (1647); стольник (1659). Жена Наталья Степановна Радилова.

VII. Василий Иванович, стольник, затем бригадир, ум. 1 мая 1726. Жена Ульяна Юрьевна Еспнова (ум. 12 февраля 1740). Сыновей у них не было. Названного Вас. Ив. надо отличать от другого Вас. Ив. Приклонского, полковника, жившего около того же времени.

VIII. Анна Васильевна (1699—1759) за д. с. с. кн. Алексеем Андреевичем Оболенским (1684—1760).

IX. Лукерья Васильевна — прабабка поэту, род. 28 февраля 1705 г.; за полковником Вас. Ив. Чичериным, полтавским комендантом (род. 17 марта 1700, ум. 14 января 1793).

Позднейшие Приклонские относятся к другим линиям.

III

ДЕДЫ И БАБКИ ПОЭТА

1

Дед поэта со стороны отца, Лев Александрович Пушкин, родился в 1723 году. Еще в младенческие годы он вместе с сестрой Марьей остался круглым сиротою. Их отец в 1725 году, в припадке ревности или сумасшествия, убил свою жену, был за это арестован и умер в том же 1725 году. Над малолетними и их наследственным имуществом была, очевидно, учреждена опека. Повидимому, Лев Александрович особенно значительного образования не получил. Возможно даже, что с малых лет его воспитывали не дома, а отдали в артиллерийскую школу. Об этом приходится предполагать потому, что впоследствии Лев Александрович служил в артиллерии. Во всяком случае воспитание его и его сестры не могло стоить многого.

Во время их детства и ранней юности отцовские имения могли отдохнуть от помещичьих трат и освободиться от долгов. Могли образоваться даже порядочные накопления. Это, повидимому, и случилось. В 1741 году Лев Александрович разделился с сестрой, причем получил болдинское имение и крупную усадьбу в Москве.

Будучи с детства записан в лейб-гвардии Семеновский полк, он в 1739 году определен был капралом в артиллерию, где и служил в дальнейшем. Особенной карьеры он не сделал. В каких-либо войнах, повидимому, не участвовал. В 1762 году, во время переворота, остался верен Петру III и не хотел присягать Екатерине II, за что был посажен в крепость, где «содержался два года». Сообщение об этом заключении, идущее от нашего поэта, отвергается, как увидим дальше, его отцом, по словам которого Лев Александрович находился некоторое время под домашним арестом и в это время пользовался свободой. Так или иначе, в сентябре 1763 года Лев Александрович вышел в отставку подполковником и после этого уже никогда в службу не вступал.

Дед поэта был женат дважды. Первым браком, около 1739 года, т. е. шестнадцати лет, на М. М. Воейковой, от которой имел трех сыновей — Николая (род.

в 1745, впоследствии артиллерии полковник), Петра (род. в 1751, впоследствии вышел в отставку артиллерии подполковником) и Александра (род. в 1757, был в 1785 капитаном). После смерти первой жены Лев Александрович женился вторично, вероятно, в 1763 году, на Ольге Васильевне Чичериной, от которой имел четырех детей: Василия (род. в 1767), Анну (род. в 1769), Сергея (род. в 1770; это — отец поэта) и Елизавету (род. в 1776). Умер дед поэта в Москве в 1790 году. Лев Александрович был богатым помещиком, имел более 3000 душ крестьян. Основу его богатства составляли в Нижегородской губернии село Болдино и деревня Тимашева, Кистенево тож, которая впоследствии стала именьем нашего поэта. Были у Льва Александровича и другие имения. В Москве, как указывалось выше, он владел обширной усадьбой по Божедомскому и Самотечному переулкам, а также некоторыми другими городскими и подгородными участками. Кроме того, имел подмосковные, деревню Ракову и сельцо Синево, Семеновское тож, которые принадлежали его деду и отцу. Лев Александрович не растрачивал имений подобно своим потомкам, а напротив приумножал свое состояние. Известен ряд произведенных им покупок.

«Дед мой,— рассказывает поэт в «Родо-

словной»,— был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды он велел ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на-сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постель, всю разряженную, в бриллиантах. Все это я знаю довольно темно. Отец мой никогда не говорил о странностях деда, а старые слуги давно перемерли». В том же 1830 году, когда Пушкин написал «Родословную», он в одном из писем к невесте из Болдина говорит: «Мой ангел, только одна ваша любовь препятствует мне повеситься на воротах моего печального замка (на этих воротах, скажу в скобках, мой дед некогда повесил француза, un outchitel, аббата Николь, которым был недоволен)».

Биографы поэта обычно приводят эти рассказы Пушкина, увлекаясь намерением

констатировать ненормальность брачных отношений у предков поэта как некоторую общую их черту. При этом упускается из вида, что сам поэт характеризует свои рассказы как «довольно темные» со стороны их достоверности. Поэт при жизни «Родословной» с сообщениями о «странностях» деда не печатал. Но статья была опубликована после его смерти в 1840 году и тогда же вызвала решительный протест со стороны отца поэта, Сергея Львовича. Последний заподозрил, что поэт в сообщениях о деде попал в руки злонамеренного осведомителя. Сергей Львович рассказывает: «Отец мой никогда не был жесток... Он был любим, уважаем, почитаем даже теми, которые знали его по одному слуху. Он был примерный господин для своих людей, оплакиваем ими, как детьми; многие из вольных, по тогдашнему обычаю, пожелали быть его крепостными. Взаимная любовь его и покойной матери моей была примерная. Никто не помнил и не слыхал ни о малейшем отступлении от верности, от должного уважения друг к другу во все продолжение их нежного 30-летнего союза. Как мой отец принудить мог насильственным образом мать мою ехать с ним на обед в последние часы ее беременности... он, который, отъехав из Москвы в свою подмосковную на несколько

дней, воротился с дороги, чувствуя себя не в состоянии перенести краткой разлуки.

«История о французе и первой жене отца моего увеличена. Отец мой никогда не вешал никого, не содержался в крепости 2-х лет: он находился некоторое время под домашним арестом — это правда, но пользовался свободой. В поступке его с французом участвовал родной брат жены его, А. М. Воейков: сколько я знаю, это ограничилось телесным наказанием — и то я не выдаю за точную истину. Знаю, что отец мой, и в счастливом супружестве своем с моею матерью, с нежностью вспоминал о первой жене своей (на которой он женился 16 лет). Дети ее, большие мои братья, любили и почитали мать мою, как свою родную, и после кончины отца моего не предпринимали ничего без ее согласия. Отец мой никогда не жил в деревнях своих, как сказано в отрывке: он отъезжал летом месяца на два в подмосковную — прочее время жил всегда в Москве открытым домом. Я помню, что не было дня, в который не съезжались бы к нам родные и знакомые, все уважающие моего родителя. Слово его было закон, и честность в сохранении своих обязанностей главною чертою его характера. Часто он созывал бедных на сытный обед, после ко-

торого оделял их деньгами,— и я теперь еще с умилением вспоминаю, как толпа нищих тянулась по обширному двору нашего дома с молитвою о его долголетии. Благочестие его, покорность к воле всевышнего, набожность без суеверия и предрассудков привлекли к нему почетное духовенство того времени, известное своим просвещением и святою жизнью. Преосвященный Платон, московский митрополит, пожелал непременно при погребении его служить обедню и похоронил прах его в самой церкви Донского монастыря пред алтарем.

«Рассказ о смерти на соломе в домашней тюрьме первой жены отца моего не заслуживает даже опровержения. Кто не знает, что в XVIII столетии таковые тюрьмы не могли существовать в России и в Москве. Правительство потерпело бы такое ужасное злоупотребление силы и власти? Родные ее не прибегнули ли бы под защиту законов? После такого жестокого поступка сохранили ли бы они родственную, дружескую связь с отцом моим? Я с самого младенчества помню ее брата Александра Матвеевича Воейкова, родного зятя ее Сергея Ивановича Грушецкого, родных ее племянников Жеребцовских. Все они так часто были у отца моего; не пропускали по тогдашнему обычаю ни одного

праздника, чтобы не приехать к нему с поздравлением как к старшему в семействе. Сообразно ли это с сказанным в отрывке? Я помню, что Владимир Сергеевич Грушецкий, сын С. И., скончавшийся только прошлого года сенатором в Петербурге, всякое воскресенье, с 9 ч. утра, в гвардейском унтер-офицерском мундире, был уже у отца моего. Он напоминал мне пред самою почти кончиною, как часто он носил меня на руках...»

Опровержению Сергея Львовича можно было бы и не очень верить. Он не был в числе людей, которые любят выносить сор из избы. Он был тщеславен, и его можно заподозрить в сантиментальности, в склонности все вставлять в рамки условного благоприличия. Не все его доводы убедительны. Но Б. Л. Модзалевскому удалось найти формуляр Л. А. Пушкина, где значится, что он «за непорядочные побои находящегося у него на службе венецианина Харлампия Меркадия был под следствием, но по именному указу повелено его, Пушкина, из монаршей милости простить». Эти-то «непорядочные побои» и послужили, вероятно, материалом для создания легенды о жестокой расправе Пушкина с учителем. Приходится опасаться, не преувеличены ли также и рассказы о других его «странностях». Сообщение Сергея

Львовича о том, что Лев Александрович никогда не живал в Болдине, едва ли верно для времени его первого брака с Воейковой, но довольно правдоподобно для тех лет, когда Лев Александрович был женат на Чичериной. Это крупное имение хотя и составляло основу богатства Льва Александровича, но едва ли было привлекательным для жилья. Окружающая местность — довольно унылая; господский дом был деревянный, без сада; церковь — тоже деревянная. Все это мало подходило к крупному барину, каким был Лев Александрович.

К освещению семейных отношений в его доме следует присоединить еще следующие факты, на которые доселе биографы Пушкина не обращали внимания. В 1796—1797 годах служившим вместе в Петербурге братьям Василию и Сергею Львовичам пришлось разлучиться. Первый уехал в Москву, а второй еще остался в Петербурге. Василий Львович утешает брата по поводу этой разлуки в особом послании, где, между прочим, в самых радужных красках вспоминает прежнюю жизнь с ним в родной семье:

Ты помнишь, как бывало,
Текли часы для нас?
Природой восхищаясь,
Гуляли мы с тобой;

Или полезным чтеньем
Свой просвещали ум;
Или творцу вселенной
На лирах пели гимн...
Поэзия святая!
Мы с самых юных лет
Тобою занимались;
Ты услаждала нас...
Или в семействе нашем,
Где царствует любовь,
Играли мы как дети
В невинности сердец...

Едва ли нарисованная в этом послании несколько сантиментальная картинка вылилась бы из-под пера Василия Львовича, если бы братья выросли в семье «пылкого и жестокого» деспота-самодура.

2

Нам предстоит теперь разобраться в оставленном Львом Александровичем наследстве. К сожалению, сведения, которыми мы до сих пор располагаем, и неполны и противоречивы. Сведения о том, что у Льва Александровича было «более трех тысяч душ», идут от Сергея Львовича, так как помещены в словаре Бантыш-Каменского. Последний сам говорит, что писал со слов отца поэта. Ко времени смерти Льва Александровича (1790 г.) у него было в живых во всяком случае два стар-

ших сына от первого брака (третий, Александр, к этому времени, может быть, уже умер), два сына и две дочери от второго брака и его вторая жена Ольга Васильевна. Н. О. Лернер сообщает, что 6 сентября 1795 года Сергей Львович с матерью и братом Василием получили с. Болдино с 2114 душ обоего пола. Откуда взяты эти сведения, Лернер не указывает. Возможно, что они почерпнуты из каких-нибудь неизданных материалов или исследований. П. Е. Щеголев указывает, что по официальным «экономическим примечаниям», составленным в 1798 году, Болдино находилось в это время во владении Ольги Васильевны, урожденной Чичериной, и ее четырех детей: Василья, Сергея, Анны и Елизаветы. При этом в Болдине числилось, по пятой ревизии, бывшей в 1794 году, 1044 мужск. и 1095 женск. душ и сверх того в деревне Ново-Успенской, Малая Болдина тож, 292 мужск. и 290 женск. душ, а всего 2721 душа обоего пола. Неподалеку от Болдина, но уже в Сергачском уезде, было другое имение Льва Александровича — Кистенево, Тимашево тож. В конце XVIII века оно принадлежало сыновьям Льва Александровича от первого брака — Петру и Николаю. В их общем владении было 457 мужск. и 436 женск. душ, а всего 893 души. Были у Льва Александровича и еще некоторые имения в

разных местах, небольшие по количеству крестьян. Эти имения не могут существенно изменить нижеприведенные расчеты. Всего в оставшемся после него наследстве можно считать немногим больше 3600 душ.

По тогдашним законам распределить их надлежало так: вдове — $^1/_7$ часть, т. е. 516 душ; двум дочерям — по $^1/_{14}$ части, а всего 516 душ. Остальное следовало разделить между четырьмя сыновьями, на каждого из которых пришлось бы по 642 души. Между тем, оба сына от первого брака получили вместе, как мы видели, только 893 души. Отсюда приходится думать, что раздел наследства произведен не по закону, а по завещанию Льва Александровича, который не проявил справедливости к детям от обоих браков, наделил детей от второго брака большими долями, чем сыновей от первой жены, Воейковой, что во всяком случае не свидетельствует о дружных и справедливых отношениях в семье. И в смысле естественных своих богатств Кистенево было значительно беднее и скуднее Болдина. Предположение о неравном отношении Льва Александровича к детям построено у нас на довольно зыбких основаниях, поскольку мы не знаем, что получили или ожидали получить сыновья от своих матерей. Может быть, Лев Александрович учинил справедливое

распределение своего родового имения, учтя эти наследства. Может быть, наше предположение вообще стало бы иным, если бы мы лучше знали все, что относится до состава наследства и способов его раздела. Но наше предположение о неравном отношении Льва Александровича к детям разных браков подтверждается до некоторой степени двумя обстоятельствами. Во-первых, раздел наследства произошел только в 1795 году, т. е. через 5 лет после смерти Льва Александровича. Такая медленность может быть объяснена и тем, что раздел не проходил гладко и мирно. Во-вторых, в биографии поэта встречается немало его родственников, в том числе и обе его тетки. А дядя Василий Львович занимает в ней видную роль. Но старшие дяди в биографии Пушкина даже и не мелькают. Получается впечатление, что никаких связей и отношений между ними и их младшими братьями и сестрами не было. Между тем, Николай и Петр Львовичи остались бездетными и, следовательно, знали, что их имения, по их смерти, перейдут в семьи младших братьев от мачехи, что и случилось. Знали это и наши Пушкины. Например, от Петра Львовича, умершего в 1825 году, его сельцо Кистенево перешло в конце концов к нашему поэту. Сергей Львович рассказывал о друж-

ных отношениях с старшими братьями, но рассказывал тогда, когда их уже давно на свете не было. Сергею Львовичу не пристало набрасывать какую-нибудь тень на отношения со старшими братьями, которые умерли и оставили ему в наследство свои имения.

Характерно еще следующее обстоятельство: со слов Анненкова и Павлищева установилось мнение, что Сергей Львович терпеть не мог деревни и в Болдине никогда не был. Это верно, но далеко не в абсолютном смысле. Сергей Львович помногу и подолгу живал в деревнях, особенно в Михайловском, живал потому, что у его жены, Надежды Осиповны, вовсе не было отвращения к деревенской жизни. Она вообще не любила подолгу заживаться на одном месте, но в деревне бывала и там живать любила. И тем не менее, Надежда Осиповна ни разу не бывала в самом крупном имении Пушкиных — Болдине, а Сергей Львович поехал туда впервые только в 1825 году. Чем было вызвано такое резкое различие в отношениях Пушкиных к обоим своим имениям — нижегородскому Болдину и псковскому Михайловскому, хотя по своему хозяйственному весу первое имело значительно большее значение, чем второе? В числе различных причин, вероятно, не последнюю роль играло то об-

стоятельство, что недалеко от Болдина жил в Кистеневе в отставке единокровный старший брат Сергея Львовича — Петр Львович. Приезд в Болдино потребовал бы установления с ним близких отношений или афиширования раздора, если таковой был. Повидимому, то и другое мало улыбалось Пушкиным. Сергей Львович очень ценил родственные отношения и деятельно поддерживал их. Но не видно, чтобы эту черту он распространял на Петра и Николая Львовичей. Когда в 1821 году последний умер бездетным, то свое имение оставил не всем своим братьям, как бы это можно ожидать при дружественных отношениях, а только Петру Львовичу. Последний умер 15 мая 1825 года тоже бездетным, и тогда Кистенево как родовое имение должно было уже по закону перейти Василию и Сергею Львовичам. И только в сентябре 1825 года, после смерти всех единокровных братьев, Сергей Львович съездил в Болдино впервые.

3

Как указано выше, основное богатство Льва Александровича составляло нижегородское село Болдино. В печати подробные сведения о последнем впервые сообщил

П. Е. Щеголев, взяв их из так называемых «экономических примечаний», составленных, по его словам, в 1798 году по случаю перераспределения уездов; число их сокращалось. Надо, однако, заметить, что эти «экономические примечания» составлялись не по поводу перераспределения уездов, а по случаю генерального межевания, которое было предпринято по всей империи по законам 1765 и 1766 годов. По Болдинской даче это межевание произведено в 1785 году. При перераспределении уездов новые экономические примечания не составлялись, а перегруппировался только имевшийся, ранее собранный материал.

По названным примечаниям в с. Болдине и деревне Ново-Успенской, Малая Болдина тож, состояло душ обоего пола (по 5-й ревизии 1794 г.) всего, как мы видели, 2721 душа. Земли числилось: пашни — 4539 десятин, покосу — 544, лесу строевого и дровяного — 1964, под усадьбой — 162, неудобной — 92. «Расположено Болдино при реке Азанке на правой стороне. Церковь деревянная во имя Успения божьей матери. Господский дом — деревянный, сада нет. При доме дворовые люди ткут холсты и полотна для господского обихода. Торг бывает еженедельно по воскресеньям, приезжают крестьяне из окрестных сел, торгуют солью и другими мелочными то-

варами. В селе казенный питейный дом. На речке Азанке — сажень ширины и четверть сажени глубины в жаркое время — запружен пруд и при нем состоит речная мельница о двух поставах, действие имеет в весь год, которая мелет для крестьянского обихода; в речке рыба: щуки, окуни, язи, плотва. Жители довольствуются речной водой, которая для употребления людям и скоту здорова. Земля грунт имеет серо-глинистый, лучше родится рожь, овес, греча, горох и полба, а прочие семена средственны. Сенные покосы против других мест средственны. Лес строевой и дровяной: березовый, липовый, осиновый, ольховый и пивовый который для поташа не способен; в нем звери: волки, лисицы, зайцы, горностаи; птицы: тетерева, рябчики, скворцы, чижи, щеглы, соловьи. Крестьяне — на оброке, а некоторые на изделии, часть земли запахивают на господ, а остальную — на себя, к чему они и радетельны. Женщины, сверх полевой работы, упражняются в рукоделии, прядут лен, посконь и шерсть, ткут холсты и сукна для собственного употребления и на продажу».

По разделу 1795 года из Болдинской дачи львиную долю, свыше 2000 душ, получили Ольга Васильевна и Василий и Сергей Львовичи. По тогдашнему масштабу имение Пушкиных надо считать крупным, во вся-

ком случае выше среднего. Но большим минусом в нем было то, что оно опять оказалось в общем владении трех лиц, т. е. трех хозяев. Подобные имения только при том условии могли иметь налаженное хозяйство, если хотя бы один из сонаследников имел способность к хозяйственной работе и желание ею заняться. В семье Пушкиных таких лиц не было. Во всяком случае ими не были ни Сергей Львович, ни его старший брат Василий Львович, да и Ольга Васильевна едва ли была расчетливой хозяйкой. Вероятно поэтому, после многих лет неудачного, беспечного и разорительного хозяйствованья братья порешили разделиться. Но случилось это только в 1817 году. К этому времени Ольга Васильевна уже умерла (в 1802 г.), и доля ее перешла к сыновьям, так как дочери были уже отделены.

Любопытно, что, несмотря на свою безалаберность, Пушкины в самом конце XVIII века строили в Болдине на место деревянной церкви каменную. Возможно, что они исполняли этим завещательное распоряжение отца.

Обширное городское владение Льва Александровича в Москве, по Божедомскому и Самотечному переулкам, перешло в долю Ольги Васильевны и ее детей. В 1798 году наследники продали это владение Нелидову.

После продажи Ольга Васильевна покупает в том же году другой дом в приходе Харитония, что в Огородной слободе (ныне вблизи Чистых Прудов, дом № 7, по Малому Харитоньевскому переулку, рядом с бывшим церковным двором). Владение остается в течение 10 лет в семье Пушкиных, сперва как собственность Ольги Васильевны, а затем, после ее смерти в 1802 году, как общее владение четырех ее детей, в том числе и отца поэта.

4

Приходится очень пожалеть, что мы имеем мало прямых указаний, характеризующих бабку поэта Ольгу Васильевну Чичерину (род. в 1737 г.). Она еще застала своего ставшего знаменитым внука, но умерла в 1802 году, так что Пушкин ее едва ли помнил, и на сознательное, по крайней мере, детство поэта влияния она иметь не могла. Тем не менее есть некоторое основание думать, что в истории предков поэта ей должно быть отведено заметное место.

До нас дошли портреты ее сыновей, отца и дяди поэта. Портреты обнаруживают физиономическое сходство братьев — длинный, узкий, слегка горбатый нос, общий

склад лица скорее романского, чем славянского типа, что дало повод Д. Н. Анучину вспомнить далекого предка Ольги Васильевны — выходца из Италии. Несколько сходны были братья и по своему характеру и темпераменту. Оба отличались неустойчивой психикой, подвижным настроением, общею подвижностью и даже непоседливостью. Оба были на-редкость не приспособлены к практической жизни и, обладая очень порядочными средствами, зачастую ставили себя в тяжелые материальные условия. Они не растрачивали наследственных ресурсов на карты, кутежи, женщин, на какие-либо прихоти, но нередко бедствовали исключительно потому, что были очень плохие хозяева. Ни службой или карьерой, ни помещичьим хозяйством, ни каким-либо другим практическим делом они нисколько не интересовались и решительно никакого вкуса ко всему этому не имели. Весь свой обильный досуг они отдавали светской жизни в тех кругах, в которых вращались. Оба отличались исключительной общительностью. У обоих были живые литературные интересы, оба писали стихи, русские и французские, а старший Василий даже печатался и стал известным второстепенным или третьестепенным поэтом и временами принимал деятельное участие в тогдашних литературных делах. Сергей

Львович отлично знал французскую литературу, умел мастерски декламировать Мольера. Оба любили острословие, были мастерами на устройство домашних спектаклей и других светских и домашних развлечений. Наконец, оба по особенностям своего чрезмерно подвижного темперамента были несколько смешны. Над Василием Львовичем много потешались его многочисленные приятели и часто его мистифицировали, так что в этом отношении он приобрел, пожалуй, большую известность, чем своими литературными заслугами. И Сергей Львович часто бывал смешон своею чрезмерною импульсивностью, вспыльчивостью по пустякам, ни для кого не опасною, внезапными и частыми сменами настроения по ничтожным поводам, некоторою вычурностью своих манер и всей повадки, своей чрезмерно оживленной жестикуляцией.

У нас нет портретов сестер Пушкиных, Анны и Елизаветы, и известно о них очень мало. Но по всей видимости они походили на братьев. Анна Львовна была приветлива и общительна. На ее обеды сходились друзья-литераторы. И. И. Дмитриев, очень известный и авторитетный тогда поэт и сенатор, за нее сватался. Поэт называл свою тетушку «резвушкой», «вертушкой», что свидетельствует, повидимому, об общей

фамильной черте — чрезмерной подвижности. Разделяла тетушка и другую фамильную черту — она была несколько смешна; над ней посмеивались. Смешна была, кажется, и Елизавета Львовна, вышедшая замуж за человека богатого, интеллигентного и светского. Имела склонность к слезливой чувствительности, чем отличался в преклонных годах и Сергей Львович.

Если дети Ольги Васильевны обнаруживают, таким образом, общие черты, то есть некоторое основание отнести эти фамильные черты на ее счет, а не мужа, Л. А. Пушкина. У последнего были еще сыновья от первого брака. Они заметно отличаются от своих единокровных братьев и сестер от мачехи. Василий и Сергей Львовичи не были людьми большого таланта. Но в ту пору, когда они жили, самые умеренные данные уже выделяли людей над общим уровнем. Над таким уровнем Василий и Сергей Львовичи несомненно выделялись. Между тем, старшие их единокровные братья, рожденные от М. М. Воейковой, остались совершенно неприметными и ничем не отличались от заурядной массы среднего помещичьего слоя. Николай и Петр Львовичи долго служили в военной службе, никаких особенных подвигов не совершили, дослужились, если не до крупных, то до порядочных чинов под-

полковника и полковника, ни в военной службе, ни в сфере светской жизни никакой известности не приобрели, своих имений не приумножили, но их и не разорили и не расстроили. Отсюда напрашивается предположение, что Василий и Сергей больше походили на свою мать, Чичерину, чем на отца — Пушкина. Это предположение можно подкрепить еще одним аргументом, хотя несколько странного порядка. Над Василием и Сергеем Львовичами и их сестрами многие посмеивались, находя их несколько смешными. Над своими дядей и тетками охотно потешался сам поэт. А мать его, рожденная Ганнибал, в свое время посмеивалась над свекровью и ее родней. Племянник поэта по сестре, Л. Н. Павлищев, рассказывает, что Надежда Осиповна изощряла свое остроумие насчет родственниц мужа — Чичериных, прозвала одну горбушкой, другую крикушкой, третью дурнушкой, находила их смешными и отпускала на их счет ядовитые шутки. Таким образом, два поколения испытали в некоторых отношениях одну судьбу — оба были несколько комичны и возбуждали смешливость: и старшее поколение — родственники Ольги Васильевны Чичериной, вероятно, ее сестры, и младшее поколение — дети Ольги Васильевны, Пушкины. А это несколько подкрепляет наше предположение, что

младшее поколение восприняло некоторые черты старшего, что ближайшие к поэту Пушкины пошли больше в Чичериных, чем в Пушкиных.

Есть основание предполагать, что наш поэт был больше похож на бабушку Ольгу Васильевну, чем на деда Льва Александровича. Конечно, мы далеки от мысли приплутывать сюда родоначальника рода Чичериных — выехавшего в Россию в XV веке итальянца!

Повидимому, на свою семью Ольга Васильевна оказала и заметное культурное влияние. Старшие сыновья Льва Александровича от первого брака получили заурядное дворянское образование, как оно сложилось в результате эпохи Петра I,—они обучались в довольно элементарной артиллерийской школе. Сыновья же Льва Александровича от Ольги Васильевны получили блестящее по тому времени французское светское образование через гувернеров. Кому приписать эту резкую перемену? Отец остался тот же, но мать была другая. При подобных условиях естественно приписать блестящее образование младших сыновей попечению и воздействиям Ольги Васильевны. И это станет понятным, если вспомним, что отец ее, Василий Иванович Чичерин, молодость свою провел в Петербурге, вращался в высших кругах и был,

по всем видимостям, человеком незауряд-ным. . . . . .

В новейшее время Л. А. Виноградов сде-лал попытку изобразить О. В. во вдовстве гордой и напыщенной старухой, которая крепко держала в руках своих сыновей и впоследствии была в натянутых отноше-ниях с Сергеем Львовичем за его выход в отставку и женитьбу на бесприданнице и дочери сомнительного арапа с репута-цией двоеженца. Но для такого изобра-жения бабки нашего поэта нет абсолютно никакой опоры в источниках. Пушкин, ко-торый в своей статье выпукло изобразил деда, сделал бы, вероятно, то же самое и относительно Ольги Васильевны, если она бы была сколько-нибудь властной, яркой фигурой. Между тем, поэт изображает свою бабку только как покорную жертву мужни-на самодурства. Отметим еще, что Ольга Васильевна вышла замуж не в ранней мо-лодости, а около 26 лет, притом за вдовца, хотя и богатого, но у которого первый брак счастливым во всяком случае не был. Ее сестры и вовсе остались девицами. Есть известие, что у Ольги Васильевны было 476 душ крепостных, но неизвестно, к ка-кому времени это владение относится. У нее были имения в различных местах Нижего-родской губернии, полученные в наслед-ство по линиям Чичериных и Приклон-

ских. Кажется все эти имения, по разделу 1795 года, достались дочери ее Анне Львовне с отказом ее от участия в Болдинской даче.

Как указывалось выше, все братья Ольги Васильевны и некоторые ее сестры умерли в младенчестве или малолетстве. Из прочих сестер ни одна не вышла замуж. Из них в биографии Пушкина встречается Варвара Васильевна (род. в 1742 г.), престарелая девица, помещица средней руки. Повидимому, она жила в Москве и имела связи с семьей Сергея Львовича. Когда нашего Пушкина, двенадцати лет, отвозили из Москвы в Петербург для определения в Царскосельский лицей, то эта бабушка Варвара Васильевна вместе с тетушкой Анной Львовной подарили нашему герою сто рублей. Но отвозивший его в Петербург дядя, легкомысленный Василий Львович, занял у племянника по дороге эти сто рублей да так и позабыл отдать. Вот, кажется, и все, что известно нам о Варваре Васильевне. Были в Москве еще какие-то родственницы Ольги Васильевны, над которыми ее невестка изощряла свое остроумие, но и о них нам ничего неизвестно.

5

Собравши, таким образом, весь материал, касающийся деда поэта по отцу, мы можем представить себе Льва Александровича Пушкина следующим образом: этот подполковник в отставке был крупный, богатый помещик; повидимому, хороший хозяин. Он жил по-барски в Москве, летом в подмосковной, и сумел внушить к себе большое уважение — хоронил его сам митрополит. Л. А. жил открыто и был известен своим гостеприимством. Сыновья от первой жены получили скромное, шаблонное образование, служили на военной службе и не отличались от обычных средних служилых дворян. Младшим сыновьям от второго брака, Василию и Сергею, дается блестящее домашнее французское воспитание, вероятно, под влиянием второй жены, Ольги Васильевны. Каков был Лев Александрович в брачных отношениях? С этой стороны давняя литературная традиция дает и ему отрицательную оценку. Но второй брак его был долгий и благополучный. По крайней мере, мы не имеем надежных данных, чтобы думать иначе. Относительно первого брака уместны сомнения. Но насчет которого из супругов их надо отнести? Достоверно известно только то, что первая жена Льва Александровича про-

жила недолго, а все три сына ее умерли бездетными.

У Льва Александровича, как мы видели, была сестра Марья, которая, таким образом, приходилась бабкой поэту. Но в биографии Пушкина это имя совсем не встречается. Никаких связей Марьи Александровны с нашими Пушкиными установить не удается. Повидимому, их вовсе не было. Известно, что в 1746 году Марья Александровна состояла замужем за премьер-майором Шлиссельбургского пехотного полка Алексеем Михайловичем Ушаковым.

Порядочное состояние, которое Лев Александрович оставил в наследство своим детям, должно было раздробиться, раз этих детей было несколько. Но старшие сыновья Льва Александровича от первого брака умерли бездетными, а потому их доли перешли в конце концов к младшим сыновьям, к дяде и отцу поэта. Так что в конечном итоге, главным образом, этим двоим достались имения отца. Но оба они, особенно Василий Львович, отличались такой исключительной бесхозяйственностью, что привели имения в значительное расстройство, а частью их и вовсе потеряли. Но нельзя упускать из виду, что на протяжении веков прямые предки поэта по линии Пушкиных были, повидимому, только помещиками средней руки. Крупными помещи-

ками они стали поздно и по обстоятельствам совершенно случайного порядка. Во-первых, прадед поэта, Александр Петрович, получил в 1718 году крупное наследство после бездетного далекого бокового родича. Во-вторых, дед Лев Александрович остался в 1725 году двухлетним сиротою. За долгое время опеки его наследственные имения должны были освободиться от долгов и от помещичьих трат, т. е. материально укрепиться и умножиться. Крупные имения прадеда и деда были, таким образом, не традицией пушкинского рода, а случайным исключением из этой традиции. Исключение это, как видим, не укоренилось и не положило прочного начала крупно-помещичьему укладу.

6

Обращаемся к дедам Пушкина со стороны матери, Ганнибалам. Особое внимание здесь должен привлечь, конечно, прямой дед поэта, Осип Абрамович Ганнибал, и его жена — Марья Алексеевна, рожденная Пушкина. Но пристального внимания заслуживают и остальные деды Ганнибалы по ряду причин. Во-первых, они в том или ином виде и объеме входят в биографию нашего поэта. Во-вторых, если в нашем

поэте, в его облике, наблюдались абиссинские черты, хотя в сильно ослабленном виде, то представляет интерес проследить, каковы были вообще потомки родоначальника фамилии Ганнибалов, Абрама Петровича. Далее, широко распространенное мнение, будто неблагополучие в семейных отношениях составляет особенность предков Пушкина вообще, обязывает нас подробно вглядеться в эти отношения у Ганнибалов. Но особенно важно представить себе весь тот социально-бытовой уклад, в который вошел наш поэт как близкий потомок Ганнибалов.

От Христины Матвеевны Абрам Петрович имел 11 детей, но двое из них, повидимому, умерли в детстве, так как никаких сведений о них не сохранилось.

Большую карьеру сделал старший сын, Иван Абрамович. Он родился в начале 30-х годах XVIII века; зачислен на службу в 1744 году; был цейхмейстером морской артиллерии (1769 г.), комендантом Наварина, за взятие которого и за участие в знаменитом Чесменском бою получил орден Георгия 3-ьей степени (1770 г.); был генерал-майором (1772 г.), генерал-цейхмейстером морской артиллерии (1776 г.), главным командиром строения крепости Херсона (1778 г.), где ему впоследствии был воздвигнут памятник, и генерал-поручиком

(1779 г.). Уволен от службы 22 февраля 1784 года, имея ордена Александра Невского, Владимира 1-й степени и Анны. Умер холостым в 1801 году. После отца Иван Абрамович наследовал под Петербургом мызу Суйду с деревнями.

Он был умнее и образованнее своих братьев. Кроме того, и по своему темпераменту, характеру и рассудительности отличался от них в выгодную сторону. Так, он старался образумить своего беспутного брата Осипа Абрамовича (деда поэта), принял участие в покинутой последним жене, существенно помог ей. В его физическом типе проявились абиссинские черты. Мы имеем три портрета Ивана Абрамовича. На одном, кисти Боровиковского, в Гатчинском дворце, цвет лица не шоколадный, не негритянский, но и не белый, а весьма смуглый, желтоватый. Волосы черные, закручивающиеся на концах. Лоб выпуклый. Глаза большие, черные, блестящие. Нос средний, несколько приплюснутый и немного загнутый на конце. Лицо округленное, с заметно выступающими вперед челюстями. Губы толстоватые. Подбородок округленный, не выдающийся. На другом миниатюрном портрете, принадлежавшем Л. Н. Павлищеву, волосы и глаза сходны, но загнутость носа представлена явственнее и склад лица несколько иной. Третий

портрет (принадлежал семье Перфильевых) не выказывает характерных черт мулатов, с их резко курчавыми волосами, широким носом, толстыми губами и т. д., но все же свидетельствует о присутствии эфиопских, абиссинских черт.

Об Иване Абрамовиче Пушкин рассказывал следующее: «Старший сын [Абрама Петровича], Иван Абрамович, столь же достоин замечания, как и его отец. Он пошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился и, ползая на коленях, выпросил отцовское прощение. Под Чесмою он распоряжал брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух. В 1770 году взял Наварин; в 1779 выстроил Херсон. Его постановления доныне уважаются в полуденном краю России, где в 1821 году видел я стариков, живо еще хранивших его память. Он поссорился с Потемкиным. Государыня оправдала Ганнибала и надела на него александровскую ленту; но он оставил службу и с тех пор жил по большей части в Суйде, уважаемый всеми замечательными людьми славного века, между прочим — Суворовым, который при нем оставлял свои проказы и которого принимал он, не завешивая зеркал и не наблюдая никаких тому подобных церемоний». Сообщения эти, как относящиеся ко времени, более близкому

к Пушкину, чем его рассказы о прадеде, более достоверны, хотя некоторые из них все-таки возбуждают сомнения.

7

Следующим за Иваном сыном абиссинца был Петр. Ему посвящена большая работа Н. А. Белозерской «Один из дедов Пушкина», 1899 г., дополненная и исправленная А. С. Ганнибал (1911 г.). Он тоже сыграл некоторую роль в истории пушкинской семьи. Поэт лично знал этого своего деда в его глубокой старости.

Петр Абрамович родился 1742 году в Ревеле. Служил по артиллерии. В 1768 году получил чин капитана, в 1770 году—майора, в 1775 — подполковника и оберкригскомиссара, в 1781 — полковника и в 1783 — генерал-майора. В 1774—1796 годах был псковским губернским предводителем дворянства. Есть известие, что Петр Абрамович ездил в 1800 году за границу, неизвестно только куда, с какой целью и на сколько времени. Можно предполагать, что, имея матерью немку и проведя детство в Прибалтийском крае, Петр Абрамович владел немецким языком, может быть, даже лучше, чем русским.

Семейная история Петра Абрамовича не

обошлась без приключений, хотя и лишена драматических эффектов. Он женился в 1777 году на Ольге Григорьевне, дочери коллежского советника Г. Г. фон-Даненштерн, от которой получил в приданое небольшие имения в Казанской и Саратовской губерниях. Но, повидимому, супруги не имели друг к другу особенной привязанности и, проживши вместе девять лет, разошлись. Об этом расскажем дальше.

По разделу с братьями Петр Абрамович получил в Софийском уезде (около Петербурга) мызу Елицы, в которой и поселился при выходе в отставку. Разойдясь с женой, он водворился в другом, псковском своем имении, в сельце Петровско́м, в нескольких верстах от с. Михайловского. Пушкин еще виделся с ним в 1817 г., когда по окончании лицея отправился побывать в Михайловское, к родным. Петру Абрамовичу было тогда уже 75 лет. Виделся и позднее.

В сохранившемся отрывке уничтоженных записок поэта, написанном 19 ноября 1824 года, имеются такие строки о посещении им своего деда в Петровском: «...попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести; я не поморщился и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз пять или шесть до обеда. При-

несли... кушанье. Поставили...» Анненков рассказывает: «Забавно, что водка, которою старый арап потчевал тогда нашего поэта, была собственного изделия хозяина: оттуда и удовольствие его при виде, как молодой родственник умел оценить ее и как развязно с нею справлялся. Генерал-от-артиллерии, по свидетельству слуги его, Михаила Ивановича Калашникова, которого мы еще знали, занимался на покое перегоном водок и настоек и занимался без устали, со страстью. Молодой крепостной человек был его помощником в этом деле, но, кроме того, имел еще и другую должность. Обученный чрез посредство какого-то немца искусству разыгрывать русские песенки и плясовые мотивы на гуслях, он погружал вечером старого арапа в слезы или приводил в азарт своей музыкой, а днем помогал ему возводить настойки в известный градус крепости, причем раз они сожгли свою дестилляцию, вздумав делать в ней нововведения по проекту самого Петра Абрамовича. Слуга поплатился за чужой неудачный опыт собственной спиной, да и вообще, прибавлял почтенный старик Михаил Иванович, когда бывали сердиты Ганнибалы, все без исключения, то людей у них выносили на простынях. Смысл этого крепостного термина достаточно понятен и без комментариев». За-

метим, что Михаил Иванович Калашников, рассказами которого воспользовался Анненков, источник довольно мутный, как мы уже об этом говорили. Рассказ о самогонных упражнениях Петра Абрамовича находит некоторое подкрепление в записях самого поэта. Сообщение об особой жестокости всех, без исключения, Ганнибалов ничем не подтверждается, из чего, конечно, не следует, чтобы это сообщение было непременно неверно.

Заметим, что, по рассказам Л. Н. Павлищева, старик будто бы уже в эту пору впадал в такую забывчивость, что не помнил своих близких, забывал даже своего сына. Когда Пушкин попал в 1824 году в ссылку в с. Михайловское, старик был еще жив. Внук, как видим, навещал своего деда, интересуясь им как обломком родной старины, и пытался извлечь из него сведения о сильно интересовавшем его абиссинском родоначальнике и вообще о прошлом рода Ганнибалов. По крайней мере, в письме 11 августа 1825 года Пушкин пишет своей соседке по имению П. А. Осиповой: «Я рассчитываю еще проведать моего старого негра-дедушку, который, как я предполагаю, на этих днях умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, относящиеся до моего прадеда». Таким образом, вероятнее всего,

Петр Абрамович умер около 1825 года; точная дата его смерти остается неизвестной.

У Петра Абрамовича были две дочери, Христина и Александра, вышедшие замуж, и сын Вениамин (род. ок. 1778 г.).

Петр Абрамович, повидимому, резче всего воспринял африканские черты. Дочь няни поэта, Марья Федоровна, вспоминая о нем, говорила, что он был «совсем арап», «совсем черный», что, вероятно, означало очень смуглый цвет кожи, курчавые волосы и толстоватые губы. По предположению Анучина, Петр Абрамович отличался «чувственностью». Основание к такому предположению дала статья Н. А. Белозерской. Но надо сказать, что подобное предположение можно вывести только из общего тона этой статьи, а не из сообщаемых ею фактов и документов,

Нам неизвестно, где Петр Абрамович получил свое воспитание и образование. Возможно, что, как будущий артиллерист, он обучался в той артиллерийской школе, которая была учреждена в 1735 году для обучения дворян и офицерских детей. Но в ту пору дело было поставлено в этой школе неудовлетворительно, и если Петр Абрамович и обучался в ней, то многому обучиться не мог. Возможно, что образование его ограничилось обычным уровнем до-

машнего воспитания, получавшегося большинством тогдашних средних дворян. Специальную же артиллерийскую подготовку он мог получить и от отца. В литературе укоренилось представление, что Петр Абрамович был человек малокультурный и малообразованный, но под это представление не подводится достаточно прочного основания. При этом мы, конечно, должны сбросить со счета рассказы о Петре Абрамовиче того возраста, когда он впал в старческую дряхлость. Анненков как «печальный образчик тех познаний в русской грамоте и той способности к логическому мышлению», какими обладал Ганнибал, приводит листок записок, который Петр Абрамович уступил своему внуку и который впоследствии оказался в бумагах последнего. Вот этот листок, в котором мы заменяем только букву «ять» буквой «е» и опускаем твердый знак, сохраняя во всем остальном орфографию и слог подлинника: «Отец мой служил в российской службе происходил во оной чинами и удостоился Генералом аншефского чина орденов святыи Анны и Александра Невского, был негер, отец его был знатного происхождения то есть владетельным князем и взят вомонаты отец мой константинопольского двора из оного выкраден и отослан к государю Петру Первому, детей после себя оставил

Ивана — Генерал поручика — Петра артиллерии полковника — Иосифа морской артиллерии второго ранга капитана — Исаака — морской артиллерии 3 ранга капитана; дочерей Елизавету, которая была за Пушкиным вдовою, Анну, коя была за Генерал Майором Нееловым, Софья за Роткирхом. Братья сестры и зятья волею Божею все вроди и чада помре; остался я один, я и старший в роде Ганнбалов; теперь начну писать о собственном рождении, происходящим в чинах и приключениях. Родился я в 1742 году июля 21 число по полуночи в городе Ревеле где отец мой в оном городе был Обер-Комендантом; воспремники были за очно вечно достойна Императрица Елизавет Петровна достойной памяти с Петром Третьим — вто же время пожаловано отцу моему 500 Псковской Губернии». Здесь записка обрывается.

Степень грамотности и манера мышления автора записки как будто никаких комментариев не требует. Но есть обстоятельства, которые заставляют усомниться в пригодности ее для доказательства степени интеллигентности Петра Абрамовича. Когда записка написана? С одной стороны, автор именует себя здесь полковником — таким он был до 1783 года; с другой стороны, говорит, что пережил всех братьев — это указывает на время после 1806 года. Анненн-

ков полагает, что записка начата до 1783 года, а закончена много позднее. Но предполагать, чтобы автор до 1783 года написал несколько строк, сохранял затем листок в течение двадцати с лишним лет, по истечении которых приписал еще несколько строк, — это значит предположить нечто совершенно исключительное и ни с чем не сообразное. Из всего того, что нам известно, естественнее всего предположить, что записка написана в глубокой старости, уже перешедшей в дряхлость, около 1825 года, под воздействием внука. О полковничьем чине здесь говорится в том смысле, что в этом чине был Петр Абрамович в ту пору, когда умер его отец, что и представляется верным. Не лишено вероятия, что записку писал не сам старик, а с его слов кто-либо из его слуг-грамотеев. До нас дошли письма Ганнибала, относящиеся к 90-м годом и написанные в связи с разрывом его с женой. Они не блещут стилистикой, но по своему слогу и логичности мыслей не отличаются от эпистолярно-делового стиля интеллигентных людей той эпохи. Возможно, конечно, что письма эти, адресованные важным лицам, составлены не самим Ганнибалом, а по его просьбе кем-либо другим. Таким образом, вопрос о степени интеллигентности Петра Абрамовича остается по меньшей мере

открытым. В екатерининское время у нас, конечно, бывали совершенно невежественные артиллерийские генералы и невежественные губернские предводители дворянства. Бывали они и позднее. Но предполагать малокультурность за тем или иным лицом относительно высокого общественного положения можно только при наличности несомненных доказательств. В применении к Петру Абрамовичу их в нашем распоряжении нет. Не забудем, что он происходит из семьи, где отец был относительно образованным, обучался во Франции, имел порядочную библиотеку, а мать, немка и дочь капитана, вышла из губерний, в которых просвещение ценилось достаточно высоко и пользовалось общим признанием.

Насколько известно, Петр Абрамович никаких особенных услуг отечеству не оказал. Поэтому его быстрое повышение по службе можно приписать только тому значению, которое придавалось тогда специальной подготовке. При всей своей недостаточности она была все-таки выше обычного уровня образования тогдашних представителей военного сословия. Возможно затем, что Петру Абрамовичу протежировали отец и старший брат. Анненков рассказывал, что Ганнибал несколько лет состоял под судом за растрату артиллерийских

снарядов. Но каких-либо подробностей этого дела мы не знаем. Не знаем, было ли оно результатом злоупотреблений, либо простым служебным упущением, или, наконец, чьей-либо интригой. По сообщению того же Анненкова, Петр Абрамович был освобожден от суда влиянием своего брата Ивана.

8

Младший сын Абрама Петровича, Исаак, родился в 1747 году, в 1756 году определен в артиллерийскую школу, был впоследствии флота артиллерии капитаном 3-го ранга, а затем, в 1803 году, псковским обер-форстмейстером, т. е. служил по лесному ведомству. Умер в 1804 году. Исаак Абрамович, по собственному признанию, отличался «простодушием», из-за которого впал в долги, и долги эти доводили порою его и его семью до очень тяжелого положения. Из-за одного долга ему пришлось на 51-м году жизни попасть под «караул», а вскоре после этого по другому долгу — «в городовую тюрьму». От Исаака Абрамовича осталось многочисленное потомство: от брака с дочерью псковского помещика Анной Андреевной Чихачевой он имел 15 человек детей. Повидимому, Исаак Абрамович был человек живой, веселый,

радушный и добродушный. Семья его была дружная. Из сохранившегося портрета-миниатюры можно заключить, что Исаак Абрамович походил на своего старшего брата Ивана по смуглому цвету кожи, толстоватым губам и черным, лишь на концах закрученным волосам, но отличался более продолговатым, сухим, суженным книзу лицом и более длинным, выдающимся носом. Глаза у него, судя по портрету, далеко не отличались тою же выразительностью и интеллигентностью.

Из остальных Ганнибалов второго поколения, помимо Осипа Абрамовича, деда поэта, упомянем: Якова Абрамовича (род. в 1748 г.), который в 1756 году был определен в артиллерийскую школу, но вскоре умер; Елизавету Абрамовну, бывшую замужем за подполковником Андреем Павловичем Пушкиным; Анну Абрамовну — за генерал-майором Нееловым; Софью Абрамовну — за артиллерии секунд-майором, потом статским советником А. К. фон-Роткирх; Агриппину, умершую в молодые годы.

9

История прямого деда поэта, Осипа Абрамовича Ганнибала, подробно рассказана на основании архивных материалов В. О.

Михневичем. К сожалению, автор слишком увлекся стремлением изобразить судебное дело как занимательный роман и обильно уснастил статью своими психологическими догадками и объяснениями, не всегда достаточно вразумительными. Несколько интересных фактов сообщены А. С. Ганнибал в упомянутой выше работе.

Осип Абрамович был в семье Абрама Петровича третьим по старшинству, старше брата Исаака. Он родился 20 января 1744 года и, как рассказывает Пушкин, был назван первоначально Януарием. Но мать «не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения», и его переименовали в Осипа. Где он получил воспитание — неизвестно. Но, судя по тому, что он был артиллеристом, следует полагать, что ему дали специальное военное образование, вероятно, под непосредственным руководством отца, компетентного по этой части. Службу начал Осип Абрамович рано и успешно, благодаря, вероятно, протекции отца. Он служил в артиллерии и 29 декабря 1770 года произведен в майоры. Остается не вполне ясным, где он собственно служил — в сухопутных войсках или во флоте. Во всяком случае, в то время как его старшие братья дослужились до генеральских чинов, он окончил службу очень скромно. Есть

основание думать, что Осип Абрамович смолоду, поддаваясь своему пылкому, беспокойному темпераменту, не отличался степенностью, вел бурную жизнь среди всяких увлечений и излишеств, проявил себя как юноша расточительный, беспорядочный и нерассудительный. Пушкин находит в своем деде «африканский характер, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием». Суровый, требовательный и скупой отец был недоволен образом его жизни, перестал давать ему на содержание и даже запретил себя видеть. По внешности Осип Абрамович был, повидимому, красивее своих братьев. Один из потомков Исаака Абрамовича рассказывал, что в детстве, у своей матери, видел стенные портреты Исаака и Осипа Абрамовичей и помнил, что лицо Осипа Абрамовича было более округленное, чем у Исаака, не столь удлиненное и сухое, как у последнего, и в общем более красивое. Напомним, что дочь Осипа Абрамовича, мать поэта, была подлинной красавицей.

10

1773 году Осип Абрамович попал, вероятно, по казенной надобности, в Липецк, Тамбовской губ., на чугунные заводы. Эти

заводы были устроены еще Петром I. Здесь отливались пушки для предполагавшегося Черноморского флота в Азове. Заводы действовали и при Екатерине II. Липецк тогда не был еще уездным городом, а именовался просто «заводом». Уездным же или воеводским городом был Сокольск, отстоявший от Липецка в трех верстах.

В селе Покровском, в двадцати двух верстах от Липецка, жила в ту пору при своем отце, помещике Алексее Федоровиче Пушкине, его двадцативосьмилетняя дочь — Марья Алексеевна. Осип Абрамович часто заезжал в Покровское, посватался и женился на Марье Алексеевне. С одной стороны, был пылкий столичный щеголь и любезник, обладавший внешней привлекательностью, способный нравиться женщинам и даже привязывать их к себе и не очень раздумывавший о том, что делает. С другой — провинциальная барышня, засидевшаяся в девицах. Она, повидимому, увлеклась своим кавалером и вначале несомненно питала к нему привязанность. Она не очень-то справлялась о семейных и денежных делах своего жениха и уже после свадьбы сделала для себя ряд неприятных открытий в виде долгов мужа и натянутых его отношений с отцом. Согласия на свадьбу старика-отца Ганнибала не спросили, т. е. нарушили достаточно прочный обычай. Е. П.

Янькова рассказывает, что этот брак считали для Марьи Алексеевны неравным, и кто-то сложил по этому случаю стишки:

Нашлась такая дура,
Что, не спросясь Амура,
Пошла за Визапура.

Соль приведенной эпиграммы разъясняется до некоторой степени из письма 1812 года одной московской светской дамы к своей петербургской приятельнице: «Не знаю, с чего ты взяла, что Визапур — русский дворянин; он ничто иное как мулат, явившийся бог знает откуда и годный только стоять на запятках вместо негра».

Свадьба состоялась в 1773 году, где-то в провинции, может быть, в Липецке или в с. Покровском. Вскоре после свадьбы молодые оказались в Муроме, где Марье Алексеевне для покрытия долгов мужа пришлось продать свою очень небольшую приданную ярославскую деревеньку. У них родился сын, умерший грудным младенцем, и дочь Надежда (род. в 1775 г.), ставшая матерью нашего поэта.

Прожили супруги добропорядочно год и пять месяцев, а затем между ними начались нелады. Уже после женитьбы Осип Абрамович вышел в отставку. Предстояло примириться с отцом. По объяснению мужа, отец гневался на него за женитьбу без

его отцовской воли. По объяснению жены, отец сердился на сына за «худое поведение», она одна поехала к старику Ганнибалу и примирила его с сыном. Так или иначе, молодые приехали к старому Абраму Петровичу и поселились у него на мызе Суйде. Однако прожили здесь недолго. По рассказу Михневича, в один прекрасный день Осип Абрамович оставил отца, жену и дочь и уехал. Разобраться в причинах семейного разлада довольно трудно. Муж уверял, что жена с ним жить не желала, делала ему «беспрестанно несносные досады» и даже обвинял ее впоследствии в распутстве. Жена утверждала, что муж, следуя дурным своим наклонностям, стал «заслуживать гнев родительский», имел связь с крепостною девкою, «обращался в непотребных домах» и тем первый подал причину к семейному расстройству. По впечатлению Пушкина, основанному на семейных рассказах, «ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор». Повидимому, жена уже потеряла надежду устроить семейную жизнь с мужем и мало была опечалена его бегством. В эту пору ее сильно поддерживал служивший в Петербурге ее брат, Михаил Алексеевич Пушкин,— человек, повидимому, хорошо осведомленный в юридических делах.

По его, вероятно, совету и во всяком

случае с его согласия Марья Алексеевна отправила мужу 18 мая 1776 года такое письмо: «Государь мой Осип Абрамович. Несчастливые как мои, так и ваши обстоятельства принудили меня сим с вами изъясниться: когда уже нелюбовь ваша ко мне так увеличилась, что вы жить со мной не желаете, то уже я решилась более вам своею особою тягость вам не делать, а расстаться на век и вас оставить от моих претензий во всем свободна, только с тем, чтобы дочь наша мне отдана была, дабы воспитание сего младенца было под присмотром моим. Что же касается до содержания как для нашей дочери, так и для меня — от вас и от наследников ваших ничего никак требовать не буду, и с тем остаюсь с достойным для вас почтением ваша, государь мой, покорная услужница Марья Ганнибалова». В. О. Михневич занялся разными психологическими соображениями по поводу этого письма, которым жена отказалась не только от прав на мужа лично, но и от всяких материальных к нему претензий. Между тем, из приведенного у Михневича ответа Осипа Абрамовича видно, что дочь Надежда оставалась в распоряжении мужа и была им препоручена семье одного из приятелей. Как и почему это случилось, у Михневича не объяснено. Но недавно опубликованным воспоминаниям

сестры поэта, Ольги Сергеевны, муж не уехал от жены, а «велев ей просто убираться из дому, оставил дочь у себя». Эта версия представляется, как видим, более правдоподобной. Вполне понятно, что мать готова была итти на какие угодно жертвы, лишь бы получить свою малолетнюю дочь. Она даже отказалась от возмещения за свое растраченное приданое. Осип Абрамович ответил жене язвительным письмом, в котором, между прочим, писал: «Я издавна уже оное ваше желание и нелюбовь ко мне чувствительно предвидел и увеличившиеся ваши, в досаждение мое, несносные для меня поступки и поныне от вас носил с крайним оскорблением, а затем ныне и я во всем по предписанному вашему требованию со стороны моей согласуюсь и, в ваше удовольствие, как себе от вас приемлю, так и вас оставлю от меня свободну навеки». Муж отдавал дочь матери и в заключение писал: «За тем желаю пользоваться вам златою вольностью, я в последние называюсь муж ваш Иосиф Ганнибал».

Повидимому, весь этот обмен письмами явился в результате переговоров. Михневич не обратил внимания на следующее важное обстоятельство. Обвиняя впоследствии друг друга в супружеской неверности, — что было достаточным поводом к

формальному расторжению брака с возложением тяжкой ответственности на виновную сторону, — ни муж, ни жена тогда подобного процесса не затеяли. Надо, однако, заметить, что во всем этом деле положение супругов было все-таки глубоко различным. Письма, которыми обменялись супруги, могли иметь только значение морального обязательства, но не имели никакой юридической силы. С точки зрения тогдашнего закона, брак между Осипом Абрамовичем и Марьей Алексеевной оставался в силе, фактический развод его нисколько не колебал. Ни та, ни другая сторона не могла вступить в новый брак. С кем бы они фактически ни сходились, каких бы детей от таких сожительств ни имели, эти дети были бы незаконными и никаких наследственных прав на имущество родителей не имели бы. Марья Алексеевна не повела бракоразводного процесса. Этим она лишила себя возможности выйти замуж вторично. Но, может быть, после запоздалого неудачного брака ее уже и не соблазняла перспектива выйти замуж во второй раз. Зато нерасторжением брака она связала и мужа, лишала его возможности жениться вторично, а ее дочь Надежда Осиповна оставалась единственной наследницей своего отца, как это потом и случилось. Правда, если б Марья Алексеевна

провела удачный бракоразводный процесс, то на ее мужа наложили бы тяжелое взыскание и запретили бы ему жениться вторично. Но надо было рассчитывать, что от этого наказания и запрета Осип Абрамович мог бы в конце концов избавиться путем испрошения «высочайшего милосердия» и тогда получил бы возможность жениться, иметь других законных наследников, а Надежда Осиповна из состоятельной невесты превратилась бы почти в бесприданницу. Вторичная же женитьба при жизни первой неразведенной жены считалась бы двоеженством и повлекла бы за собой очень тяжкое наказание и прежде всего признание второго брака незаконным. Таким образом, для Марьи Алексеевны формальное расторжение брака с Осипом Абрамовичем было невыгодным. Правда, в ту пору у Осипа Абрамовича, кроме долгов, вероятно, ничего не было. Но Марья Алексеевна могла, конечно, предвидеть, что после смерти старого Ганнибала на долю каждого из его сыновей достанется, примерно, по 300 душ.

Бракоразводный процесс был бы весьма выгоден для Осипа Абрамовича, если бы ему удалось довести его до удачного для себя конца. Осип Абрамович этот процесс не затеял. Отсюда мы в праве думать, что для взведенных им впоследствии на жену

обвинений в нарушении супружеской верности оснований у него не было. Естественнее всего предположить, что жена мужу скоро разонравилась, он стал изменять ей, а она его донимала упреками как по этому поводу, так и за его легкомысленную расточительность, повлекшую за собой растрату женина приданого, ссору с стариком Ганнибалом, тяжелое материальное положение и т. д.

После фактического развода супруги не встречались и никакого общения между собой не имели. Марья Алексеевна уехала к своему отцу в Тамбовскую губернию. «Будучи,— пишет она суду впоследствии,— нагло покинута с малолетнею дочерью и оставшись без всякого пропитания», принуждена она была ехать в деревню к родителю своему, который, увидев ее «в таком бедственном состоянии, получил паралич, от которой болезни и скончался» (в 1777 г.). Село Покровское перешло к его сыну Юрию Алексеевичу (секунд-майор Рижского карабинерного полка), который, вероятно, стал помогать своей злополучной сестре. В 1778 году Юрий Алексеевич женился. Первым его сыном был Александр, (род. 30 июля 1778 г.), о котором будет речь впереди. Марья Алексеевна окрестила племянника и уехала, как можно судить по некоторым обстоятельствам, в Москву.

Весьма вероятно, что здесь она завязала сношения с дальним своим родственником Львом Александровичем Пушкиным (дед поэта по отцу), богатым и гостеприимным помещиком. Возможно, что у нее были в Москве и иные родственники. Известно, например, что граф Артемий Иванович Воронцов, который в 1799 году крестил поэта, был женат на двоюродной сестре Марьи Алексеевны. Может быть, у нее были здесь родственники и со стороны ее матери, т. е. по линии Ржевских. Во всяком случае в Москве Марья Алексеевна пробыла недолго, вероятно, значительно меньше года.

Осип Абрамович отправился около середины 1778 года в Псков, поблизости которого были расположены имения его отца. Биографы, с легкой руки поэта, любили сгущать краски, изображая Осипа Абрамовича. Но вот что говорят факты: Осип Абрамович стал служить по выборам. Сначала псковское дворянство выбрало его в первые заседатели совестного суда, и он исполнял эту должность. Позднее он состоял советником псковского наместничества. Потом был выбран советником петербургского губернского правления, но воспользоваться этим избранием ему уже не пришлось. Все это свидетельствует, что Ганнибал создал себе известное положение в псковском

обществе и пользовался его расположением. Когда над Осипом Абрамовичем стряслись несчастья, то за него вступился известный деятель екатерининских времен генерал-губернатор Я. Е. Сиверс. Он обращал внимание властей на «честнейший характер» и «отменные достоинства души» Осипа Абрамовича и свидетельствовал о том уважении, которое он приобрел в кругах местного дворянства, а также о том, что своею жизнью и деятельностью он «всеместно заслуживал самое то же одобрение».

11

9 января 1779 года Осип Абрамович женился вторично на вдове капитана Устинье Ермолаевне Толстых (или Толстой), рожденной Шишкиной, новоржевской помещице. По словам Михневича, эта Шишкина-Толстая была «молодой состоятельной дамой из хорошей фамилии, принадлежавшей к лучшему местному обществу». Такова, вероятно, только догадка Михневича, не имеющая под собой опоры. В списке помещиков Псковской губернии, с показанием у них количества душ по ревизии 1756 года, значится Ермолай Моисеевич Шишкин с 25 душами. Это, вероятно, отец Устиньи Ермолаевны, который, таким образом, был

очень мелким помещиком. В том же списке значатся восемь помещиков Толстых с числом душ: 3, 7, 18, 25, 25, 35, 70, 90. Таким образом, Толстые, к которым принадлежал первый муж Устиньи Ермолаевны, были тоже мелкими помещиками. Вторая жена Осипа Абрамовича вышла, следовательно, из мелкопоместной среды, в которой жизнь давалась нелегко, но которая нередко изощряла способности людей к борьбе за существование и снабжала житейской ловкостью.

Так или иначе, с Устиньей Ермолаевной Ганнибала связало сильное взаимное чувство. Новым браком Ганнибал совершил тяжкое преступление двоеженства. Есть основание предполагать, что он не пошел прямо на это преступление. До него дошли смутные слухи в том, что Марья Алексеевна умерла. И, повидимому, все его несчастье заключалось в том, что по своему легкомыслию и пылкости он не счел нужным, а может быть, и не очень хотел этот слух проверить. Свадьба была совершена в глухой деревне, в скромной обстановке, через простенького сельского священника. Отсюда Михневич заключает, что Ганнибал и Толстых сознательно шли на двоеженство. Но это заключение опровергается тем, что супруги и не думали скрывать своего нового состояния и стали жить в

Пскове как законные муж и жена. Венчание было совершено в деревне, где находилось имение невесты, через священника, который лично знал ее как свою прихожанку и имел основание ей доверять. Расчет был здесь, очевидно, тот, что этот священник не станет требовать формальных документов о смерти Марьи Алексеевны, а поверит на слово. Надо думать затем, что Осип Абрамович не очень пугался и того, что слухи о смерти Марьи Алексеевны не подтвердятся: его отец Абрам Петрович женился вторично, не дождавшись окончания бракоразводного процесса с первой женой, т. е., формально рассуждая, тоже совершил преступление двоеженства, но от последствий этого преступления отделался, хотя немало пострадал от волокиты.

Поступив так легкомысленно со второй женитьбой, Осип Абрамович совершил вскоре после свадьбы второй крупный легкомысленный шаг, в котором потом тоже пришлось горько раскаиваться. Дело в том, что в эту пору материальное положение его оставалось, вероятно, тягостным. Предвиделось в будущем порядочное наследство от отца, но пока скупой старик был жив. Осипу Абрамовичу пришлось жить на средства новой жены. Как ни любила Устинья Ермолаевна своего нового мужа, она, наверное, заметила его нерасчетливость и

склонность к растрате легко приобретаемых средств. Но, может быть, и без всяких настояний со стороны жены Осип Абрамович пожелал сделать благородный жест и успокоить ее: он дал Устинье Ермолаевне 31 января 1779 года рядную запись, в которой расписался в том, что получил от нее приданого разными вещами на 27000 с лишним рублей. Есть основание думать, что это оценка была очень сильно преувеличена.

Псков недалек от Петербурга, и известия о вторичной женитьбе Осипа Абрамовича дошли туда скоро. Брат Марьи Алексеевны, Михаил Алексеевич Пушкин, повидимому, даже без согласования с нею, послал заявление псковскому архиерею о том, что Осип Абрамович женился вторично при жизни первой жены. Позднее, 2 августа, подала обличительную челобитную и Марья Алексеевна. Усматривая в этих ее действиях противоречие с ее письмом 1776 года, которым она освобождала мужа от всех своих претензий и предоставляла ему полную свободу, В. О. Михневич вступает по этому поводу в психологические объяснения «противоречий женского сердца». Как я указал выше, образ действий Марьи Алексеевны может быть объяснен гораздо проще: пользование мужем предоставленной ему «златою вольностью» могло не

беспокоить Марью Алексеевну, но его формальная женитьба существенным образом меняла в худшую сторону наследственные перспективы ее дочери Надежды.

19 января 1781 года псковский архиерей постановил, что второй брак расторгается и объявляется незаконным; на Ганнибала накладывается суровая семилетняя эпитимия с заключением на первый год в монастырь; он осуждается на безбрачие до смерти первой жены; обеим его женам предоставляется вступить в новый брак. Ганнибал перенес дело в Синод, проиграл и там и, наконец, обратился к защите императрицы.

Легко понять, что во всех инстанциях он защищался с пылким отчаянием. В этой защите он переходил за всякие разумные пределы: он обливал первую жену грязью, обвинял ее в разврате и в том, что она сама его бросила и без вести пропала, выразил даже сомнение, точно ли Надежда Осиповна его дочь, пустился на составление документов, подложность которых бросалась в глаза, придумывал нелепые, легко разбиваемые объяснения. Он пытался обвинять Марью Алексеевну и ее родных в том, что они намеренно ввели его в заблуждение, чтобы подвести, и распустили слух о смерти жены. Во всей этой защите он, по удачному выражению Михневича, проявил не энергию характера, а «энергию

безрассудства». Весь его образ действий, по словам его старшего брата Ивана Абрамовича, «не означал человека здравого и беспристрастного рассудка». Ганнибала сильно поддерживала вторая жена. Легко понять, в каком глупом положении она оказалась; она квалифицировала это свое положение как «несносное посрамление». Осип Абрамович, не располагая собственными средствами, успел применить свою расточительность и к ее приданому. Сверх того, она, повидимому, и в самом деле любила своего второго мужа.

В начале 1781 года в Петербург приехал из Херсона генерал Иван Абрамович. Приезд этот был оправдан делами службы. Но, может быть, до Ивана Абрамовича дошли сведения, что старики Ганнибалы плохи. Серьезно заболев после объявления приговора архиерея, Осип Абрамович не мог поехать на свидание с братом. Вместо него в Петербург отправилась Устинья Ермолаевна. Иван Абрамович, узнав о несчастьи, постигшем брата, отнесся к нему с большим сочувствием и любезно принял Толстую.

В начале же 1781 года умерла в преклонных годах мать Ганнибалов, Христина Матвеевна. Сам старик Абрам Петрович слабел со дня на день и в мае того же года тоже скончался. После него открылось

крупное наследство. В 1782 году братья и сестры совершили полюбовный раздел, причем на долю Осипа Абрамовича досталось сельцо Михайловское в Псковской губернии и деревня Кобрина с мызой Руновой близ Суйды, в 60 верстах от Петербурга. Всего на его долю пришлось 323 мужск. души. Сверх того, после Абрама Петровича осталось капиталу 60 000 руб., положенных в ломбард. Но по завещанию капитал этот поручен Ивану Абрамовичу для управления и распределения между братьями и сестрами. Дележ этих денег состоялся в 1784 году.

12

Судебное дело Осипа Абрамовича с Марьей Алексеевной дошло, наконец, до императрицы. К нему привлекли Ивана Абрамовича. Повидимому, у этого последнего расстроились в Херсоне служебные отношения с Потемкиным, и 20 марта 1783 года императрица под благовидным предлогом вызвала Ганнибала в Петербург, поручив ему сдать надзор за работами в Херсоне, кому от князя Потемкина предписано будет. Иван Абрамович приехал в Петербург, удостоился милостивого приема, но вскоре вышел в отставку. К этому времени он совершенно изменил свое мнение о деле

брата с Марьей Алексеевной. Он жалел брата, всячески урезонивая его, но стал решительно на сторону невестки с дочерью. Он советовал правительству отдать им из имений брата одну из двух его усадеб и очень просил принять меры к тому, чтобы Осип Абрамович «по нынешнему его ослеплению к пущему его разорению» не растратил своего имения и не довел бы себя «до неминуемого сего несчастья». Очевидно, до Ивана Абрамовича уже дошли известия, что его легкомысленный и нерасчетливый брат закладывал или собирался заложить свои имения. Иван Абрамович сделал попытки примирить супругов, но в результате предпринятых усилий признал это дело безнадежным.

17 января 1784 года последовало решение императрицы: Мария Пушкина признавалась законною женою Осипа Абрамовича; второй его брак с Толстой объявлялся ничтожным; Ганнибал вместо наложенной эпитимии посылается «на кораблях в Северное море, дабы он там службою и раскаянием своим соделанное им преступление заслужить мог»; Марье Алексеевне из имения мужа ничего не определялось; четвертая часть недвижимого имения мужа отдавалась «в ведомство дворянской опеки, дабы оная употреблена была в пользу и на содержание малолетней Осипа Ганни-

бала дочери». Назначенный последним пунктом выдел был произведен в том же 1784 году, причем в опеку для Надежды Осиповны была отобрана деревня Кобрина (в Софийском уезде) с мызой Руновой. Опекунами назначены были генерал-майор Петр Абрамович Ганнибал и статский советник Михаил Алексеевич Пушкин, т. е. братья со стороны обоих супругов.

В январе того же 1784 года Иван Абрамович произвел дележ оставшегося после отца капитала. Петр и Исаак Абрамовичи получили по 10 000 руб. Получили свои доли и сестры. Возможно, что в распределении денег Иван Абрамович руководствовался предсмертными распоряжениями отца. Что касается доли Осипа Абрамовича, то ее Иван Абрамович счел более справедливым и целесообразным отдать на содержание и воспитание малолетней дочери беспутного брата — Надежды. Около этого времени (22 февраля 1784 г.) сам Иван Абрамович уволился от службы за болезнью, с полным жалованием. Проживал он в Суйде и в Петербурге.

Осип Абрамович не унялся. Он продолжал и после высочайшего указа забрасывать учреждения своими бумагами, заниматься юридическим крючкотворством и затевать разные судебные дела.

Во-первых, он затеял борьбу из-за доли,

которая подлежала выделу на пользу и содержание дочери. Осип Абрамович получил по наследству 323 мужск. души, в том числе деревню Кобрино, под Петербургом, в числе 107 мужск. душ, и рядом с ней, через речку, мызу Руново в числе 3 мужск. душ. Надо признать, что высочайший указ 1784 года, присуждавший выдел для дочери Надежды четвертой части, был редактирован недостаточно отчетливо: не совсем легко было понять, откуда надлежало выделить четвертую часть — из всего ли имения Осипа Абрамовича или только из деревни Кобриной. Опекуны держались первого толкования, Осип Абрамович — второго. Он ссылался, между прочим, на закон о наследствах, по которому дочерям при братьях полагалось по 1/14 части. В данном случае это составило бы 23 души, т. е. примерно четвертую часть дер. Кобриной. Но ссылка Осипа Абрамовича была вполне неосновательна, ибо закон этот касался распределения наследства, в данном же случае речь шла об алиментах с отца в пользу дочери. Неправ был Осип Абрамович и при применении закона по аналогии: четырнадцатая доля полагалась дочерям при наличности у них братьев. У Надежды Осиповны братьев не было; она была единственной наследницей своего отца, если не считать мать с ее правом на седьмую долю.

Дворянская опека пришла в недоумение о размерах выдела и запросила по этому поводу верхний земский суд, который предписал взять на содержание Надежды Осиповны всю деревню Кобрину вместе с мызой Руновой. Это составляло уже больше 1/3 имения Осипа Абрамовича. Он запротестовал. Но ему пришлось, в силу высочайшего указа, во искупление своей вины и для прохлаждения, отправиться в Северное море. За него продолжала вести дело Устинья Ермолаевна.

Гражданская палата, рассмотрев протест, предписала выделить из всех имений Ганнибала 1/4 часть, 80 душ, и взять их из деревни Кобриной, а излишние в ней души и мызу Руново отдать Осипу Абрамовичу. Таким образом, деревню Кобрину предстояло разделить на две части, что представляло, конечно, крупные неудобства. Можно себе представить, что получилось бы с хозяйством деревни, если бы в ней оказалось два совладельца: с одной стороны, Осип Абрамович, а с другой — дочь, т. е. фактически Марья Алексеевна! Опекуны запротестовали в свою очередь и перенесли дело в Сенат, который предписал дело решить снова, а деревню Кобрину с мызой Руновой оставить в ведении дворянской опеки попрежнему. На этом дело, повидимому, замерло, если не продолжало воло-

читься из суда в суд, как об этом писал потом Осип Абрамович.

Он стал готовиться и к процессу против брата Ивана Абрамовича за неправильное будто бы распределение отцовского капитала. Материальное положение его было невеселым. Он обратился к брату Исааку Абрамовичу и за нравственной поддержкой, и за материальной помощью, которую тот ему и оказал. Вот интересное письмо Исаака Ганнибала к брату от июня 1784 года: «Любезный брат Иосиф Абрамович. Почто необходимые обстоятельства ваши, братец, принуждают вас меня тревожить напоминанием бессовестных поступков брата нашего, если можно ему оным назваться. Отдаленность и безвинные упражнения мои приводят в забвение все прискорбности мои. Теперь, получа письмо ваше, какими смутными мыслями дух мой встревожился, видя тебя, любезного брата, угнетенного с той стороны, в которой естество заставляло ожидать помощи и утешения: где обитает правда и человеколюбие, когда их и в ближних не находишь. Вы пишете ко мне, что он изъясняется в получении мною от него 13 тысяч рублей, но я должен обличить сим письмом сего несправедливого человека. Пред кончиной родителя нашего, не упомню за сколько лет, как вам самим известно, в ломбарте отдано было им де-

нет 60 тысяч рублей, и мне известно, что он за один только год получил проценты, потом при разделе нашем, спустя два года, то есть в 1784-м году генваря, а числа не упомню, или в феврале получил я от него через инстигатора его Лихачева 10 000 рублей, в чем и расписку дал. Брат Петр Абрамович получил тогда также ту же сумму; сестра Анна Абр. получила 3 000 рублей. Сестра Софья Абрамовна получила 8 000 рублей, и Елисавета Абр. 2 000 рублей; по сему вы можете усмотреть, что за сим остаться должно, а сколько на всю сумму должно быть процентов, то должно вам обстоятельнее справиться в ломбарте; а чтобы я так, как он изъясняется, получил 13 тысяч, то он солгал, — иначе против такого бездушника не могу изъясниться; не надобно и то забыть, что Лихачев по доверенности его из ломбарта получил проценты и отдал своим именем на вексель Петру Амплиевичу Шепелову. Верющее письмо прислано к Адаму Карловичу (Рокирху) от меня, по которому при совершении крепости и деньги вы получите. О какой вы милости мне говорите. Оставим нам столь неприличное слово, а дайте мне наслаждаться чистейшим и благороднейшим утешением помочь другу в угнетении. Я и в несчастьи вашем нахожу себе утешение тем, что воображаю видеть в скором вре-

мени любезного брата возвратившегося по понесенным на море трудам, и через оное приобревшего, наконец, спокойствие души своей. Тогда останется только вам наслаждаться жизнью и наградить приятностью оной те годы, о которых без сожаления о потери их напомнить неможно. И остаюсь как всегда любезного брата усердный брат Исаак Ганнибал».

Из письма этого, в котором говорится о совершении какой-то «крепости», приходится предположить, что Осип Абрамович продал или заложил часть своих имений своему брату Исааку и получил от него за это деньги.

В 1784—1785 годах Осип Абрамович находился в дальнем плавании. Вместо него Устинья Ермолаевна продолжала подавать прошения на высочайшее имя, пока ей в сентябре 1786 года не дали явственно понять, что дальнейшие обременения просьбами верховной власти могут окончиться плохо.

13

После высочайшего указа 1784 года материальное положение Марьи Алексеевны улучшилось. Правда, в программе «Записок», которую поэт составил в 1830 году, он говорит о «бедности» бабушки и ее до-

чери. Но 100 душ крепостных и 10 000 рублей — это хотя и не богатство, но вовсе и не «бедность». Вероятно, Осип Абрамович еще не успел обременить Кобрину каким-либо долгом. Пушкин, очевидно, оказался во власти не совсем верных семейных рассказов. Кроме того, бабушка была отличной хозяйкой или, по крайней мере, выучилась в эту пору быть таковой. Она поселилась в Петербурге, купила дом в Преображенском полку, занялась воспитанием своей дочери и выполнила это дело с успехом. Вероятно, на лето Марья Алексеевна выезжала в деревню Кобрину. Поддерживала она связи и с родными — жившим в Петербурге братом Мих. Ал. Пушкиным и своим покровителем, сановным Иваном Абрамовичем Ганнибалом.

В 90-х годах в Петербурге проживали сыновья Льва Александровича Пушкина, Василий и Сергей Львовичи. Это были блестящие баричи, молодые гвардейские офицеры. Надежда Осиповна выросла красивой барышней, которой мать сумела дать прекрасное воспитание. Родство, хотя и дальнее, ускорило и облегчило знакомство и сближение. Сергей Львович бывал у Марьи Алексеевны, бывал и в Суйде. В 1796 году он женился на 21-летней Надежде Осиповне.

14

В числе покровителей Марьи Алексеевны оказался, помимо Ивана Абрамовича, еще и другой ее зять, уже известный нам Петр Абрамович, хотя примерным семьянином он и сам не был.

В январе 1792 года жена его, Ольга Григорьевна, подала императрице длинное прошение, в котором рассказывает свою семейную историю, не очень редкую в то время. Она писала, что вышла замуж в 1777 году и прижила с мужем сына и двух дочерей. Но через девять лет муж оставил ее, уехал в свою псковскую вотчину, взял к себе девицу Лихачеву, дочь прапорщицы, а жене велел «не жить более с ним вместе», назначив ей содержание, по ее мнению, недостаточное и несоразмернее с его доходами.

Нельзя придавать безусловной веры тому, что пишется в прошениях подобного рода. В них естественнее всего ожидать более или менее значительных преувеличений. В описании своих материальных невзгод Ольга Григорьевна несомненно преувеличивала. Во-первых, она скрыла, что имела своих приданых 100 душ, которыми располагала вполне по своему усмотрению. Петр Абрамович, с своей стороны, выдавал жене на ее содержание лично 500 рублей в год, кроме провизии натурой, оплачивал город-

скую квартиру и обучение детей, дал 7 человек прислуги, отпускал им деньгами и натурой необходимое содержание, дал экипаж и четверку лошадей, оплачивая расходы по выезду, выдавал дрова на отопление и т. п. Правда, все это выдавалось не слишком щедро, а в обрез, но во всяком случае Петр Ганнибал действовал не как его брат Осип, и жена его с детьми не нуждалась. В одном документе Ольга Григорьевна сама признала, что Петр Абрамович своих детей любит и о них заботится. Цели Ольги Григорьевны были другие. Ей хотелось, чтобы Петр Абрамович не растачал своего родового имения и чтобы оно перешло со временем по наследству к детям. Последовавший указ императрицы обязывал Петра Абрамовича выполнить требования жены о выдаче ей «безнуждного содержания, нечинении впредь оскорблений и неотобрании у ней детей». Такой указ представлял собою в сущности простую отписку.

Уже через короткое время Ольга Григорьевна опять жаловалась, будто бы муж угрожал ей, что «ничьих приказаниев выполнять не будет, поелику де именем моим распоряжать права кроме меня никто не имеет», и стал неаккуратен в выдаче даже тех алиментов, которые давал раньше. Однако Петр Абрамович, по получении указа императрицы, сообщил, что имеет

300 душ, с которых получает доходу «только 2 500 рублей»; что жена имеет своих 140 душ в Казанской губернии и что хотя «от жены моей и несправедливы жалобы и от сожития со мною удалилась добровольно, но избегая навести дальных беспокойств и повинуясь слепо повелению ее величества», он обязуется выдавать жене «на всё ее содержание» по 1 000 рублей год, «которое число денег с доходами, получаемыми ею из собственных ее деревень, превосходит почти то, что я на содержание и воспитание детей своих и для себя оставляю». Ольга Григорьевна решительно запротестовала: муж не увеличивает, а уменьшает алименты, ибо то, что он выдавал раньше, деньгами и натурой, «гораздо превосходнее» одной тысячи рублей; муж преувеличивает ее приданое и преуменьшает свое состояние. По делу последовала общая словесная резолюция государыни, чтобы Ганнибал «непременно удовлетворил жену и не доводил бы более жалоб ее до высочайшего престола». Петр Абрамович написал ответ, в котором категорически заявил, что «нерезонабельное» требование Ольги Григорьевны удовлетворено быть не может и что он, взяв на себя расходы по воспитанию и содержанию детей, не в состоянии давать жене более тысячи рублей ежегодного содержания и просил защитить его и не до-

пустить до крайнего разорения, в случае, если бы жалобы его жены опять дошли до престола.

Ольга Григорьевна, в конечном итоге, ничего не выиграла, по ее же словам, несколько проиграла. Летом 1792 года она обратилась к императрице с новым прошением, которое заметно отличается от первого трагичным тоном, и вновь возбудила те же претензии. Но ответа на это второе прошение она не получила.

15

Перед 1788 годом Осип Абрамович возвратился из дальнего плавания. По крайней мере, в этом году он возбудил дело против старшего брата по поводу дележа отцовского капитала. Как оно протекало,— мы не знаем; известно только, что в 1792 году оно не было еще решено.

Неудачи продолжали преследовать Осипа Абрамовича. В Псковском дворянском собрании 1790 года его выбрали в верхний земский суд. Но правитель губернии велел Ганнибалу как осужденному за двоеженство удалиться из собрания и запретил ему принимать какую-либо должность. Дворянство вступилось за Ганнибала; составили и подписали свидетельство о его «беспорочном

поведении». Чем кончился этот протест,— мы не знаем. Но, по словам Ганнибала, в одном его прошении 1792 года, «позор тот имел в мысли его такое влияние, что он в скорости получил удар, который на то время лишил его употребления обеих ног, коими он и ныне едва владеет». В 1792 году Осип Абрамович просил императрицу разрешить ему служить по выборам и возвратить излишнее, против четверти, имение, взятое на воспитание дочери.

Отношения Осипа Абрамовича с Устиньей Ермолаевной не изменились по его возвращении из плавания. Они постоянно виделись, может быть, подолгу живали под одною кровлею. Но около 1796 года это кончилось разрывом. Устинья Ермолаевна возбудила против Ганнибалов два судебных процесса.

Еще в 1789 году Исаак Абрамович просил ее достать ему 5 500 рублей, что она, «будучи привержена к тому бывшему второму моему мужу и ко всей его фамилии», исполнила. По рассказу Толстой, Исаак Абрамович во-время этих денег не заплатил, так что Толстая как заемщица содержалась под стражей, часть ее родового имения была с публичного торга продана, а остальная часть назначена к такой продаже. Толстая рассказывала, что сверх того Исаак Абрамович должен ей взятые у ней

заимообразно 8 600 руб., да по опротестованному векселю еще более 4 000 руб.; что в конце концов она принуждена была предъявить к Исааку Ганнибалу иск.

Около 1796 года Устинья Ермолаевна возбудила процесс и против своего «бывшего мужа», а в январе 1798 года обратилась по этому поводу к императору Павлу. Она искала с Осипа Ганнибала 27 000 руб. по рядной записи, которую тот выдал ей при замужестве. В прошении от 23 марта 1797 года на высочайшее имя Ганнибал писал: «Признаюсь, всемилостивейший государь, что рядная запись действительно мною дана; но не получая за нею приданое ни малой части из означенного числа, коего она по состоянию ее до замужества, кое известно всему Псковской губернии благородному обществу, такового немаловажного количества она иметь никогда не могла, а дана оная из одной моей к ней любви и приверженности; но оставя все сии дальновидные исследования, я, живши еще с нею, собственностью моею построил ей в Пскове дом, в коем она ныне сама живет и пользуется с оного доходами; под городом купил дачу, устроил оную, доходы оной доставляют ей непосредственное, притом сделано мною ей по ее желанию довольное число бриллиантовых вещей и серебро, доставшееся мне по разделе с братьями по

кончине родителя нашего, все мною ей предоставлено, что составит сумму противрядной, и она, признав уже себя удовлетворенною по оной, дала мне в том и расписку, чтобы ей по оной с меня никакого взыскания не чинить, о чем неоднократно говорила господину полковнику А. М. Вымдомскому и артиллерии подпоручику Павлу Ивановичу Неелову. Но во усугубление совершенного моего несчастия оная ее расписка у меня по бытности моей в ее доме похищена, а она, пользуясь сим случаем, споспешествующим ее коварству, означенную рядную представила правительству [т. е. суду], дабы по оной с меня учинить взыскание, и тем ввела меня до бедственного состояния, в коем я ныне по несчастью нахожусь». Ганнибал просил царя помочь ему в этом деле.

При безалаберности и расточительности Осипа Абрамовича надо думать, что его Михайловское было уже заложено, т. е. обременено долгами. Новый процесс ставил его в тяжелое положение. Для нас особенно важно то, что этот процесс сильно сокращал наследственные перспективы Надежды Осиповны. Тяжбу с Устиньей Ермолаевной ему удалось затянуть, так что конца этого дела ему видеть не привелось. Он умер 12 октября 1806 года в селе Михайловском «от следствий невоздержной

жизни», по свидетельству его знаменитого внука, почти шестидесяти лет. Первый нервный удар хватил его, как мы видели, около 1790 года. С формальной женой своей, Марьей Алексеевной, он так и не видался с самого их разрыва в 1776 году. Даже после всех тяжелых передряг, после разрыва с Устиньей Ермолаевной, у обеих, кажется, сторон не возникало желания соединиться вновь.

16

Печально складывалась и история Исаака Абрамовича. Толстая, как мы видели, и к нему предъявила иск по ряду долгов. По ее словам Исаак Абрамович стал от суда уклоняться, прибегая к переездам из Псковской губернии в Петербург и обратно. В конце концов, Толстая обратилась в 1796 году к императрице с просьбой «отринуть Ганнибалово от разбирательства в суде отбывательство». Толстой удалось добиться присуждения ей исков. Ганнибал перенес дело в Сенат. 1 февраля 1798 года он жаловался генерал-прокурору кн. Куракину, что «однако же к несчастию моему и всего моего семейства по требованию С.-Петербургского губернского правления выслан и привезен сюда за караулом яко совершен-

ный преступник и теперь не знаю участи моей, и в сем несчастном моем положении соперница моя полагает для себя утешение». Сенат оставил жалобу Ганнибала без последствий за пропуском срока на обжалование и предписал произвести взыскание. Ганнибал подал прошение императору Павлу. 7 мая 1798 года он вторично обратился к кн. Куракину с просьбой сделать распоряжение о приостановлении взыскания и освобождении от полицейского надзора, так как в невыезде из Петербурга он представил поручительство. Повидимому, Ганнибалу удалось затянуть дело.

Между тем, его постигла новая беда. Не успел он еще выпутаться из дела с Устиньей Ермолаевной, как был посажен в городовую тюрьму за другой долг, в 35000 рублей. Случилось это в 1798 году. Жена Ганнибала бросилась за помощью к императору. Она просила выдать экстраординарную дополнительную ссуду за уже заложенное имение ее, в 200 душ, и ее мужа, в 247 душ, и принять участие в судьбе ее многочисленных детей — их тогда было 12 человек. Павел приказал четырех сыновей взять в кадеты, в разные корпуса, четырех — в Сиротский военного воспитания дом. Просьба матери взять и восемнадцатилетнюю дочь, обученную французскому и немецкому языкам, «на услуги»

к царским дочерям осталось без ответа. Не знаем, чем кончилась просьба о дополнительной ссуде — повидимому, неудачно. Во всяком случае от долговой тюрьмы Ганнибал, вероятно, скоро освободился.

В июне 1801 года Исаак Абрамович обратился уже к Александру I: «Имея 15 человек детей, из коих 3 сыновей продолжают действительную службу, а три находятся в корпусах; из дочерей же 2 находятся в военном сиротском корпусе, а 5 остаются при мне,— не малое надлежало употребить иждивение для доставления одного только содержания, потребного к сохранению бытия их, кольми паче для усовершенствования воспитания приличными наставлениями и науками. От сей уже одной причины имущество мое и жены моей, состоящее из 300 душ [остальные ушли, вероятно, на уплату долгов], неминуемо должно было придти в истощение и уменьшение,— но к сему присоединились еще случайные обстоятельства: четырекратный пожар и другие неблагоприятности, которые в конец разрушили мое состояние необходимым впадением в немалые долги, за удовлетворение коих, сверх понесенных мною жестоких злострадании, лишился ныне всего имущества, а семейство мое подверглося совершенной гибели, лишася пропитания, покрова, помощи и самой на-

дежды к своему спасению, потому наипаче, что по уничтожении лесного управления лишился я и места обер-форштмейстерского в Псковской губернии, которое составляло единственную подпору в моем бедствии». Ганнибал просил «о взятии вышеозначенного родового моего и жены моей имения в банк с выдачею мне на уплату долгов 25-ти тысяч рублей, расположа уплату сей суммы по годам. Сим только великодушным действием может спасено быть мое семейство от нищеты и презрения, каковое бедность влечет за собою» и т. д. Несколько месяцев Ганнибал не получал ответа и, наконец, в октябре обратился за содействием к А. А. Беклешеву, горько жалуясь на свое положение: «...в конец расстроен и разорен будучи, во всех частях своего состояния, без всякой притом надежды и средства к восстановлению оного».

Затянувшееся дело Исаака Абрамовича с Толстой было, наконец, кончено в Сенате в 1802 году, но не в пользу Ганнибала. 23 июня 1803 года он обращается к Державину, тогдашнему министру юстиции. Рассказав о печальном для него решении Сената, Ганнибал пишет: «Это есть самое пагубнейшее в жизни моей обстоятельство, отъемлющее весь способ к некоторому поправлению; ибо чрез часть наследства,

следующего мне после покойного брата моего Ивана Абрамовича [умер в 1801 г.], надеялся я разобраться с некоторыми кредиторами, вынудившими у меня за маловажные ссуды знатные пожертвования лучшим моим имением. Но новая сия буря стремится совсем ниспровергнуть и сии слабые остатки надежды и счастия; а что всего бедственнее, что я имею дело с человеком, коего сердце чуждо сострадательности — вся толпа моего семейства, если бы превратилась в потоки слез, едва ли может возбудить к себе соболезнование. Не получа еще успеха в деле своем, в бытность свою во Пскове огласила к крайнему моему прискорбию, что она единым только поработением меня с семейством останется довольною, считая выигрыш свой как бы вещью маловажной...» Ганнибал просил склонить Толстую к снисходительности. Она осталась непреклонна. Как он в конце концов выбрался из тяжелого положения,— мы не знаем. В тех просьбах он указывал, между прочим, что вследствие упразднения лесного управления он лишился места оберфорстмейстера (старшего лесничего) в Псковской губернии. Но, повидимому, он вскоре опять получил это место. В 1804 году Исаак Абрамович умер. После него осталось весьма обширное ганнибаловское гнездо, так как у него

было 15 детей. С этими Ганнибалами Пушкины дружили. Впоследствии поддерживал с ними родственные связи, не очень, впрочем, близкие, и наш поэт.

17

Анненков изображает Ганнибалов как некоторый определенный тип «коренной русский и дворянский, тот самый, который возник в среде помещиков XVIII века, еще помнивших эпоху Петра I», характеризуя их как грубых, малокультурных и малограмотных людей. В качестве общей эта характеристика слишком примитивна и едва ли верна. Назвать малокультурным родоначальника фамилии — Абрама Петровича, очевидно, нельзя. Она вовсе не подходит к Ивану Абрамовичу, которого мы знаем как умного, образованного, благородного, рассудительного и спокойного человека. Иным представляется дед поэта — Осип Абрамович. Признать его полуграмотным трудно. Осип Абрамович производил впечатление в обществе и ценился им, вероятно, не за грубость и малокультурность. Но это был человек до крайности пылкий, легкомысленный и расточительный. Затруднительно назвать малограмотным добродушного и благодушного Исаака Абрамо-

вича. Аннеков не знал писем, которые мы знаем, — они написаны сравнительно складно. Ганнибалы, конечно, не принадлежали к высшей интеллигенции XVIII века. Не имели они и лоска французского воспитания. Это были заурядные дворяне средней руки, коих было много. Над средним уровнем несомненно выдавался и родоначальник фамилии, Абрам Петрович, и его старший сын — Иван Абрамович. Они оба были крупными представителями технической интеллигенции XVIII века, которая не очень выдавалась в истории русской общественности и потому мало привлекала внимание историков, но имела важное значение и играла крупную роль в истории хозяйственного и военного строительства государства.

Рассмотрение портретов и разные иные сведения о физическом облике Ганнибалов показали, что этим обликом они походили на абиссинца-отца. Эти абиссинские черты сказались, хотя и в постепенно ослаблявшемся виде, и в третьем, и в четвертом поколениях Ганнибалов. По своему психическому складу все четыре брата были наредкость различны. Особый интерес возбуждает, конечно, дед поэта. Мы уже обращали внимание на то, что было много людей, которые, несмотря на все приключения Осипа Абрамовича, ценили его и

уважали. Поэтому окрашивать его в один сплошной темный цвет не приходится. То, что он разошелся с женой, не представляет для того времени чего-либо чрезвычайного, тем более, что мы не знаем, насколько была привлекательна Марья Алексеевна как жена и располагала ли она, с своей стороны, качествами для устойчивой семейной жизни. Вторичный брак Осипа Абрамовича свидетельствует о чрезвычайном его легкомыслии. Но не забудем, что это произошло в ту пору, когда по всей Руси господствовало твердое убеждение, что нет такого закона или запрета, которых нельзя было бы при удаче, умелости, связях обойти. О неменьшем легкомыслии и полной нерасчетливости свидетельствует выдача Устинье Ермолаевне рядной записи на крупную сумму. Но что особенно поражает в Осипе Абрамовиче — это его длительная злобность и та безрассудная энергия, которую он в течение многих лет проявлял в процессе с первой женой.

18

Бабушка поэта Марья Алексеевна сыграла очень крупную роль в период его детства. Мы видели, как несчастливо сложилась ее семейная жизнь. Но мы не располагаем

твердыми данными, которые побудили бы нас всю вину возложить на мужа и во всем обелить жену, хотя хорошим мужем Осип Абрамович несомненно быть не мог.

Марья Алексеевна выросла в семье отца, который получил приличное воспитание и образование. Надо думать, что и она была для своего времени достаточно интеллигентной. По крайней мере, оказавшись впоследствии, после разрыва с мужем и решения императрицы, в скромных (а не в «бедных», как думал впоследствии поэт) обстоятельствах, Марья Алексеевна сумела дать своей дочери вполне приличное воспитание. Надежда Осиповна хорошо знала языки и могла быть приятной собеседницей в интеллигентном и светском обществе. Марья Алексеевна сыграла крупную роль и в воспитании своих внуков, в том числе и нашего поэта.

В. О. Михневич сообщает, что имеющиеся в судебном деле подлинные письма бабки поэта «весьма грешили против орфографии» и что по самому каллиграфическому строению подписей Марьи Алексеевны видно, что «изображавшие их дамские пальчики совсем не обыкли обращаться с пером». Но судить об интеллигентности человека по почерку не приходится.

Когда в 1796 году Надежда Осиповна вышла замуж в Петербурге за Сергея

Львовича Пушкина, то Марья Алексеевна продала свой дом в Преображенском полку и переселилась к зятю в Измайловский полк. Когда Пушкины поехали в Москву, то и Марья Алексеевна последовала за ними. Е. П. Янькова знала дом Пушкиных в 1809 или 1810 году и сообщает, что «Пушкины жили весело и открыто, и всем домом заведывала больше старуха Ганнибал, очень умная, дельная и рассудительная женщина; она умела дом вести как следует и она также больше занималась и детьми: принимала к ним мамзелей и учителей и сама учила». Свою фамилию Марья Алексеевна подписывает «Ганнибалова», в просторечьи же ее зовут «Ганнибальшей». Сестра поэта, Ольга Сергеевна, пишет в своих воспоминаниях: «Замечательна по своему влиянию на детство и первое воспитание Александра Сергеевича и сестры была их бабушка Марья Алексеевна. Происходя по матери из рода Ржевских, она дорожила этим родством и часто любила вспоминать былые времена. Так передала она анекдот о дедушке своем Ржевском, любимце Петра Великого [приведен выше, II, 6]... Марья Алексеевна была ума светлого и по своему времени образованного; говорила и писала прекрасным русским языком, которым так восхищался друг Александра Сергеевича, барон Дельвиг [близкий школьный това-

рищ поэта]». Первые биографы детства поэта, Бартенев и Анненков, опирались, главным образом, на эти воспоминания Ольги Сергеевны, но, кажется, имели и другие источники. Бартенев рассказывает, что М. А. «была первою воспитательницей поэта. У нее выучился он читать и писать по-русски. Он залезал в ее рабочую корзину, смотрел, как она занимается рукоделием, слушал ее рассказы про старину... От нее, без сомненья, осталось у Пушкина много семейных преданий. Заметить надо, что М. А. отлично писала по-русски...» То же, с большими подробностями, Бартенев рассказывает во второй своей статье: «Женщина старинного воспитания, выросшая в глуши России, дочь тамбовского воеводы, М. А. отличалась здравым, простым образом мыслей. Более или менее чуждая иноземных обычаев, она говорила только по-русски и впоследствии ее письмами к внуку в лицей восхищался барон Дельвиг. Она-то, без сомнения, была первою воспитательницей будущего поэта... Она любила вспоминать старину, и от нее Пушкин наслышался семейных преданий, коими так дорожил впоследствии. Она рассказывала ему о знаменитом арапе Петра Великого и о других родственниках и предках своих и своего мужа. Так, мы знаем, например, что любимый рассказ ее был о дедушке

ее Ржевском, к которому езжал Петр Великий... Эта добрая бабушка была и первым воспитателем Пушкина. Она выучила его русскому чтению и письму». Все это подтверждает и Анненков в первой своей книге. Во второй он пишет: «Нужда и горе развили в М. А. практический ум, хозяйственную сноровку и способность понимать предметы в их отношениях к действительной и вседневной жизни. Простота, ясность и меткость ее речи, впоследствии так восхищавшие Пушкин и друга его Дельвига, обусловливались отчасти и ограниченным кругом понятий, в котором вращалась М. А. и через который смотрела на остальной мир. Предание изображает ее нам как настоящую домоправительницу. Девичья ее постоянно была набита дворовыми и крестьянскими малолетками, которые, под неусыпным ее бдением, исполняли разнообразные уроки, всегда рассчитанные по способности каждой девочки и каждого мальчика. Отсюда восходила она очень просто до управления взрослыми людьми и до хозяйственных распоряжений по имению, наблюдая точно так же, чтобы ни одна сила не пропадала даром...» и т. д.

Все, что мы знаем о бабушке, заставляет внести одну существенную поправку в биографическую традицию. Мы только что видели, что бабушка была прекрасной

хозяйкой и что она правила домом Пушкиных, так как сами они устроением материальной стороны быта не интересовались. С другой стороны, мы имеем сведения о полной хозяйственной безалаберности дома Пушкиных, об отсутствии в нем даже того «благочиния», которое образует прочный уклад жизни. Как примирить это несомненное противоречие? Сведения о хозяйственной неустроенности дома идут из двух источников — от барона М. А. Корфа и Л. Н. Павлищева., передававшего впечатления своих родителей. Корф знал семью Пушкиных в 1817—1820 годах, а бабушка умерла в 1818 году, 73 лет, и, вероятно, в последние перед смертью годы, за преклонным возрастом, уже не управляла хозяйством дома. Отец же Л. Н. Павлищева, особенно удрученный бесхозяйственностью Пушкиных, вообще не знал Марьи Алексеевны, да и Ольга Сергеевна находилась, очевидно, под впечатлением позднейшей хозяйственной нескладицы в родительском доме. Поэтому, при характеристике уклада дома Пушкиных в период детства поэта, следует отбросить сообщения Корфа и Павлищева как относящиеся к более позднему времени. В этот ранний период домом правила бабушка и, надо думать, правила хорошо и складно, по крайней мере, в пределах тех материальных ресурсов, кото-

рыми Пушкины располагали. Но самые эти ресурсы были тогда скромными. Михайловское Пушкины получили только в 1806 году в виде расстроенном и разоренном, обремененное долгами и тяжелым процессом, от которого избавились только в 1811 году. Крупное болдинское имение находилось в нераздельном общем владении наследников такого типа, как Василий и Сергей Львовичи. Они были слишком безалаберны, чтобы вместе вести хозяйство хоть сколько-нибудь складно и рационально, и слишком дружны, чтобы поскорее разделиться. В подобной обстановке и практичная Марья Алексеевна едва ли что могла сделать, тем более, что как женщина тактичная она, вероятно, удерживалась от вмешательства в отношения с родней зятя. К концу жизни бабушки и после ее смерти в 1818 году дом Пушкиных приобрел те черты хаоса и нескладицы, о которых рассказывает Корф и из которых Пушкины в дальнейшем уже никогда не выходили.

Бабушка любила внука, болела душой за черты неуравновешенности в его характере, была любима им и переписывалась с ним, когда его отвезли в лицей, хотя, может быть, не так часто, как это думают.

19

У Марьи Алексеевны были сестры Надежда и Екатерина и братья Юрий и Михаил.

В дошедшей до нас черновой программе предположенных поэтом автобиографических записок стояли в разделе, относящемся к периоду московского детства, два загадочных имени; «Кат. П. и Ан. Ива». Давняя биографическая традиция видит в этих обозначениях недописанные имена двух из «многочисленных» и неприятных для мальчика гувернанток. Так, в приложенном к изд. сочинений Пушкина 1931 года «Путеводителе по Пушкину» по поводу «Кат. П.» указано: «лицо неизвестное, возможно гувернантка Пушкина-ребенка». Между тем, в программе указанные имена поставлены после упоминания о гувернантках и перечисления гувернеров. Но к мальчикам гувернанток приставляли не после, а до гувернеров. При традиционном толковании выходит, что в описании своего детства поэт намеревался рассказывать сначала о гувернантках, потом о гувернерах (что было вполне последовательно), а затем опять о двух гувернантках, названных им по именам, что было бы совсем непоследовательно. Наконец, нам из других источников, идущих из семьи Пушкиных,

давно известны имена некоторых гувернанток в этой семье, и среди них нет «Кат. П. и Ан. Ива». А Пушкин в программе упоминает только эти два имени и никаких других — и с этой стороны получается странность. Таким образом, уже давно известная нам программа поэта давала достаточное основание считать Кат. П. и Ан. Ивановну не за гувернанток, а за каких-то других лиц, причастных к семье Пушкиных в пору его детства.

Впервые основания для раскрытия «Кат. П.» дал Л. А. Виноградов в изданной в 1930 году работе «Детские годы А. С. Пушкина». Он установил по церковным исповедным ведомостям 1801 года, что при бабушке Марье Алексеевне значится ее сестра девица Катерина 56 лет. Если эта престарелая девица была сестрой Марьи Алексеевны, то, стало быть, носила фамилию Пушкиных. Смысл одного из загадочных имен программы «Кат. П.», таким образом, вполне раскрывается. От самого Виноградова это сопоставление ускользнуло; он по принятой традиции считал Кат. П. гувернанткой, не раскрывая этого имени. Почему поэт вспомнил Катерину Алексеевну Пушкину,— остается неизвестным. Едва ли она оказала на него какое-нибудь значительное воздействие. Если бы это было иначе, то, вероятно, ее вспо-

мнила бы и сестра поэта, позднейшие рассказы которой легли в основу первых описаний его детства. Вероятнее всего, что Екатерина Алексеевна, жившая в семье Пушкиных, была в каком-либо отношении занимательной фигурой, а потому и вспомнилась Пушкину. Вспоминал он в зрелые годы еще о какой-то сумасшедшей родственнице, жившей в его семье в пору его детства. Но относящиеся к ней рассказы нельзя приурочить к бабушке Екатерине Алексеевне: та родственница была молодой девицей.

О другой сестре бабушки, Надежде, ничего неизвестно. Возможно, что она рано умерла.

Старший брат бабушки, Юрий Алексеевич, родился в 1743 году. В 1760 году состоял лейб-гвардии капралом; в 1763 году — вахмистр, переведен в армию поручиком; в 1765 году — ротмистр. Участвовал в походе против Турции: в 1769 году был под Хотиным, в 1770 году — под Браиловым, в 1771 году — под Бухарестом и Силистрией. В том же 1771 году секунд-майором Рижского карабинерного полка. В 1777 году, после смерти отца, наследовал родовую вотчину — с. Покровское, Тамбовской губернии. Но за ним значится здесь только 130 душ; вероятно, остальные достались брату. Около этого времени в Покровское вернулась злополучная, покинутая мужем

Марья Алексеевна с своей малолетней дочерью. Юрий Алексеевич, вероятно, стал помогать сестре. В 1778 году он женился на Надежде Герасимовне Рахманиновой, дочери подполковника, родной сестре известного поклонника и переводчика Вольтера, И. Г. Рахманинова. Первым его сыном был Александр (род. в 1779 г.). Окрестила племянника Марья Алексеевна и вскоре после этого уехала, повидимому, в Москву. Располагая только небольшим именнем, Юрий Алексеевич едва ли мог сделаться простым помещиком. Он и после вступления во владение родовым именнем и после женитьбы продолжал службу. В 1778 году он премьер-майор, позднее подполковник. Умер 9 сентября 1793 года. Через 40 дней после смерти состоялся приказ о производстве его в полковники и назначении комендантом никитской крепости.

Когда Марья Алексеевна водворилась в Петербурге, то взяла племянника Александра Юрьевича к себе, определила в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, брала его к себе в отпуск по праздникам. Александр Юрьевич сдружился здесь со своей двоюродной сестрой, будущей матерью поэта. В преклонном возрасте он напечатал небольшие воспоминания о семье Пушкиных за годы около времени рождения Пушкина.

Не выдавался чем-нибудь особенным и второй брат бабушки, Михаил Алексеевич, но тоже сделал сносную карьеру. Он родился в 1745 году и сначала служил в военной службе, в гвардии. В 1759 году он капрал Конной гвардии, в 1763 году — вахмистр, поручик, в 1768 году — ротмистр, в 1776 году — подполковник Орденского кирасирского полка. Затем он переходит на гражданскую службу, в Петербурге же; в 1784 году он статский советник. Он деятельно помогал сестре в ее истории с мужем и опытною рукою вел ее дело. Повидимому, благополучное для нее окончание этого дела в немалой доле зависело от компетентного и умелого содействия Михаила Алексеевича. Он же состоял опекуном над своей племянницей Надеждой Осиповной.

В 1791 году Михаил Алексеевич женился на Анне Андреевне Мишуковой, родственнице канцлера графа А. Р. Воронцова. В 1793 году у них родился сын Алексей. Мария Алексеевна отдала им в кормилицы свою крестьянку, Арину Родионовну, где эта последняя оставалась няней до 1797 года, когда возвратилась на ту же роль в семью Сергея Львовича и Надежды Осиповны, где ей выпало на долю стать прославленной няней великого поэта. Михаил Алексеевич получил в 1792 году довольно важную должность председателя Петербург-

ской палаты уголовного суда, но в следующем году умер. Его единственный сын Алексей стал впоследствии, уже в послепушкинские годы (1820 г.), профессором Царскосельского лицея.

Бросается в глаза одна черта описанных лиц: они связаны довольно сильным родственным чувством. Братья помогали злополучной Марье Алексеевне, а эта последняя, в свою очередь, пристраивает племянника, отдает брату из своих крестьян толковую няньку, приютила у себя оставшуюся незамужней сестру, которой угрожала участь приживалки, дорожила семейными преданиями. Любопытно, что и детей Льва Александровича Пушкина от второго брака связывало довольно сильное родственное чувство: все они любили друг друга, а Сергей Львович, отец поэта, особенно дорожил родственными отношениями и связями. Такое же чувство владело, кажется, и матерью поэта, Надеждой Осиповной. Но своей родней она считала Ганнибалов. Она, конечно, знала, что была на них несколько похожа, и не только своим внешним обликом. Таким образом, наш поэт вышел из кругов с очень сильными родственными чувствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О Льве Александровиче в родословной росписи Модзалевского и Муравьева: род. 17 февраля 1723 г., ум. 25 октября 1790 (погребен в старом соборе Донского мон-ря). В службе с 1739 капралом; в 1741 сержант; в 1747 штык-юнкер; в 1749 подпоручик; в 1754 капитан; в 1759 майор; 17 августа 1759 для излечения болезни отпущен в дом на год; сторонник Петра III, за противодействие восшествию на престол Екатерины II был заключен в крепость, где пробыл два года (Русск. Стар., XXXV, 408); 23 сентября 1763 г. уволен от службы за болезнями, с произведением в подполковники артиллерии (б. Лефорт. арх.). Наследовал имения отца в Московском, Дмитровском и Рязанском уу. и в Арзамасском у. в с. Болдине; в 1780 прикупил к последнему земли. В 1761 за ним 1400 душ. Жена 1) Мария Матвеевна Воейкова, дочь Матвея Федоровича; 2) Ольга Васильевна Чичерина, род. 5 июня 1737, ум. 22 января 1802, дочь Василия Ивановича (полтавский комендант, род. в 1700, ум. в 1793, был замешан в деле Остермана и Головкина) и жены его Лукерьи Васильевны Приклонской (от этого брака 2 сына и 2 дочери); за нею 476 душ с 446 четв. По разделу 1795 получила с сыновьями с. Болдино, 1114 душ с 469 четв.

О детях Льва Александровича в той же росписи сообщено:

Николай Львович (от 1-го брака); бездетн., род. 7 апреля 1745, ум. 25 сентября 1821 (Симонов монастырь); в 1755 капрал; в 1758 в артиллерийскую школу в ученики; сержант; в 1760 штык-юнкер; в 1765 подпоручик; в 1770 поручик; в 1773 капитан; в 1781 майор; в 1786 артиллерии подполковник: в Турецком походе под Хотиным; в 1778—1784 в Польше; в 1787 на Кавказе; в 1792 отставлен артиллерии полковником. В Воскресенском и Сергачском уу. с братом Петром Львовичем владел 700 душами (б. Лефорт. арх.). Жена Анна Васильевна Измайлова (род. в 1754, ум. в 1827), сестра писателя.

Петр Львович (от 1-го брака), бездетн.; род. 13 января 1751, ум. 15 мая 1825 (погребен в Болдине); в 1765 кадет артиллерийского кадетского корпуса; в 1771 штык-юнкер; в 1773 подпоручик; в 1778 поручик; в 1783 квартермистр; в 1785 капитан; в 1793 майор; в 1770 при взятии Бендер; в 1771 под Бухарестом; в 1786 за Тереком против чеченцев; в 1795 уволен артиллерии подполковником (б. Лефорт. арх.); за ним в 1798 г. 130 душ Нижегородской губ.; в 1825 за ним в с. Кистеневке Сергачского у. 1009 душ (платили с 150 тягол по 29 р. — 4350 р.) (Дело б. Сергачской дворянской опеки 1825 № 32). Жена Казинская.

Александр Львович (от 1-го брака), бездетн.; род. в 1757, ум. после 1795; в 1765 кадет артиллерийского кадетского корпуса; в 1771 штык-юнкер; в 1773 подпоручик; в 1778 поручик; в 1783 квартермистр; с 1785 капитан; в 1770—1775 в Турции; в 1779 в Польше (б. Лефорт. арх.); по разделу с матерью и братом Василием Львовичем получил в Болдине 2114 душ.

Василий Львович (от 2-го брака); бездетн.; род. 27 апреля 1767, ум. 20 августа 1830 (Донской мон-рь); в 1777 сержант л.-гв. Измайловского п.; в 1791 прапорщик; в 1799 отставной гвардии подпоручик; в 1801 колл. ас. Владел в Болдине 600

душами. Поэт, член «Арзамаса». Жена Капитолина Михайловна Вышеславцева (род. в 1778, ум. 16 февраля 1861, дочь гв. поруч. Михаила Степановича; погреб. в с. Дятькове Брянского у.); они развелись (22 июня 1806), и она вышла за секунд-майора Ивана Акимовича Мальцева (1774—1853). В. Л. Пушкин и Анна Николаевна Ворожейкина имели воспитанников Васильевых: Маргариту Васильевну (1810—1889), за Петром Романовичем Безобразовым (1797—1856), и Льва Васильевича (род. в 1812).

Анна Львовна (от 2-го брака); род. 20 марта 1769, ум. 14 октября 1824 (Моск. Донской мон-рь).

Сергей Львович (от 2-го брака); род. 23 мая 1770, ум. 29 июня 1848 (погребен в Святогорском мон-ре); в 1777 сержант л.-гв. Измайловского п.; в 1791 прапорщик; в 1797 капитан-поручик л.-гв. Егерского батальона; в 1800 в Комиссариатском штате; в 1811 военный советник; в 1814 в Варшаве, начальник Комиссариатской комиссии резервной армии; в 1817 в отставке ст. сов. В 1791 с матерью, братом Василием Львовичем и сестрами получил с. Болдино; за женою получил с-цо Михайловское, Опочецкого у. Поэт. Жена с ноября 1796 Надежда Осиповна Ганнибал (род. 21 июня 1775, ум. 29 марта 1836, погребена в Святогорском мон-ре; внучка Алексея Федоровича Пушкина).

Елизавета Львовна (от 2-го брака); род. 13 августа 1776, ум. 27 сентября 1848 (Донск. мон-рь); между 1795—1803 вышла за переводчика коллегии иностранных дел, камергера Матвея Михайловича Сонцова (род. 11 июня 1779, ум. 10 ноября 1847, Моск. Донск. мон-рь).

В справке о Льве Александровиче сообщено, что вторая его жена по разделу 1795 года получила с сыновьями с. Болдино 1114 душ, причем источник этого сообщения не указан. Н. О. Лернер сообщает («Труды и дни Пушкина», стр.

18), что по разделу Ольга Васильевна с сыновьями получила с. Болдино с 1055 муж. и 1059 женск. душ, т. е. всего 2114 душ, и эта последняя цифра представляется более правдоподобной и вяжущейся со сведениями, сообщенными П. Е. Щеголевым из других источников (см. в тексте III, 2). Нет ли в «Родословной росписи» опечатки — 1114 вместо 2114. Кстати эта последняя цифра сообщена в справке об Александре Львовиче.

В справке об Александре Львовиче сообщено, что он «по разделу с матерью и братом Василием Львовичем получил в Болдине 2114 душ», что представляется явной несообразностью и к тому же двусмысленностью — непонятно, получил ли А. Л. 2114 душ вместе с матерью и братом по разделу с другими сонаследниками (это, кажется, хотел сообщить составитель росписи) или был совершен раздел между А. Л-чем, матерью и братом Василием (так выходит по тексту). В каком бы смысле ни понимать этот раздел, он мог быть совершен не ранее 1790 года — смерти отца. Но тогда матери А. Л-ча, рожд. Воейковой, давно уже не было в живых (умерла до 1767 г.), да и сомнительно, был ли ко времени раздела в живых и сам Александр Львович — сведения о нем прекращаются с 1785 года. Если под матерью разуметь мачеху Ольгу Васильевну, то представляется совсем непонятным, почему в разделе оказываются объединенными в общей доле Ольга Васильевна, только один из трех ее пасынков и один из двух ее сыновей. Гораздо естественнее предположить, что раздел совершен между членами первой семьи Льва Александровича, с одной стороны, и членами второй его семьи — с другой, что следует также из сведений, сообщенных Лернером и Щеголевым (см. в тексте III, 2). Повидимому, по ошибке, сведения, которые надлежало сообщить относительно Сергея Львовича, составители росписи приурочили к Александру Львовичу.

В справке о Василии Львовиче сообщено, что он «владел в Болдине 600 душами», без указания на источник. Между тем, если Сергей Львович имел 1000 душ, то есть основание предполагать, что и брат его получил столько же. Василий Львович был настолько расточителен, что когда он умер в 1830 году, то наследники его отказались от наследства, чрезмерно обремененного долгами. Поэтому вполне возможно, что был период времени, когда у Василия Львовича оставалось всего 600 душ. Сообщения подобного рода имеют цену только тогда, если имеют определенное хронологическое приурочение, которое, вероятно, и находилось в том неназванном источнике, откуда это сообщение почерпнуто.

В справке о Сергее Львовиче указано, что он «в 1791 г. с матерью, братом Василием Львовичем и сестрами получил с. Болдино». Источник опять не указан. У Лернера указан 1795 год; этот же год приведен в справке по поводу Льва Александровича.

При описанной путанице использование «Родословной росписи» для научных целей становится невозможным или рискованным.

А. П. Звездич в брошюре «О Болдинском имении А. С. Пушкина» (Нижний 1912) пишет: «Кистенево показано как часть прихода Болдина. Вероятно, оно было выселено сюда по господскому велению за самоуправство и бунт; недаром улицы Кистенева получили характерное наименование, как Самодуровка и Бунтовка. Нам думается при этом, что этот опальный поселок был образован дедом поэта Л. А. Пушкиным. В Болдине он сам живал и, как человек, отличался, по свидетельству А. С. Пушкина, крутым и вспыльчивым характером». Свидетельство поэта о своем деде, как мы видели, не особенно надежно. Под приведенной догадкой Звездича об образовании Кистенева нет опоры. Деревня эта упоминается уже в перепис-

ных книгах 1678 года и, следовательно, существовала уже задолго до Льва Александровича.

Из мелких городских участков Л. А. Пушкина известно одно на Арбате, в приходе «Николы что в плотниках», на дворцовой земле в 440 саж., по купчей 1751 года. Второе Л. А. купил 1 июля 1746 года у И. И. Головина (вероятно, его дядя) за 10 рублей — белое место в приходе церкви Николая, что в Хлынове, между Тверской и Никитской улицами. В 1758 Л. А. Пушкину дана межевая выпись на владение около Москвы, на белой земле, двором, сгоревшим 29 мая 1737 года.

2. О наследстве Л. А. Пушкина см. Лернер, Труды и дни Пушкина, стр. 18, и Щеголев, Пушкин и мужики, стр. 63. О владениях Льва А-ча в Московском, Дмитровском в Зарайском уездах см. у П. Попова в Летоп. Литер, музея, т. I, стр. 227 и сл.

3. О Болдине в конце XVIII века см. Щеголев, там же, стр. 62 и сл.; Летоп. Литер. музея, т. I.

Большое владение Пушкиных по Божедомскому и Самотечному переулкам куплено позднее генерал-губернатором Тормасовым, а в 1824 Ив. Никол. Римским-Корсаковым, с семейством которого дружил поэт. Усадьба с обширным садом превратилась у позднейших владельцев в одно из лучших мест общественных гуляний. См. Л. А. Виноградов в сборн. «А. С. Пушкин в Москве», 1930.

Владение О. В. Пушкиной по Харитоньевскому пер. в конце XIX века принадлежало фабриканту Котову. Давно застроено громадным 4-этажным домом. См. у Виноградова, там же.

4. Л. Н. Павлищев, Воспоминания об А. С. Пушкине, 1890. О бабке О. В. Чичериной Л. А. Виноградов в назв. сборнике, стр. 28—29; Родословная роспись Пушкиных по поводу Льва Алекс. Пушкина.

О владениях О. В. Чичериной, в замуж. Пушкиной, см. у П. Попова, стр. 221 след. и 273.

5. О Марии Александровне Пушкиной, в замуж. Ушаковой, см. ту же Родословную роспись.

6. По надгробной надписи Иван Абрамович родился в 1731, что, по верному замечанию Б. Л. Модзалевского, ошибочно, так как его отец женился в январе-феврале 1731 года на первой жене и впервые встретился с Христиной Матвеевной никак не ранее весны 1731 года.

Ошибку надгробия повторяет Л. Модзалевский в своей справке о предках Пушкина в «Путеводителе по Пушкину», стр. 295. Здесь же фраза о том, что И. А. «в 1784 г. уволен и умер в Петербурге», дает повод думать, что он умер в 1784. Надо — 1801.

Портреты Ивана Абрамовича воспроизведены в венгеровском изд. соч. Пушкина, т. 1, стр. 19 и 21.

Сообщения Пушкина об Ив. Абр-че см. в «Родословной Пушкиных и Ганнибалов».

7. Н. А. Белозерская, «Один из предков Пушкина», в Истор. Вестн., 1899, № 5. А. С. Ганнибал, «Ганнибалы. Новые данные для их биографии» в «Пушкин и его современники», вып. 19—20, 1914.

Анненков указал датой смерти Петра Абрамовича 1822 год, что, ввиду содержащихся в тексте указаний, ошибочно. В справке Л. Модзалевского о предках Пушкина («Путеводитель по Пушкину», стр. 295) указывается 1826 год. Для столь точной датировки у нас, кажется, нет основания.

8. Андрей Павлович Пушкин (род. в 1728, ум. до 1768) служил по военно-инженерной части; в 1762 году отставлен подполковником. С нашим Пушкиным он находился в чрезвычайно далеком родстве и никакой роли в жизни ближайших предков поэта не играл. Его жена Елизавета Абрамовна род. в 1737 году.

9. В. О. Михневич, «Дед Пушкина», в Истор. Вестн. 1886, т. 23; А. С. Ганнибал в «Пушкин и его современники», вып. 19—20.

В «Родословной Пушкиных и Ганнибалов» Пуш-

кин рассказывает о своем деде следующее: «Дед мой, Осип Абрамович — настоящее имя его было Януарий, но прабабушка моя не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения («Шори шорт», говорила она, «делает мне шорна репят и дает им шертовск имя») — дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего (который доводился внучатным братом моей матери); и сей брак был несчастлив; ревность жены и непостоянство мужа были причиной неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостью вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным; бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь, а дедушка послан на службу в черноморский флот. 30 лет они жили розно. Дед мой умер в 1807 году, в своей Псковской деревне, от следствий невоздержной жизни. Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре». В этих сообщениях Пушкина встречаются неточности только второстепенного значения.

10. Сообщение Е. П. Яньковой. См. «Рассказы бабушки, записанные и собранные ее внуком Д. Благово», 1885, стр. 458—460. Следующая за эпиграммой цитата о Византе из письма М. А. Волковой к В. Н. Ланской от 11 ноября 1812, в Русск. Арх., 1872, стр. 2417.

11. Список псковских помещиков приведен в Сборнике трудов членов Псковского археологического общества за 1896 г., Псков, 1897.

18. Две статьи П. И. Бартенева «Род и детство

Пушкина» в Отеч. зап. 1853 и «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии» в Моск. вед. 1854 и отдельный оттиск. Две книги П. В. Анненкова «Пушкин. Материалы для его биографии». 1855, и «Пушкин в Александровскую эпоху». Книга Л. Н. Павлищева «Воспоминания об А. С. Пушкине», 1890.

19. О детях Алексея Федоровича Пушкина в «Родословной росписи» Пушкиных (Модзалевского и Муравьева, 1932) сообщено следующее:

Юрий Алексеевич: род. в 1743, ум. 9 сентября 1793; в 1760 л.-гв. капрал; в 1763 вахмистр, в армию поручиком; в 1765 ротмистр; в 1771 секунд-майор Рижского карабинерного полка; в 1779 премьер-майор; в 1778 подполковник; через 40 дней после смерти произведен в полковники и назначен комендантом Никитской крепости. В 1769 под Хотином; в 1770 под Браиловым; в 1771 под Бухарестом и Силистрией (б. Лефорт. арх.). В Тамбовской губернии владел 130 душами. Жена с 1788 Надежда Герасимовна Рахманинова, дочь подполковника Герасима Иевлевича; род. в 1745, ум. в 1831 (сестра переводчика Вольтера).

Михаил Алексеевич: род. в 1745, ум. в 1793; в в 1759 капрал Конной гвардии; к 1763 вахмистр, поручик; в 1768 ротмистр; в 1776 подполковник Орденского кирасирского полка; в 1784 ст. сов., опекун Надежды Осиповны Ганнибал; в 1792 председатель СПб. палаты уголовного суда. Жена с 1791 Анна Андреевна Мишукова, дочь Андрея Захаровича и жены его Анны Полянской, ум. после 1845. После смерти ее сына (Алексея Михайловича в 1821 г.) ей назначена пенсия 1000 рублей в год.

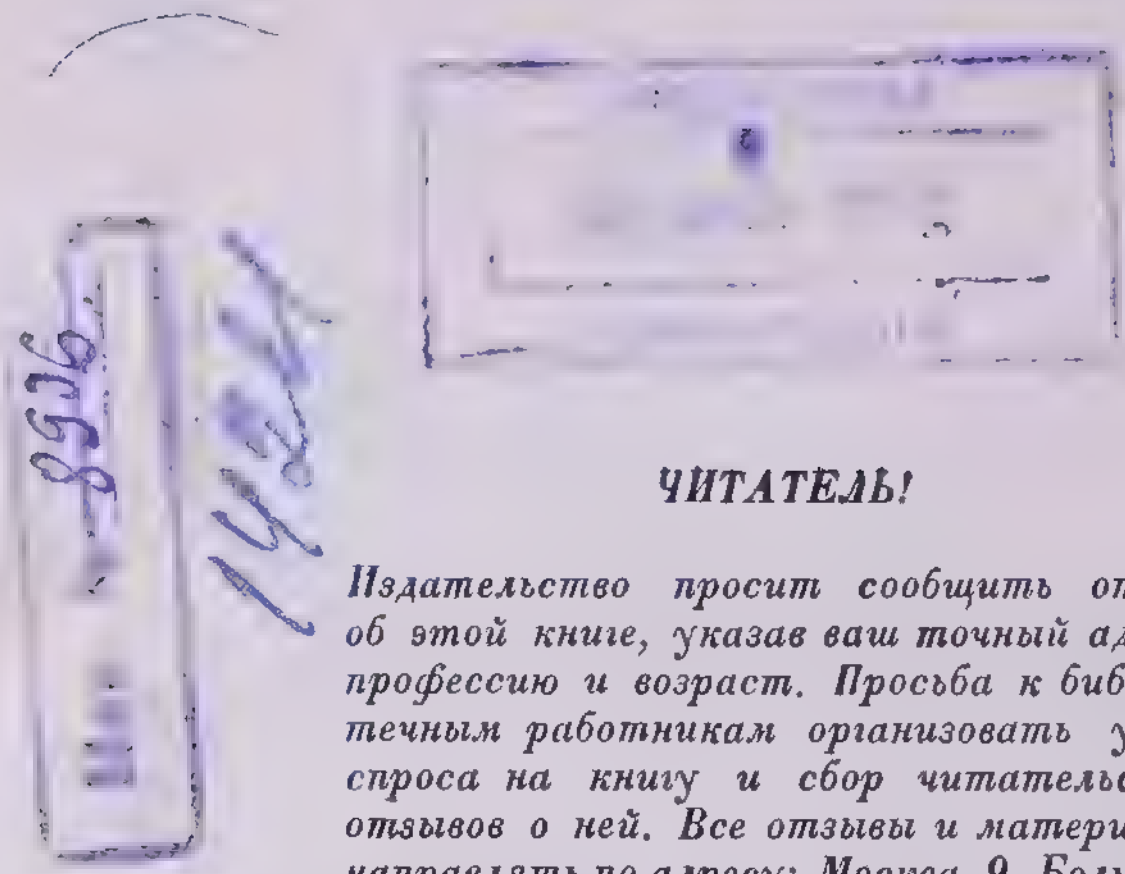
ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

I. **Прадед Абрам Петрович Ганнибал.** — Его абиссинское происхождение. При дворе Петра Великого. Обучение во Франции. Дворцовые интриги. Ссылка. Первая женитьба. Служба в перновской крепости. Расправа с первой женой. Прабабка поэта Христина Матвеевна Шеберх. Отставка. Служба в ревельской крепости. Сельцо Михайловское. Служба в Петербурге. Характеристика Ганнибала 11

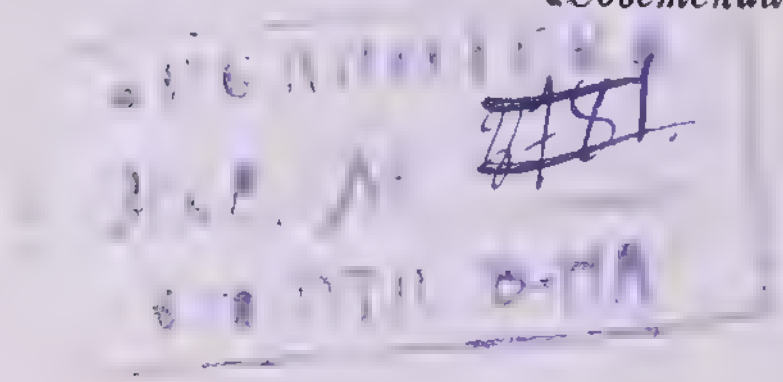
II. **Предки поэта со стороны Пушкиных, Головиных, Ржевских, Чичериных и Приклонских.** — Линия Пушкиных. Предки Головины. Прадед Александр Петрович Пушкин. Нижегородское имение Болдино. Прадед Алексей Федорович Пушкин. Предки Ржевские и Чичерины. Прадед Василий Иванович Чичерин. Приклонские 152

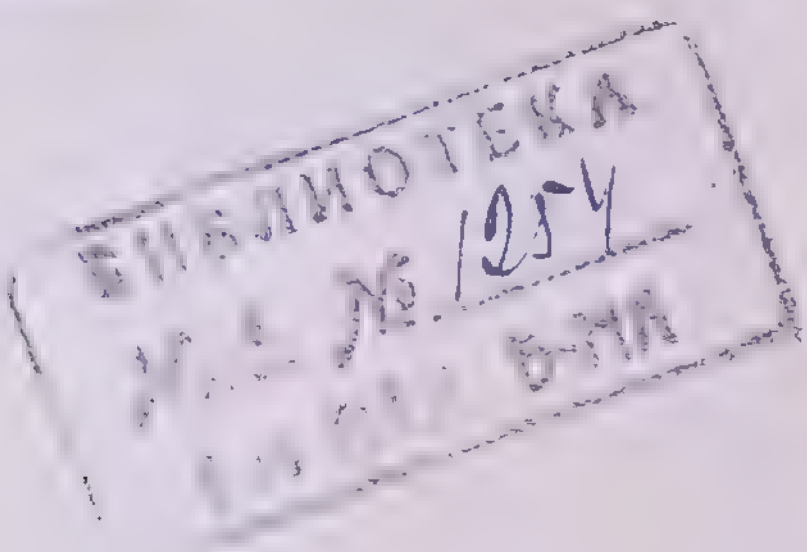
III. **Деды и бабки поэта.** — Дед Лев Александрович Пушкин. Болдинское наследство. Бабка Ольга Васильевна Чичерина. Иван, Петр и Исаак Абрамовичи Ганнибалы. Дед Осип Абрамович. Его две женитьбы. Возбуждение второю женою судебных дел против Ганнибалов. Бабушка Мария Алексеевна и ее родня 211



ЧИТАТЕЛЬ!

Издательство просит сообщить отзыв об этой книге, указав ваш точный адрес, профессию и возраст. Просьба к библиотечным работникам организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов о ней. Все отзывы и материалы направлять по адресу: Москва, 9, Большой Гнездниковский пер., д. 10, издательство «Советский писатель».





ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Страница	Строка	Напечатано	Надо
17	15 сверху	нолагая	полагая
92	12 „	пароде	паролe
188	5 снизу	Очкова	Очакова
243	13 сверху	1742	в 1742
275	15 снизу	Оипу с	Осипу
311	15 „	име-	имени

К книге Вегнера „Предки Пушкина“.

Ответств. редактор **М. Гус.**
Техн. редактор **А. Чугунов.**
Корректор **Бакшицкая.**

Тираж 10.000 экз.
Уполн. Главлита Б 7407 С. П. № 37.
Сдано в производство 7 января 1937 г.
Подписано к печати 3 февраля 1937 г.
Бумага 72 x 90 1/32. Печатных листов 10.
В одном печ. листе 41.184 зн.
Авторских листов 9,68.

Типография Горьк. Полиграф, г. Горький
ул. Фигнер, 32. Заказ № 9513.

Цена 3 р. Переплет 1 р. 25 к.

4р. 25к.